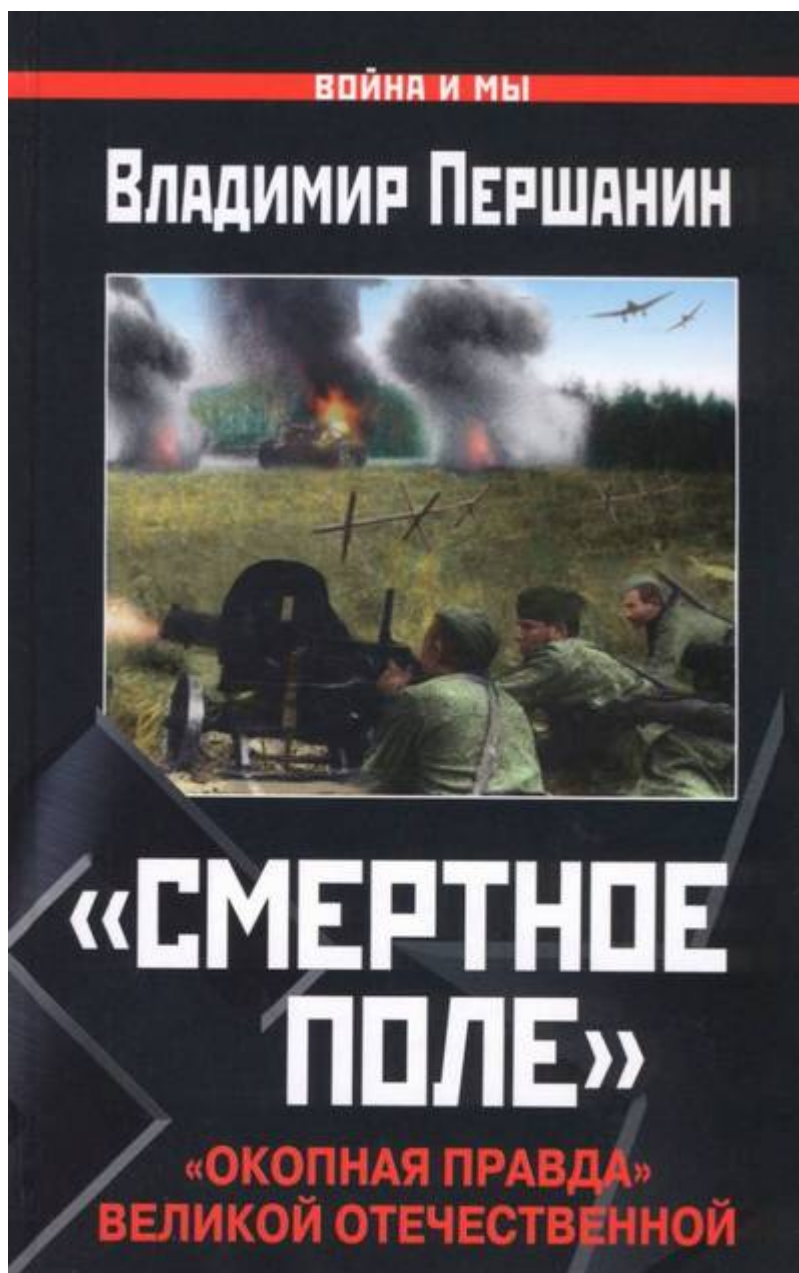

Владимир Николаевич Першанин
«Смертное поле». «Окопная правда» Великой
Отечественной

«Владимир Першанин. «Смертное поле». «Окопная правда» Великой Отечественной.»:
Яуза, Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-31698-4

Аннотация

«Смертное поле» — так фронтовики Великой Отечественной называли нейтральную полосу между своими и немецкими окопами, где за каждый клочок земли, перепаханной танками, изрытой минами и снарядами, обильно политой кровью, приходилось платить сотнями, если не тысячами жизней. В годы войны вся Россия стала таким «смертным полем» — к западу от Москвы трудно найти место, не оскверненное смертью: вся наша земля, как и наша Великая Победа, густо замешена на железе и крови...

Эта пронзительная книга — исповедь выживших в самой страшной войне от начала времен: танкиста, чудом уцелевшего в мясорубке 1941 года, пехотинца и бронейщика, артиллериста и зенитчика, разведчика и десантника. От их простых, без надрыва и пафоса, рассказов о фронте, о боях и потерях, о жизни и смерти на передовой — мороз по коже и комок в горле. Это подлинная «окопная правда», так не похожая на штабную, парадную, «генеральскую». Беспощадная правда о кровавой солдатской страде на бесчисленных «смертных полях» войны.

Владимир Першанин «Смертное поле» «Окопная правда» Великой Отечественной

От автора

Все, кто вступил на передний край, прежде всего роют окопы: рядовые пехотинцы, пулеметчики, связисты, саперы. Танкисты и пушкари укрывают свое оружие в окопах и капонирах. С окопов начинается передовая. Дальше нейтральная полоса — смертное поле до вражеских траншей.

Тема Великой Отечественной войны интересовала меня всегда. Собирал воспоминания отца, родни, моих земляков, коллег по службе, просто знакомых. Получив разрешение, несколько раз забирался в архивы. До девяностых годов были в моде «генеральские мемуары», сильно прореженные цензурой. Они не казались мне интересными. Меня больше привлекали воспоминания простых участников войны: рядовых, сержантов, командиров взводов, рот. Тех, кто прошел через окопы, смертное поле и победил.

Взял на себя смелость излагать события от первого лица. Солдаты той далекой войны были и остаются мне близки.

Танкист сорок первого года

*Я сделал первый выстрел по немцам на седьмой день войны...
Пикуленко Д. Т.*

Дмитрий Тимофеевич Пикуленко, заряжающий легкого танка БТ-7, начал свой боевой путь в июне 1941 года. Если из всех бойцов, начавших воевать от границы, даже по официальной статистике, осталось к концу войны не более 2–3 процентов, то что говорить о танкистах, которым судьба отмеряла на фронте короткую жизнь! Я часто встречался с фронтовиками, но человека с такой биографией видел впервые. Пройти с боями на танке первые самые страшные месяцы войны — трудно представить.

— Так и было, — рассказывает майор в отставке Дмитрий Тимофеевич Пикуленко. — Нас, которые своими танками перекрыли немцу дорогу на Витебск, Смоленск и дальше на Москву, наверное, и в живых никого не осталось. Ну, если просишь, начну с самого начала.

Родился я 12 декабря 1921 года в деревне Емельяшевка Таборинского района Свердловской области. Семья была большая: пять братьев, две сестры. Самый старший — Егор, 1906 года рождения, я — самый младший. Маму не помню, она умерла, когда мне было месяцев шесть.

Люди на Урале у нас хорошие, душевные. Если бы не родня, односельчане, да и колхозу спасибо, отец бы нас не поднял. Семеро на руках, дом, хозяйство. Пытался он снова жениться, но никто из женщин за него не шел. Какой бабе столько хлопот надо? Приходили, помогали, а жить не хотели. Отец умер, когда мне было пятнадцать лет. К тому времени старшие братья поженились, сестры замуж вышли, а я с тринадцати лет работал в колхозе

имени Ворошилова: конюхом был, хлеб убирал и возил, лес под пашню корчевал. Образование у меня было аж четыре класса. В октябре 1940 года призвали в армию. Попал я в город Калугу, тогда он входил в Тульскую область. Город не из самых крупных, но мне показался огромным. Жил-то я в глуши. Райцентр — село Таборы — находится в 360 километрах от Свердловска (ныне Екатеринбург), а до ближайшей станции было сто с лишним километров.

Попал я в 18-ю танковую дивизию, которой командовал генерал-майор Ремизов Ф. Т. Пара недель карантина, и меня направили в отдельный механизированный разведывательный батальон под командование майора Крупского. Батальон располагался на окраине Калуги и был технически хорошо оснащен. Состоял из трех рот: танковой (куда меня зачислили), броневой и мотоциклетной роты. Имелись еще вспомогательные взводы: связь, снабжение и так далее. Но главная мощь заключалась в наших трех ротах, особенно танковой. Это не пешая и даже не конная разведка! Батальон мог не только разведку проводить, но и хорошо встречный удар нанести. Десять танков, штук двенадцать бронемашин и около двух десятков мотоциклов! Бронемшины в основном БА-10, с пушечным вооружением, и более легкие БА-20 с пулеметом. Мотоциклы, не помню какой марки, но проходимые, большинство с колясками и тоже с пулеметами. Про танки отдельно скажу.

Служба была мне не в тягость. Почти до девятнадцати лет прожил я по разным углам, спал то на полатах, то на лавке, порой и на полу. Чистая, просторная казарма казалась мне чуть ли не дворцом. И еда не в пример деревенской. Мясо каждый день, хлеб пшеничный и ржаной, щи наваристые или суп, каши вволю, чай сладкий, селедка, которую я любил.

Учили нас вначале на танках БТ-5. Политработники хвалили их, сержанты плевались, но помалкивали. Авиамотор у них капризный, да и бензин авиационный — штука опасная. Однажды по какой-то причине двигатель загорелся, едва потушили. Повезло, что перед ангарами случилось, огнетушители, вода под рукой. Пушка по тем временам была сильная, 45-миллиметровая, ее хвалили, пулемет ДТ — тоже. Устройство танкового вооружения мы знали хорошо, но боевых стрельб проводилось мало. Чаще всего стреляли из вставного ствола винтовочным патроном. За восемь месяцев, что я прослужил до войны в батальоне, раза четыре боевыми снарядами стреляли. Выдавали по три штуки и десятка два патронов на пулемет. Разве это подготовка для башенного стрелка?

Что броня у БТ-5 слабая, я мог только догадываться. Помню, когда замполит в очередной раз распелся про «мощь и броню», один из сержантов на стрельбище подвел нас к рельсу и из винтовки шагов с пяти как шарахнет. Перемычка у рельса толщиной миллиметров 13–15, как броня у БТ-5. В рельсе дырка насквозь. Сержант сплюнул и коротко проговорил:

— Вот так.

Позже стали осваивать новый танк, БТ-7. Лобовая броня толще, башня обтекаемая, и скорость полста километров в час. Говорили, что на колесах все семьдесят дает, но мы на колесах не практиковались, да и на гусеницах ездили мало. Бензина вроде не хватало. Мотор у новой «бэтэшки» был более мощный, а башню и пушку с пулеметом я наловчился за секунды в нужную сторону разворачивать. Танк мне нравился. И гордость была, что я, бывший конюх, такой грозной машиной владею.

В танковые войска обычно брали трактористов или ребят с 6–7 классами. Не знаю, как я прошел. Может, из-за бедняцкого происхождения, небольшого роста (длинные в танке не умещались), цепкости. Когда гусеницы перетягивали, я главной силой был. Бочки с горючим играючи перекидывал.

Разные уставы у меня туго шли. Много зубрить приходилось. На политзанятиях так напрягался, что потел. Когда должности товарища Сталина перечислить требовалось, я просто терялся и запутывался. То же самое в отношении Ворошилова (про которого я брякнул, что колхоз такой в Емельяшевке есть), Буденного, Калинина, Мехлиса (главного политработника армии). По совету замполита посещал клуб и читал газеты.

Прочитал «Как закалялась сталь» и еще пару книжек. Газеты поначалу казались скучными, но я к ним привык, и вот уже за восемьдесят, а читаю с удовольствием.

Уставам первое время нас обучал какой-то командир из штаба. Он был мной очень недоволен. «Эх, неуч!» — как-то обозвал он меня.

Я так обиделся, что весь красный сделался. Неучем я себя не считал и того командира возненавидел, хотя был он мужик нормальный. Этих уставов столько понаписали, что он, наверное, их сам все не помнил. А чего уж говорить про нас!

Много внимания уделялось физической подготовке. Каждое утро, в любую погоду, пробежка километра два, зарядка. Отдельно проводились занятия по гимнастике и рукопашному бою. Физподготовка у меня на «отлично» шла, строевая — тоже неплохо. Винтовку и танковый пулемет с закрытыми глазами разбираю-собирал. Пулеметный диск быстрее меня во взводе никто патронами набить не умел. В караулах стоял как положено, не спал. Пароль. Отзыв. Молодец, рядовой Пикуленко! Служу трудовому народу!

Технику, может, и не слишком знал, но любил. В батальоне, как я говорил, имелись бронемашины. Однажды мне и еще нескольким комсомольцам из танковой и мотоциклетной роты предложили позаниматься на бронемашинах, чтобы обеспечить в бою взаимозаменяемость. За это нас частично освобождали от нарядов, особенно от строевой подготовки, которую ни один нормальный боец терпеть не может. Не думал я, что знание бронемашин мне пригодится в войну. БА-20 были старыми машинами с тонкой броней и пулеметом, а вот БА-10 показалась мне штукой, достойной внимания: танковая башня с такой же пушкой и пулеметом, второй пулемет, два задних ведущих колеса, проходимость и скорость. Управление у бронемашин — автомобильное, я его освоил без труда. Помню, на показательных учениях мы, экипаж из четырех человек, на полигоне разогнались до 50 километров (куда там до нас знаменитой «полуторке»!), гребли полуметровый снег и, проломив лед, проскакивали двадцатиметровую яму, наполненную водой. Вода почти захлестывала мотор, а мы, разбивая ледяные пластины, взбирались на крутой подъем и довольно удачно стреляли по мишеням. Из пушки бил командир машины, а я расстрелял из пулемета две «амбразуры» и пяток фанерных силуэтов «фашистов».

Увольнения давали в город редко. Особенно тем, кто по первому году. А тут получил я сутки увольнения. И деньги у меня имелись. Накопил красноармейское жалованье. Тогда ведь «дедов» не было, и деньги никто не отбирал. Начистились, дежурный нас осмотрел, и пошли мы человек восемь в город. Разбились на кучки. Ходим втроем, глазею, командирам честь отдаю. По два мороженых съели. Одно, коричневое, шоколадом пахнет, мне по вкусу пришлось. Хотел еще взять, но боялся, что денег не хватит. Посмотрели кино «Иван Антонович сердится». Мне оно не понравилось, потому что к музыке был я равнодушен. Не ко всякой, конечно. Утесова любил, певицу Серову, частушки. А здесь симфонии да шутки какие-то непонятные. Вечером на танцы пошли. Танцевать я не умел. Те, двое ребят со мной, пошустрее, с девками познакомились, а я все никак не решался. Девки расфуфыренные, городские. Офицеры и парни в костюмах их за талию обнимают, смеются. Духами пахнут. Стало мне жарко и неуютно. Собрался и поплюхал в городок. А ребята потом хвалились, что «все у них путем было». Один, наверное, брехал, а второй, тот бойкий, мог своего добиться. Я себя за нерешительность ругал, а с другой стороны, о чем с этими девицами, в кудрях да блестящих платьях, разговаривать? О своем колхозе имени товарища Ворошилова? Или как я лихо на бронемашине рассекаю? О военных делах запрещалось говорить.

Ну, ладно, черт с ними, с девками, — наверстаю!

Ближе к весне роту укомплектовали новыми танками БТ-7. Командиром танка был старший сержант Духнин Александр. Хороший простой парень моего возраста, только прослуживший подольше и закончивший школу младших командиров. Механик-водитель, второе лицо в экипаже — Малышкин Коля из-под Воронежа. По возрасту старше нас года на два, работал трактористом. Мы быстро подружились. Саня Духнин, хоть и командир, держался просто. Коля Малышкин спокойный, вдумчивый, мы с Саней прислушивались к нему.

Командиром роты был лейтенант Истюфеев. Мужик ничего, только дерганый. Может, от ответственности. Его на роту поставили через полтора года после окончания училища. Броневой ротой командовал капитан Язько, толстый, лет за сорок. Он участвовал в Гражданской войне и пришел в батальон из кавалерии. Роту мотоциклистов возглавлял старший лейтенант Борис Орлов, молодой, лет двадцати трех. Его бойцы выполняли обязанности связистов и посыльных, поручения комбата. Орлов считался перспективным командиром, часто бывал в штабе дивизии. Это не могло не отразиться на его характере и внешнем виде. Подтянутый, в кожаной куртке, начищенных сапогах, он считал свою роту главной в батальоне. Держался порой высокомерно. Однажды одернул меня. Мы, танкисты, вечно замасленные ходили, хотя мылись, стирались. Выговорил мне: мол, тут не колхоз, а разведбатальон. Закончил поучения словами: «Эх, танкисты! Чего с вас возьмешь!»

После «неуча» это было второе обидное замечание за все месяцы службы. Я обиделся и подумал, что куртка и сапоги у тебя со скрипом, а вот как в бою себя поведешь, неизвестно. Экипаж меня поддержал:

— Ходит, будто вытанцовывает!

— Думает, что орел, а внутри, может, курица.

И, наконец, о лейтенанте Корнюхине Викторе Ерофеевиче. Он принял наш взвод в марте сорок первого. Корнюхин один из немногих командиров, участвовал в боевых действиях, воевал на финской войне. У него что-то там произошло, деталей я тогда не знал. Вроде разморозил танки, сорвал какое-то задание. Поэтому его не двигали, он три года ходил в лейтенантах и командовал взводом. Война всегда накладывает отпечаток. Корнюхин был замкнут, редко оживляясь, дисциплину требовал жестко, был по-крестьянски рассудительным и справедливым. О жизни или на посторонние темы он до самой войны ни с кем во взводе не разговаривал. Такой человек. Любил выпить, впрочем, этим грешили многие командиры.

Что хочется вспомнить еще о довоенной жизни? Ну, пожалуй, наряды на кухню. Хоть мы не голодали, но повара для кухонного наряда всегда что-нибудь вкусное припасут. Не слишком избалованный жизнью, я любил жареную картошку, селедку, обгрызал и выбивал мозг из мослов. С удовольствием выпивал кружки три сладкого чая с белыми сухарями.

— Димитрий! — удивлялся один из поваров, добродушный уса́тый дядька. — Сам худой, и куда в тебя столько лезет?

— Я не худой, а жилистый, дядя Иван, — отвечал я с набитым ртом.

— Ну-ну, — подсыпал мне сахару в чай дядя Иван (или Петр — имени не помню). — Расти, толстей. Лишь бы в танк влезал.

Повара ко мне хорошо относились. Когда мешки с картошкой или крупой таскали, я всех опережал. Крестьянская жизнь научила.

Помню, что немного изучали иностранные танки. В кабинете висели картинки и схемы немецких танков Т-2, Т-3, Т-4, венгерских «Туранов», японских «Ха-Го», итальянских, чешских машин. Отношение к иностранным танкам было пренебрежительное: барахло! О немецких отзывались более осторожно. Постоянно напоминали, что у них вооружение слабее, наши мощные пушки пробивают их насквозь, а у Т-3 и Т-4 скорость всего сорок километров. Про сильные стороны немецких танков: более толстую броню, хорошую оптику, радиосвязь — старались не упоминать. Все это должно было компенсироваться мужеством и удалью советских танкистов. Большинство из нас проглатывали полученную информацию, что называется, «не жуя». Конечно, у нас все самое мощное!

О войне с Германией разговоры не то чтобы пресекались, а скорее сглаживались. Но в мае такие слухи возникали все чаще. Приходили призывники из западных областей, рассказывали про скопление у границы немецких войск. Иногда, выпивши, что-то оброняли командиры. А хорошо хвативший кавалерист Язько, воевавший с немцами в Первую мировую, как-то заявил:

— Сволочной народ! Без войны, как баба без хрена, прожить не может. Всю Европу

захапали, теперь к нам лезут.

Замполит пытался его урезонить, но командир бронероты никого не боялся. А особисты помалкивали. Восемь месяцев учебы и службы в Красной Армии отвела мне судьба в мирное время. Как бы я сейчас оценил подготовку моей роты (выше прыгать не берусь) к возможной войне? Пожалуй, на тройку. Что-то мы, конечно, знали и умели, но многое нужное не постигли. Считаю, что самое главное — было мало практических занятий. В роте лишь один человек, командир взвода Корнюхин, стрелял по финским танкам. Да и то предпочитал не рассказывать. Почти все башенные артиллерийские стрелки и на танках, и бронемашинах имели практику по 10–20 выстрелов.

Мало было учений. Спасибо майору Крупскому, он, выбив лимиты на бензин и масло, организовал водительскую учебу командиров танков. Под предлогом соревнований сумел пару раз провести стрельбы из пулеметов, в которых участвовала хоть какая-то часть пулеметчиков. Тактику разведки и встречного боя мы постигали в основном на своих двоих да слушали уставы, по которым предстояло воевать. А ведь немцы к сорок первому и настрелялись, и воевать научились. Мы же лучше всего из науки воевать знали знаменитую книжку Ворошилова «Сталин и Красная Армия». Сталина мы уважали, верили в него и, когда услышали весть о нападении на нас фашистской Германии, не сомневались в скорой победе.

Через двое суток после нападения фашистской Германии на Советский Союз наша дивизия несколькими эшелонами отправлялась с Белорусского вокзала на запад. Пока мы грузились, ехали, выгружались и разворачивались, немцы стремительно продвигались вглубь страны.

28 июня 1941 года наши войска оставили город Минск, столицу Белоруссии. И в этот же день недалеко от станции Орша я, девятнадцатилетний танкист с четырехклассным образованием и верой в товарища Сталина, принял свой первый бой. Что Минск уже взят немцами, мы не знали.

Кроме нашей дивизии, под Оршей разворачивались и другие части. Рыли окопы, устанавливали орудия. Из нашего батальона направили по разным дорогам несколько разведгрупп. Послали в разведку и наш второй танковый взвод, усилив его бронемашинной БА-10 и двумя мотоциклами с пулеметами. Мотоциклы катили впереди, поднимая клубы пыли.

Если глянуть на карту, то Орша находится в 250 километрах северо-восточнее Минска. Немцев мы не ждали, но двигались осторожно, больше опасаясь немецких самолетов, о которых уже были наслышаны. Наш танк шел вторым, следом за БТ-7 лейтенанта Корнюхина. Позади нас — танк сержанта Петра Макухи. Замыкала разведгруппу бронемашинка. Саня Духнин, открыв люк, смотрел по сторонам. Я ему завидовал: день был жаркий, и Саню обдувал ветерок. Я сидел в мокром от пота комбинезоне. Пушка была заряжена бронебойным снарядом, а в диске пулемета бронебойно-зажигательные патроны шли через два на третий.

Мы были готовы встретить вражеские танки или бронетранспортеры. Но, как и многие в начале той войны, мы нарвались на авиацию.

Два «мессершмитта» шли навстречу. Мы их увидели, когда они открыли огонь по мотоциклам, которые шли метрах в трехстах впереди. Духнин успел крикнуть, и Малышкин круто повернул на обочину, к лесу. Этот маневр, возможно, спас наш танк, немцы промахнулись. Бомба шарахнула метрах в двадцати за спиной, прямо на дороге. Танк, перевалив через канаву, опасно накренился. Коля вывернул машину и, ломая мелкую поросль, рванул под деревья. Мы остановились недалеко от танка Корнюхина. Я, не выдержав, тоже выглянул в люк. Третья «бэтэшка» нашего взвода, не иначе как с перепугу, неслась на полной скорости через широкую поляну, к островку тополей.

Один из истребителей всадил ему вслед очередь пушечных снарядов и пуль. Захлопывая свой люк, я отчетливо разглядел фонтанчики земли, листьев, искры, летящие от

танка. Но наши товарищи уже были под защитой деревьев. Запас бомб у немцев, наверное, закончился. Второй истребитель тоже ограничился стрельбой и развернулся к дороге, где, немного постреляв, оба «мессера» унеслись прочь.

Выждав минут десять, к нам присоединился третий танк. Петр Макуха, улыбаясь во весь рот, лихо тормознул и заглушил мотор. Похвалился, что обвел фашиста вокруг пальца. Бегло осмотрели машины. Танк Корнюхина и наш увернулись от огня истребителей. На башне танка Макухи осталась вмятина от пушечного снаряда и несколько довольно глубоких щербин от пуль.

— Балбес ты! — оценил действия подчиненного лейтенант. — Если бы в бензобаки угодило, амбец и людям, и машине! Не надо было по открытому гнать.

Зная, что немецкие самолеты радиофицированы, Корнюхин дал команду менять дислокацию. Однако нас ожидала неприятная новость.

Бронемашина, которая едва не первая влетела в гущу придорожного подлеска, попала под огонь «мессершмитта». Возле распахнутой двери лежало тело механика-водителя. 20-миллиметровый снаряд насквозь пробил броню и грудь. Механик был мертв — истек кровью. Стрелок сломал руку и получил с десятков мелких осколков.

Мы с минуту разглядывали мертвое тело нашего товарища. Немцы сразу показали, что война предстоит нешуточная. Два истребителя загнали в лес четыре бронированные машины, убили одного и тяжело ранили другого бойца. Два снаряда пробили лоб бронемашин, а десяток пуль оставили глубокие отметины. И было неизвестно, сумели или нет уйти от «мессершмиттов» мотоциклисты. Я заглянул внутрь бронемашин. Два рваных отверстия, а в кабине все забрызгано кровью. Перевязали раненого. Осколки застряли под кожей, но перелом руки открытый, парень был весь белый от шока и потери крови.

— Машина на ходу? — спросил Корнюхин.

— Кажись, — ответил старшина, командир бронемашин. Завел мотор и продвинул свою невезучую БА-10 метров на пять. — Вроде нормально. Только руль немного тянет.

— Приводи в порядок хозяйство, мы скоро вернемся.

— Че ж, мы одни тута останемся? — растерянно смотрел на Корнюхина старшина, не пришедший в себя от налета.

— Разворачивай пушку и будь готов к бою. Башенный стрелок пусть наблюдает за дорогой.

Все три танка снова выскочили на проселок. Противника видно не было, зато на обочине лежала убитая корова, а неподалеку валялась перевернутая тележка. Впереди поднимался столб дыма. Мы поняли: что-то случилось с мотоциклистами. Прошло много лет, но мне не забыть эту пустынную дорогу, горящие, разбросанные обломки мотоцикла и тело пулеметчика без ног и одной руки.

Трое уцелевших разведчиков рассказали, что мотоцикл подожгли пулями с самолета. Вспыхнул сразу, потом взорвались ручные гранаты, хранившиеся в коляске. Останки пулеметчика выбросило на дорогу. Мимо нас прошли несколько беженцев, проскрипела телега, нагруженная выше головы домашним скарбом. От людей мы узнали, что немцев они видели утром. На мотоциклах и маленьком броневице. Беженцы спешили, поглядывая на небо.

— Немцы летают? — спросил кто-то из нас.

— Летают. Аэропланов у них полно. Мы, как увидим, в кусты прячемся.

Труп мотоциклиста отнесли на обочину за деревья. Я заметил оторванную по колено ногу, лежавшую в кювете.

— Надо бы отнести...

— Возьми и отнеси, — странно поглядел на меня взводный.

Я спрыгнул вниз и, подняв ногу в обгоревшем сапоге, отнес ее к телу мотоциклиста. Покатили дальше. Мотоциклисты ехали втроем впереди. Беженцы попадались все чаще, порой запруживая дорогу, устало отходя на шаг-два в сторону. Саня Духнин, не выдержав, заорал:

— Под гусеницы хотите?

Его проводили равнодушным взглядом. Видно было, что люди сильно измучены. В одном месте громоздилось несколько разбитых военных повозок и лежали трупы красноармейцев. Почему их не похоронили? Но вместо этого я спросил у Малышкина, перекивая рев мотора:

— Чего на меня взводный окрысился? Ногу заставил отнести.

Механик-водитель с минуту раздумывал, потом ответил, что никто ни на кого не крысился. Просто мотоциклисты ошалелые после обстрела, не их же заставлять? А еще через минуту добавил:

— Тебе все видеть надо. Лежала нога и пусть лежит.

Я замолчал. Понятно. Надо меньше языком молоть.

Люки всех танков были открыты, но я видел, с какой скоростью несутся немецкие истребители, и с тоской подумал, что мы можем в любую минуту попасть под бомбы. Потом забарахлил двигатель на танке Петра Макухи. Остановились. Лейтенант, оглядев суетившихся танкистов, мрачно предупредил:

— Если обосрались, пойдете под трибунал.

Но Макуха заверил, что дело скорее всего в зажигании и они нас через пять минут догонят. Наша разведгруппа разваливалась на глазах. Но Корнюхин был смелым командиром. Понадобилось, он бы провел разведку и на единственном мотоцикле. По дороге нам попала отступающая воинская часть. Сотни три красноармейцев, несколько повозок и трехдюймовая пушка в упряжке.

— Где вы раньше околачивались?! — на вопрос Корнюхина о немцах ответил капитан на хорошем строевом жеребце.

Потом разговорились. Это были остатки пехотного полка. Они шли мимо. Некоторые — перемотанные серыми от пыли бинтами, тяжелораненые — на повозках. Рассказали, что отступают два дня. Я знал, полк насчитывает тысячи две человек, но где остальные и почему осталась всего одна пушка, интересоваться было бы глупо. Капитан спросил, далеко ли до передовых позиций, но вопрос показался странным. Какие, к чертям, позиции? Мы сами вчера только выгрузились. Корнюхин ответил, что осталось километров шесть, и капитан, кивнув, повел свое запыленное войско дальше.

— Интересно, а где у них штаб? — размышлял вслух Саня Духнин.

А я снова вспомнил про самолеты, так как впереди начиналось обширное поле с редкими деревьями. Поле мы миновали благополучно, но на перекрестке дорог услышали треск мотоциклетных моторов. Услышали их потому, что остановились, выбирая, по какой дороге двигаться дальше. Может, эта случайность спасла, а вернее, продлила жизни большинства нашей группы. Корнюхин командовал четко и умело. Мотоцикл отогнали в низину, а оба танка он оставил в леске, метрах в ста от перекрестка. Мотоциклисты залегли с ручным пулеметом и карабинами рядом с нами.

Здесь я впервые увидел немецких солдат. Они катили на громоздких мотоциклах, похожих на наши. Только пулеметы в колясках были другие. Потом появились танки. Один легкий, с башней, расположенной сбоку, и малокалиберной автоматической пушкой. За ним — два Т-3, хорошо знакомые по плакатам. Корнюхин уже переговорил с Саней Духниным, как действовать. Мы открыли огонь, пропустив мотоциклы. До танков было метров двести с небольшим.

Лейтенант, наверное, сам сел за наводчика и первым же выстрелом подбил Т-3. Мы стреляли во второй танк и мазали. Ответный снаряд срезал дерево рядом с нами, но потом мы попали ему в морду, брызнул фонтан искр, и немец попятился назад. Легкий танк осыпал нас веером траассирующих двадцатимиллиметровых снарядов. Ударило два раза в башню. Броню не пробило, но я свалился на боеукладку, а Духнин замер, обняв пушку. Мне трудно припомнить все детали, сколько времени мы пробыли в шоке. Наверное, недолго. Башня была заполнена дымом, я подумал, что горим. Нас вывел из оцепенения голос механика-водителя:

— Ребята, вы живы?

— Живы...

— Тогда стреляйте!

Прежде чем открыть огонь, мы с Духниным высунулись из люков. Наш взводный бил по второму Т-3, а спешенные мотоциклисты стреляли из ручного пулемета и карабинов непонятно куда. Подбитый немецкий танк стоял с распахнутыми боковыми дверцами, из которых выплескивалось пламя и черный маслянистый дым. Мы выстрелили в Т-II, который лупил из своей скорострельной пушки по лейтенанту. Попали со второго снаряда куда-то под брюхо. Танк дернулся и перенес огонь на нас.

Скорострельная пушка била со звуком, напоминающим гулкий замедленный треск пулемета «максим». По броне снова ударило несколько раз подряд, мы успели ответить выстрелом. Попали или нет, неизвестно, но танк исчез вместе с Т-3, по которому стрелял Корнюхин.

Немцы отступили, оставив горевший танк. Взводный рванул вперед. Мы — тоже. Но скрежет заставил Малышкина остановиться. По дороге мчался отставший БТ-7 сержанта Макухи. Он стрелял на ходу, а потом, дернувшись, пошел по кривой к обочине. Из верхнего люка кто-то выскочил, показалась голова второго танкиста и тут же исчезла. Из обоих верхних люков выбивалось пламя.

— Ребята горят!

Кто это выкрикнул, не помню. Мы побежали к танку Макухи. С грохотом сдетонировали снаряды. Сначала взорвалась одна часть, через пару секунд остальные. Башня, как матрешка, кувыркнулась набок, а из отверстия с ревом ударил и тут же опал столб пламени. Танк горел, потрескивая, как поленница дров. Уцелел только башенный стрелок, из молодых. В обгоревшем комбинезоне, дергающийся от контузии или пережитого страха.

Подхватив его, мы вернулись к своему танку. Подкатил Корнюхин. Сказал, что немцы удрали. А я подумал, пора сматываться и нам. На башне БТ взводного виднелась вмятина прошедшего рикошетом снаряда. У нас торчал ключьями левый подкрылок, была выбита фара и надорвана гусеница. Малышкин сказал, что перетягивать необязательно, достаточно закрепить траки и сильно не гнать. Видимо, он тоже не хотел здесь оставаться, и считал, что разведка закончена.

Возле немецкого Т-3 обнаружили трупы двух немецких танкистов. Один с непокрытой головой, светло-рыжий, другой — в круглом металлическом шлеме с торчащими проводами. В качестве трофеев нам достался пистолет, документы, сигареты и две зажигалки. Стрелок-радист, единственный уцелевший из экипажа Макухи, рассказал, что болванка попала прямо в водителя, ранила командира. Поэтому он не смог выбраться. Перед этим на них вылетели два немецких мотоцикла. Головной мотоцикл Макуха разбил прямым попаданием снаряда, второй пытался удраить. Петро продырявил из пулемета шины и зажег его, но оба немца убежали, хоть и подраненные.

Мы повернули назад, оставив догорающие танки, наш и немецкий. Тела Макухи и водителя извлечь было невозможно. Через полкилометра действительно наткнулись на два немецких мотоцикла. Издырявленный пулеметными очередями, один догорал. Другой — получил бронебойную болванку. Она наискось прошла пулеметчика и разбила заднее колесо. Водитель, смятый перевернувшимся мотоциклом, который протащил по инерции тело метров семь, умирал. Из рта и носа пузырьками шла кровь, немец был без сознания. Нам достался трофейный пулемет, прикладистый, с металлической лентой, автомат, запас патронов, гранат и еда. Две бутылки нашей водки в багажнике мотоцикла были разбиты. Зато нашли пару фляжек с чем-то спиртным. Корнюхин хлебнул, поморщился, отпил еще и завинтил фляжку. Сказал, что надо спешить. Перекусим в лесу. Посмотрел на тяжело раненного мотоциклиста. Мы — тоже. У нас еще не выросла ненависть к фашистам, которая позже заставит убивать их без всякого колебания. В бою пленных не бывает! Тягостное настроение от гибели четырех наших товарищей еще не стало злостью. Наверное, Корнюхин

понял это, и мы не тронули немца. Пусть лежит, а там как Бог рассудит.

Мы двинулись дальше. Не слишком велика была милость, мотоциклист и так доходил. Но я почувствовал, что мы сильны, если можем быть великодушными. Несмотря на потери, дали немцу жару. Танк и два мотоцикла уделали. И мы с Саней Духниным крепко подковали Т-2, с его пушкой-автоматом. Жаль, что не добились. Но дырку хорошую сделали.

Настроение нам подпортил Малышкин, сказав, что стреляем мы хреново. Духнин и я промолчали. Потом нас обстреляла из пулеметов тройка «Юнкерсов-87». Обошлось без потерь, потому что самолеты шли навстречу и уже отбомбились. Зато вскоре мы увидели остатки знакомой нам колонны во главе с командиром на рослом жеребце, и настроение у нас снова упало.

Люди собирали тела погибших и относили на обочину. Убитых было много, человек сто с лишним. Вдребезги разбило единственную пушку. Стонали раненые. Оказалось, что их бомбили и обстреливали из пулеметов те три «юнкерса». А где наши самолеты?

— В заднице! — сплюнул капитан. — За все дни ни одного не видели. Вы там палили, подбили кого?

— Танк и два мотоцикла, — ответил Корнюхин. — И свой один потеряли.

В лесу мы остановились возле нашей бронемашины. Выпили из фляжек граммов по пятьдесят то ли шнапса, то ли рома, съели консервы, из которых мне запомнились маленькие рыбки-сардины, пропитанные маслом. Вкусные, во рту тают. Досталось всем понемногу, только губы облизать. Когда вернулись в батальон, Корнюхин доложил обстановку Крупскому. Майор похвалил взводного за решительность. Потом мы узнали, что лейтенант с досадой ответил, повторяя слова Малышкина:

— Плохо стреляем!

Его поддел замполит, сказав, что надо было лучше учиться.

— На чем? На пальцах? — огрызнулся наш взводный.

Вмешался brave Орлов и поддержал замполита.

— А ты пошел на х..! — злой после боя и увиденных смертей, послал Бориса Николаевича обычно сдержанный Корнюхин.

Крупский приказал прекратить ругань. Мы с ремонтниками провозились остаток дня, меняя трак, латая крыло. Вытащили засевавший в маске, рядом с пушкой, немецкий 20-миллиметровый снаряд, со сплюсненной оболочкой и торчащим бронебойным жалом, сине-фиолетовый от удара. Броня по краям оплавилась, но выдержала. Башню танка Корнюхина «поцеловала» болванка-пятидесятка. Повезло, что шла вскользь. Если бы нам попала в лоб, то накрыло бы и лейтенанта, и башенного стрелка. С горячей едой что-то не получалось, нас накормили хлебом и селедкой. Напились холодной воды и залегли спать. Так прошел мой первый день на войне.

Я описал первый день на войне подробно, потому что запомнил его на всю жизнь. А вот последующие дни сливались в какую-то сплошную путаницу, слепленную из постоянных налетов немецкой авиации, разведывательных маршей по разным дорогам, толп беженцев и отступающих войск. Расскажу то, что наиболее врезалось в память.

На следующий день нас сильно бомбили. В основном «Юнкерсы-87», с торчавшими, как лапы, шасси. Метко кидали бомбы, сволочи! Пикировали с включенными сиренами, а потом с ревом медленно выходили из пике. Из нашего батальона связного мотоциклиста накрыли. Ничего не осталось, одна воронка. А 35-й танковый полк, который по соседству размещался, понес серьезные потери. У них, кроме БТ и старых Т-26, было несколько «тридцатьчетверок». Мощных, редких тогда танков. Бомбы разносили легкие танки на куски. Видел штук пять вдребезги разбитых — где башня, где корпус, где обрывки гусениц валяются. Про людей и говорить не хочется. Как уж их там опознавали, не знаю. Некоторым повезло. Воронки рядом, вмятины, дырки от осколков, а экипажам ничего. Уцелели. Отлежались в окопах под танками.

Одну «бэтэшку» набок опрокинуло, у другого БТ-5 осколком передок вспорол, словно

консервную банку, клепки торчат, и броня, как лист бумаги, скручена. «Тридцатьчетверки» по сравнению с нами громадины. Одну разбило прямым попаданием, еще одну крепко встряхнуло, баки сорвало, колеса выломало. А у меня этот самолетный вой еще долго звенел в ушах. Натерпелись страха всем экипажем, пока в окопе под танком лежали. Неизвестно, куда исчезла наша авиация, не было зениток. Оглушил нас немец первой бомбежкой. Нелегко этот страх преодолеть. Видел я потом, как многие шарахались, очертя голову, при звуке приближающихся самолетов. Не ожидали мы такой войны.

Нашу дивизию вскоре перебросили под белорусский город Сенно, в 50 километрах юго-западнее Витебска. Вот когда мы сцепились с немцем по-настоящему.

Там скопилось много войск. Шли на восток пробившие окружение остатки частей. Одновременно наступали полки и дивизии 20-й армии, нанося контрудары.

Где-то в этой круговерти, западнее Сенно, действовала и наша танковая дивизия.

В пасмурный июльский день, когда жара сменилась мелким морозящим дождем, командование собрало кулак для нанесения одного из контрударов. Участвовал танковый батальон, несколько танков и бронемашин разведбата. Все под командованием майора Крупского, которого высоко ценил командир дивизии и поручал ему ответственные задания.

Пока Крупский готовил и собирал технику, людей, капитан — командир танкового батальона (фамилию я не запомнил) — вызвался провести разведку. Он был на «тридцатьчетверке» и тащил с собой еще штук десять танков. Нас с лейтенантом Корнюхиным и одну бронемашину пустил вперед. Мы приблизились к небольшой деревеньке и стали наблюдать. Кто там, наши или немцы, мы не знали. Оказалось, немцы. Подпустив поближе, ударили из трех противотанковых пушек. Наверное, из 37-миллиметровок. Маленькие, с тонкими стволами, они наши «бэтэшки» и за пятьсот, и за семьсот метров брали. А что говорить про бронемашину БА-10 с ее слабенькой броней!

Мы отступали задним ходом, уже немного наученные Корнюхиным. Старались не подставить борт, искали место, где развернуться. Знали, если подставишь борт, тут тебе конец. Ребята с бронемашины поторопились. Крутнулись, надеясь развернуться и рвануть на полный газ. Бронебойный снаряд оторвал заднее колесо. Они разворот закончили, а что толку? Машина ползет, вихляясь, ось торчит. А тут еще один снаряд. Уже фугасный. Немцы, почуяв, что попали, обозначили взрывом цель. Били, торопясь, но всадили еще один снаряд в корму, а потом и в моторное отделение. Пыхнула бронемашина, ребята начали выскакивать. Трое спаслись, а один, наповал убитый, в горячей башне остался.

Ребят мы на броню подсадили и рванули к танковой роте, во главе которой капитан был. Он за нами не слишком рвался, хотя напросился на разведку. Фрукт еще тот! Нас на приманку пустил, да еще приказал из пушек на огонь отвечать, чтобы больше огневых точек выявить. Бессмыслица! Нас бы по вспышкам за минуту подожгли. Но Корнюхин не простачок, поопытнее комбата, хоть тот и капитан. Огонь не открывал, чем взвод и спас. Подъезжаем. Экипаж из сгоревшей бронемашины на танке сидит, все контуженые, закопченные, в себя приходят. Корнюхин докладывает обстановку, что БА-10 сгорела от попаданий немецких снарядов и в лоб через поле двигаться нельзя. Пушки.

— Сколько их там? — спрашивает капитан и на нас с ехидцей посматривает.

— На всех хватит. Стреляли из трех, но немцы по три пушки не ставят. Штук восемь наверняка есть.

— Ближе бы подкрался, точнее бы знал.

Комбат из люка «тридцатьчетверки» сверху вниз на нас глядел. Остальные у него «бэтэшки» и Т-26. Мотоциклы еще стояли. Не наши, не разведбатовские, а ихние, из полка. Думаю: «Вот их бы и послал. А у нас бронемашину за минуту сожгли и стрелка угробили».

— Подкрадывался и ближе, — отвечает Корнюхин. — Уже одного танка из взвода лишился, а сегодня бронемашина вон там догорает. Вы, товарищ капитан, посылали меня выяснить, кто в деревне. Я выяснил. Немцы и артиллерия.

— Говорливый ты, лейтенант.

— Виноват, товарищ капитан.

Корнюхин замолчал. Ни говорливым, ни болтуном он не был. А мы, ругаясь втихомолку, пожелали комбату на «тридцатьчетверке» самому к деревне прокатиться. У нее броня толстая, только гусеницы гремят за километр. Капитан, как мы поняли, не знал, что делать. Стали совещаться. Он, замполит, командиры взводов, еще какие-то приближенные. Кучкой что-то обсуждали. Корнюхина не приглашали, вроде он чужой. Не знаю, до чего бы договорились, но подъехал Крупский.

— Чего столпились? «Юнкерсов» ждете? — И спрашивает у Корнюхина: — Ну, что, Виктор Ерофеевич, как там обстановка?

Корнюхин доклад повторил и добавил, что дорогу немцы держат и, судя по дымкам, в деревне расположен немецкий полк. Наверное, танковый или моторизированный.

— Откуда ты знаешь? — вмешался капитан.

— Немцы пешком не ходят. И танки вперед пускают, — огрызнулся Корнюхин. — Эту истину по их тактике пора бы понять. А сейчас на острие у них везде танки.

Я заметил, что после первого боя наш взводный жестче стал, свою давнишнюю вину или промах на финской в сторону отбросил. Суждения высказывал четкие и разумные, не глядя на чины. Крупский его поддержал. Сообщил, что еще один взвод в разведку направлял. Мотоциклисты с холма насчитали с десятков танков и бронетранспортеров.

— Танков там наверняка больше, — подвел итог майор. — Если артиллерию выставили, то немцев не меньше полка.

Было решено ударить по немцам двумя группами с флангов. Одну группу вел Крупский, а наш взвод остался с капитаном. Дождь продолжался. Из-под гусениц летели ошметки. Мы по-прежнему двигались впереди. Чуть отставая, шли «тридцатьчетверка» капитана и штук двенадцать легких танков. Я высунулся из люка и оглянулся. За танками шли несколько бронемашин и трусила пехотная рота. Саня Духнин, стоявший по грудь в соседнем люке, приказал мне находиться рядом с пушкой и не высовываться. Потом попросил хлеба. Я начал было ломать краюху, оставшуюся после завтрака, но тут показались немецкие танки. Их было штук десять. Хлеб пришлось отложить. Вскоре я разглядел в прицел, что это Т-3, а следом идут четыре приземистые, похожие на пауков самоходные установки «Артштурм», с короткоствольными пушками калибра 75 миллиметров, и вдалеке бронетранспортеры с пехотой.

«Мама», — прошептал я, хотя матери своей не помнил. Молиться меня в армии отучили, поэтому я невольно обращался к давно умершей матери. Немецкие Т-3 были раза в полтора массивнее наших БТ, с более толстой броней, вооружение примерно равное. Часть танков имели 37-миллиметровые пушки, о которых весьма презрительно отзывались политработники. Но я-то хорошо знал, что нашу лобовую броню они берут. Оставалось надеяться на маневренность и опережение.

Саня Духнин отодвинул меня в сторону. Люки оставались открытыми, несмотря на мелкий дождь, а я был мокрым от пота, хотя уже побывал в бою. Но тогда все кончилось быстро, а сейчас немцы, судя по всему, намеревались опрокинуть нас и, сминая пехоту, продолжать свой «блицкриг» — слово, не совсем мне понятное.

— Все будет нормально! — крикнул снизу Коля Малышкин, а мне захотелось воды.

Но было уже не до фляжки, потому что танки резко увеличили скорость, а через минуту звонко хлопнула пушка Т-34. Вразнобой открыли огонь остальные танки. С коротких остановок, равняясь на Корнюхина, выпустили и мы штук шесть снарядов. Споткнулся один из головных Т-3. Судя по тому, как он сразу вспыхнул, в него ударил 76-миллиметровый снаряд Т-34.

— Горит, сволочь! — заорал я.

Чтобы лучше рассмотреть, высунул голову из люка, невольно оглянулся назад. Позади горели два БТ-7. Один — сплошным костром, второй крутился, пытаясь погасить языки пламени над трансмиссией. Меня дернул за штанину Саня Духнин:

— Снаряд! Бронебойный!

Я потянулся за снарядом. В тот же момент сквозь гул ревущего на полных оборотах

двигателя скорее почувствовал, чем услышал что-то быстрое и смертельно опасное, пронесшееся над башней. Командирский люк с треском захлопнулся. Снаряд уже был в казеннике. Теперь на секунды замешкался Духнин.

— Санька, стреляй! Убьют! — я кричал, глуша страх, от которого покрылось испариной лицо и защипало в глазах.

Смахнул пот со лба и выдернул из гнезда очередной снаряд. Малышкин вел наш танк быстрыми зигзагами, точно повторяя движения БТ Корнюхина. Пушка хлопала раз за разом, я подавал снаряды. Через смотровую щель увидел впереди пламя. Сунул очередной снаряд Духнину и снова высунулся в люк. Горел еще один немецкий танк. А потом увидел диковинное и страшное. На борту возле башни одного из БТ-7 вдруг вырос огненный куст. В колхозной кузнице наблюдал подобное, когда коваль сильно ударял раскаленной железью, сбивая окалину. Только здесь было во много раз сильнее. Тысячи мелких горящих кусочков, описывая дымные хвосты, разлетались прочь. А танк взорвался. Словно бомба. Кувыркнувшись, взлетела вверх пушка, какие-то куски. Из распаханного корпуса столбом поднималось пламя. Наверное, экипаж даже не успел почувствовать смерть.

Как я понял, немцы ударили новым сильным снарядом, а может, в танк попала 75-миллиметровая чушка из «артштурма». Много ли надо для «бэтэшки», с ее лобовой броней чуть толще двух сантиметров! А метрах в ста перед нами уже раскачивался тонкий ствол Т-3 и быстро вращались почему-то блестящие, даже в грязь, гусеницы. Мы выстрелили одновременно. Удар бросил нас обоих головами вперед. Я пришел в себя первым. Саня Духнин тряс руками:

— Отбило... отбило...

Видимо, он сильно зашиб при ударе руки. Я сел за пушку. Но Т-3 уже горел. Я всадил в горящего еще один снаряд. Наш танк взлетел на гребень холма, и Коля Малышкин подал машину назад. Из седловины, прячась за островками кустарника, по нас вели огонь танки, самоходки и бронетранспортеры. Они подбили еще один танк. Экипаж, выскочив, бежал вверх по склону. Всех троих догнали трассирующие пулеметные очереди.

Не желавшие умирать в грязи в бессмысленной жестокой драке с русскими, немцы отступили под защиту своих пушек и минометов. Капитан на Т-34 пытался организовать преследование. Мы потеряли еще один танк, а его «тридцатьчетверка» получила несколько попаданий. Капитан дал команду на отход.

На поле боя остались догорать четыре немецких танка и самоходка «Артштурм». Наши потери были больше. Семь БТ сгорели, один стоял с выбитыми колесами. Его по приказу комбата подожгли. Еще один, с разбитой трансмиссией, весь закопченный, волокли на буксире. Раненых и убитых складывали на броню за башнями. Кому-то показалось, что один из немецких танков дымит слишком слабо. В него всадили пару снарядов и снова подожгли. Из воронки неподалеку поднялся немецкий танкист с поднятыми руками. Нужен был пленный, чтобы рассказать, какие силы противостоят нам, но в немца ударили сразу из двух пулеметов. Он мешком свалился на дно воронки. Я понял, что в танковой мясорубке пленных не бывает. Подумал об этом равнодушно, потому что сам побывал на волосок от смерти. Проезжая мимо одного из наших разбитых танков, я ощутимо почувствовал запах горелого мяса. А на броне других танков лежали обожженные, искромсанные осколками люди, живые, мертвые, умирающие. Некоторые были так обожжены, что комбинезоны вплавились в тело. И без врача было ясно, что они обречены.

К вечеру дождь перестал, выглянуло солнце. Раненых увезли, рыли могилу для погибших. У Сани Духнина опухли и стали багровыми кисти рук. Они сильно болели, Саня иногда не мог сдержать стон. Больше всего он боялся, что руки отсохнут.

— У нас перед войной одному парню по локтю тракторной рукояткой попало, когда двигатель заводили...

— Ну, и что? — насмешливо спросил Корнюхин, ощупывая вздувшиеся пальцы сержанта. — Отвалился локоть?

— Не-е-т. В районе месяца два лечился. Потом рука усохла, вожжи кое-как держать

мог.

— Через день пройдет, — перебил его Корнюхин и достал из своего запаса пачку «Беломора».

Мы закурили, даже некурящий Коля Малышкин, а Виктор Ерофеевич Корнюхин, отрывисто перескакивая с одного на другое, заговорил:

— Фашистов можно бить. Натиском, скоростью. Наши снаряды их броню прошибают. Кто больше всех погибал, видели? — Мы поняли, что речь идет о наших танкистах, но не знали, что ответить. — Погибали те, кто крался, скорость сбавлял, маневр не делал. Экипаж Духнина — молодцы! В немца точно вlepили.

— Мы его только добивали, — возразил я. — Кто-то чуть раньше морду ему своротил.

— И правильно, что доби́ли. Я ему не совсем точно врезал. Немец мог выстрелить, а вы прикончили.

— Это Митя стрелял. Я только руками тряс. А вы, Виктор Ерофеевич, сколько танков подбили?

— Один — точно. А второй, считай, вы прикончили. Только не надо хвалиться. Пусть капитан из полка всех их себе забирает.

— А почему его подбили? — спросил Саня. — Такой мощный танк. Маневр не делал?

— Ладно, сидите здесь, — не отвечая, поднялся Корнюхин. — Пойду схожу к капитану, может, спиртом разживусь. Тебе, Саша, надо руки натереть да встряхнуться маленько. А вы машины приведите в порядок.

Пока Корнюхин ходил, мы осмотрели танки. Нам опять повезло. Танк, который мы подожгли вместе с лейтенантом, был вооружен 37-миллиметровкой. Бронебойный снаряд ударил в маску пушки, слева, недалеко от вмятины, полученной в первом бою. Прошел рикошетом, оставив оплавленную борозду. Я покрутил ручным приводом башню, потом подвигал пушку. Башня вращалась нормально, а пушка ходила по вертикали с заметным усилием. Видимо, крепко ударило по шестеренкам. Пушку покрутил и Коля Малышкин. Сказал: «Сойдет».

Выгребли грязь, выкинули стреляные гильзы, сосчитали снаряды. Бронебойных осталось штук семь, зато осколочно-фугасные сохранились почти все. Хотелось есть. Привезли кухню. Нам наполнили котелки густой пшенной кашей со свининой, дали две буханки хлеба, сахара и махорки. Старшина не скупился, хоть мы и были «чужие». Харчей привезли на всех, а сколько народу полегло.

Корнюхин разжился фляжкой разбавленного мутноватого спирта. Мы выпили, и стало совсем хорошо. Ночевали здесь же. Спать завалились пораньше. Танкистов никто не трогал, охрану несли тыловики.

На следующий день вернулись в свой разведбат. Лезли обниматься, как будто сто лет не виделись. Нашим ребятам, которые наступали на деревеньку с другого фланга, повезло меньше. Немцы сожгли две бронемшины, из восьми человек спаслись трое. Капитан Язько обжег задницу и ноги, но остался в строю. Сгорело сколько-то «бэтэшек» из танкового полка. Немцы тоже понесли потери. Настроение в батальоне было так себе.

Замполит собрал коммунистов и комсомольцев. Хвалил всех за храбрость. Но, когда понес ахинею про слабость немецких танков, которые «застыли, как горелый частокол вокруг деревни», подошел Крупский и, усмехнувшись краешком рта, взял инициативу в свои руки. Избегая излишне говорить о потерях, разобрал бой. Толково указал на недостатки, заставил выступить Корнюхина. Наш взводный повторил, что говорил нам про маневр, скорость и что пушки на БТ и бронемшинах не уступают немецким. Говорить о нашей слабой броне означало навлечь на себя лишние неприятности, и взводный коротко закончил:

— Наступать только на скорости, меняя углы атаки. Кто медлил, тех вчера первыми жгли.

Замполит почувствовал настроение комбата, снова похвалил Корнюхина, напомнив, что с начала боев наш второй взвод уничтожил три танка противника и два мотоцикла.

Дороги отступления. Шли колонны и просто толпы военных, которых крепко ударили, уничтожили технику, многих побили, а оставшиеся не могли прийти в себя. Люди погибали, часто не успевая выстрелить во врага. Я как те дни вспомню, в сердце что-то переворачивается. Жестокое было лето. Наши дивизии и разведбат несли огромные потери. Ребята заживо сгорали в машинах, умирали от тяжелых ран, но мы начали войну не с бегства (хотите, называйте это отступлением), а с боя. Мы вступали в драку, и немцы за наши подбитые «бэтэшки» и безнадежно устаревшие бронемшины оставляли сгоревшие танки и свои драгоценные жизни. Горящие Гансы, вываливаясь из люков, вопили от боли и катались по земле. Когда мы выходили с немцами один на один, мы часто побеждали. Немцы воевали умело и теснили нас превосходством техники, особенно авиации, но весь путь от границы был отмечен трупами фашистов. После боя у безымянной деревушки, недалеко от города Сенно, наверняка осталось аккуратное немецкое кладбище. Может, пятьдесят, а может, сто березовых крестов, с касками на каждом.

Они простоят здесь три года. При отступлении, в сорок четвертом, немцы будут ровнять бульдозерами свои захоронения с землей, чтобы русские не осквернили арийские могилы. Но часто не хватало бульдозеров и времени. И уже другое поколение танкистов сносили с ходу эти кресты, вдавливая в землю каски. На хрен нам нужна память о Фрицах и Гансах. Мы их к себе не звали.

Дни, часы и моменты того далекого июля.

Погиб командир мотороты braveй Борис Орлов. Он нередко бывал высокомерен и видел себя командиром батальона, а может, полка. Орлов выпил водки и надменно наблюдал, как разбегаются с дороги бойцы и командиры отступающей пехотной части. Он глядел на них, затаенный в тугую португую, с биноклем на груди, в начищенных яловых сапогах, с кобурой на поясе. Потом приказал бойцу поднять специальную раму на коляске мотоцикла для стрельбы по воздушным целям. Еще приказал подавать ему диски.

Старший лейтенант Орлов успел выпустить почти весь диск, сорок с чем-то патронов. Первый истребитель, получив несколько пуль, не причинивших ему вреда, пронесся мимо. Второй, отвернув от дороги, убил лейтенанта и бойца очередью пуль и 20-миллиметровых снарядов. Я сам не видел этого, мы стояли в лесу. Корнюхин послал меня встретить ремонтников, и я пришел на место гибели Орлова минут через двадцать.

Мне рассказали, как все было. Орлов и боец его роты лежали со скрещенными на груди руками. Кровь на жаре свертывается быстро. Голенище сапога командира роты было разорвано пулей. Строчка шла дальше, от ноги через живот, к голове. Самолетные снаряды его пощадил. Один насквозь прошел бойца, еще два искорежили коляску, которую бойцы отвинчивали от мотоцикла. Трое копали могилу. Все происходило быстро и молча.

Обычная смерть на войне. Старший лейтенант стрелял по «мессершмитту» и даже мог его сбить. Только надо было укрыться, а не стрелять с открытого места. Мне жалко было бойца. Своим крестьянским, не слишком образованным умом я понимал, что старлей решил поиграть со смертью. Мог бы играть один, не прихватывая с собой подчиненного.

Контрудар наших войск, направленный в сторону Лепеля, не принес желаемых результатов. Упорные бои шли под Сенно, немцы продвигались вперед. В один из дней группу, возглавляемую командиром роты Истюфеевым, направили помочь эвакуировать воинские склады. Три танка, два мотоцикла, пять полторок. Приказом командира дивизии нам было разрешено при необходимости реквизировать отступающие грузовые машины и гужевого транспорт.

Дорога была забита скотом. Гнали коров, овец, свиней. Стадо огромное, не видно конца. Запрудили дорогу. Охрипшие пастухи: мужики, женщины, дети с кнутами, хворостинками в руках. Несколько повозок, запряженных быками. На повозках навалом громоздился домашний скарб, свернутые в тюки одеяла, посуда. Женщина с перевязанной ногой и мальчик у нее под мышкой спали, не обращая внимания на жару и мух.

Мы остановились спросить, далеко ли немцы? Нам ответили, что где-то рядом, но за спиной еще дерутся наши части. Пастухи попросили курева. Мы поделились махоркой, командиры дали папирос.

— Берите борова. Вон того, — предложили нам.

Обросший щетиной бригадир, в нарядной, когда-то белой рубашке, помог забросить в кузов пестрого боровка, пудов на шесть. На поясе бригадира висела кирзовая кобура с наганом.

— Может, патронов дать? — сказал Истюфеев.

— Давайте.

Коля Малышкин сунул от щедрот пачку патронов, двадцать штук. Зачем бригадиру револьвер? Обороняться от мародеров? Пронеслись три «Юнкерса-87». У них уже есть название — лаптежник. Выпущенные шасси можно сравнить с торчавшими ногами в лаптях или скорее лапами коршуна. По скотине они не стреляли, наверное, считали своей добычей, нас не заметили в пыли, которая висела тучей, несмотря на недавние дожди.

Воинские склады, расположенные в лесу, в стороне от дороги, охранялись по-прежнему строго. На КПП дежурил сержант с двумя бойцами. Тщательно проверили наши документы, позвонили начальству и разрешили проехать. Поднимая шлагбаум, один из бойцов сказал:

— Что-то вы машин с собой мало взяли.

Немцы уже здесь отметились. Виднелось несколько воронок, забор из колючей проволоки был порван взрывами и снова наскоро переплетен проволокой. На просевших скатах стояла сгоревшая полуторка, рядом ЗИС-5 с выбитыми стеклами.

Начальник складов, хорошо пахивающий водкой капитан, нам обрадовался. Сообщил, что связь не работает, электричества нет и у него всего полтора десятка бойцов. Бумажку с подписью начальства, не глядя, отложил в сторону и прежде всего накормил нас. Я ни разу не видел такого стола. Килограммовые банки говяжьей и свиной тушенки, подтаявший брус соленого масла, круги твердой, хорошо прокопченной колбасы, рыбные консервы, пачки сахара и огромный чайник теплого сладкого чая. Истюфеев разрешил выпить по сто граммов водки. Старшина черпал ее из бидона и щедро наливал нам в кружки граммов по сто пятьдесят.

— Как погрузитесь, налью еще, — пообещал он.

Потом грузили в полуторки снаряды к танкам, патроны, гранаты, продукты, связки кирзовых сапог, бочки со спиртом. Набили в свои танки под завязку новеньких снарядов. Складские бойцы помогали нам очищать их от густой заводской смазки. Загрузили, сколько смогли, продуктов и по ящику махорки. Когда набили всего под завязку, нам принесли штук сто заряженных дисков для танковых пулеметов.

— Ребята, берите, — упрашивал капитан. — Сами набивали патронами!

Взяли штук по двадцать дисков. Запасные снаряды в ящиках привязывали сверху к трансмиссии. Капитан приказал принести нам новое белье, гимнастерки, сапоги. Мы переоделись во всё чистое и кое-как запихали запасное белье и рулон портяночного полотна.

Дареный пестрый боровок бродил между нами и ел куски хлеба, сахар, который мы ему бросали. Один из бойцов сказал, почесывая его за ухом, что ответит боровка к знакомой. У нее свинья в хозяйстве имеется, будет развод. Мы не возражали. А я подумал: о каком хозяйстве может идти речь, если не сегодня-завтра здесь будут фашисты? Никому бы не поверил, кто сказал бы, что война еще год или два продлится.

Заслон, поставленный на дороге, пригнал до вечера еще штук двенадцать полуторок, грузовиков ЗИС-5 и десятка четыре разнокалиберных телег и повозок. Вытряхивали из них людей, барахло, заставляли грузиться винтовками, боеприпасами. Сверху разрешали брать еду, сколько поместится. Сажали сопровождающими наших бойцов, разгружаться велели в штабе дивизии. С таким запасом можно было воевать. Кроме того, мы загрузили четыре прицепа, которые нам отдал капитан, и бесхозный ЗИС-5, со сломанным мотором. Все это мы взяли на буксир и поздно вечером тронулись в обратный путь.

Перед отъездом капитан, шатающийся от водки и бессонницы, заявил, что завтра

сожжет все оставшееся хозяйство. Мы не сумели эвакуировать и десятой части того, что находилось на складах.

Откуда у немцев столько самолетов? Они налетали парами, тройками, девятками. Бомбардировщики «Ю-88», со стеклянными мордами, плыли высоко в небе косяками без сопровождения истребителей. Ходили слухи, что наши самолеты были уничтожены в первый день прямо на аэродромах. Мы в это не верили. Ходили и другие слухи, что нашу авиацию перебросили на защиту Смоленска и Москвы. В это можно было поверить, если не слишком задумываться.

Однажды срочно направили в поддержку пехоты двенадцать танков и несколько бронемашин. Вскоре вернулся один из мотоциклов разведки, привез трех тяжелораненых. Сержант пил, никак не мог напиться воды и рассказывал. Колонну разбомбили. Немцы бросали тяжелые бомбы, которые разносили танки и бронемшины на куски. Бросали маленькие бомбы. Они вонзались в броню, и машины сразу вспыхивали. До пехоты добрались всего три танка и одна бронемашинка. Человек двадцать раненых и обожженных возвращаются лесом.

— Спичечные коробки. Пых и готово! — повторял сержант, заиклившийся на сгоревших, как спички, машинах.

— Ладно, закрой поддувало, — мрачно сказал Крупский, — а то доболтаешься. Дайте ему, что ли, водки и поест. Пусть спит.

Наш танк едва не стал добычей «Юнкерса-87», когда экипаж послали к мосту через речушку — проверить, готовы ли саперы к его взрыву. Получилось так, что мы, спрямляя расстояние, миновали две дороги, идущие с запада на восток. Одна избитая грунтовка шла лесом. Толпы беженцев и остатки воинских частей двигались по ней потоком. Люди без конца задирали головы, высматривая немецкие самолеты. Здесь было удобно прятаться, лес тесно подступал к дороге. Шли сотни и тысячи военных. Большинство с винтовками, некоторые с ручными пулеметами. Ни пушек, ни даже станковых «максимов» мы не видели. Наверное, побросали, чтобы не тащить лишнюю тяжесть.

Двигаться по этой дороге нам было не с руки. Приходилось постоянно прижиматься к деревьям, проламывать кустарник, чтобы не подавить людей. Вначале мы орали на бойцов, шагавших прямо на танк, потом, охрипнув, перестали. Люди шли, как во сне, усталые, ничего не соображающие. Некоторые спали небольшими группами прямо у дороги. Это была не армия, а отступающая толпа.

На первом же свертке мы повернули влево и вскоре вышли на другую дорогу, хорошо укатанную грунтовку. Беженцев и отступающих было гораздо меньше. Слишком открытое и опасное место. Здесь мешали проезду воронки от бомб и сильно несло мертвечиной. На обочинах лежали трупы людей и раздувшиеся, как бочки, убитые лошади. Мы обогнали пехотную роту, а потом нас остановили у глубокой канавы, которую выкопали поперек дороги. Долго проверяли наши документы и допытывались, почему мы катим на запад. Старший лейтенант, с расстегнутой кобурой, вертел красноармейские книжки, а двое бойцов с винтовками и примкнутыми штыками враждебно наблюдали за происходящим.

В конце концов поверили, что мы не удираем к немцам, и попросили закурить. Саня Духнин протянул старшему лейтенанту сразу три пачки махорки. Покурили, немного поговорили. Оказалось, что здесь занял оборону пехотный батальон. Виднелись замаскированные пушки. Командир предупредил, что впереди наших частей нет, могут встретиться переодетые немецкие диверсанты, а самая главная опасность — самолеты.

— Езжайте быстрее, а то демаскируете нас тут, — напутствовал экипаж старший лейтенант.

Мы осторожно проехали по трехметровой перемычке, оставленной с краю дороги, и на скорости рванули вперед. Вместе с Саней, высунув головы, глядели по сторонам. Дорога была пустой, и от этого становилось не по себе. В то лето немцы хозяйничали в небе, как у себя дома. Шестерка «Юнкерсов-87» прошла на высоте. От нее отделился один самолет и

спикировал на нас. Как назло, по сторонам росла мелкая ольха да торчали кусты. Спрятаться было негде. Малышкин гнал со скоростью пятьдесят, описывая зигзаги по всей ширине дороги. Я, как замороженный, смотрел на «юнкерс» через открытый люк. Малышкин резко затормозил. Две бомбы рванули впереди с такой силой, что танк покачнуло. «Юнкерс» выходил из пике, а в нас, не жалея патронов, лупил из пулемета стрелок из задней части кабины.

— Люки! — вопил Малышкин, перекрывая вой самолета и рев двигателей, но мы пережили эту длинную очередь с открытыми люками.

Пули молотили по башне, лобовой броне с такой силой, что я был уверен, сейчас нас прошьют насквозь. Но немец, утробно воя, набирал высоту, а мы были еще живы. Если не считать, что я разбил лицо, приложившись о броню, а Саня, кряхтя, дул на свои отбитые в последнем бою руки. Малышкин, перевалив через канаву, вломился в кусты. Мы неслись по мелкоколесью. Здесь нас догнал следующий заход «юнкерса», и снова две бомбы обрушились сверху, подняв фонтаны влажной земли, ломаного кустарника, вырванных с корнем молодых деревьев. Одна из бомб взорвалась совсем рядом, танк уже не качнуло, а швырнуло, как щепку. Мы с Саней держались за рукоятки и скобы, но нас с легкостью оторвало и вlepило друг в друга.

Ревел, выходя из пике «юнкерс», и пули снова лупили по броне, как отбойным молотком. Это было даже страшней, чем бомбы. Невольно промелькнуло в памяти, как сержант прострелил из трехлинейки рельс. У Сани не выдержали нервы. Вскрикивая от боли в руках, он выстрелил вслед немцу из пушки и застрочил из пулемета. Фашист бы нас добил с третьего захода. Не зря же говорят: «Бог троицу любит». Нас спасло то, что мы, сломав несколько деревьев, вломились в ельник, а на дороге появилась более заманчивая цель. Катили три полуторки с пушками на прицепе, и немецкие самолеты обрушились на них.

А мы приходили под прикрытием ельника в себя. Выпили по полкружки разбавленного спирта, а потом глотали воду из трехлитровой фляги. Малышкин дал мне зеркальце, и я убедился, что лицо у меня расквашено крепко — на танцы не пойдешь. Кроме этого, сильно болел бок. Я подозревал, что сломано ребро. Коля Малышкин, спасший нас своей мастерской ездой, сорвал с ладони большой клочок кожи и был весь в крови. Саня Духнин мял багровые руки и осторожно протирал их мокрой тряпкой.

Пули поклевали танк изрядно. Я насчитал двадцать с лишним вмятин, щербин и считать бросил. Крупный осколок прочертил глубокую борозду на лобовой броне. В общем, нам повезло.

— Это не война, а черт знает что, — размышлял Саня Духнин.

— А ты какую войну хотел? — насмешливо спросил Малышкин. — Как в кино. Наши бьют, фашисты удирают.

Я тоже поделился своими невеселыми рассуждениями о том, что до победы можем и не дожить. Хотя в собственную смерть не верил. Малышкин суеверно сплюнул. Посоветовал не молоть чушь.

— Какая чушь? — взвился я, находясь под жутким впечатлением обстрела, когда десятки пуль долбили по броне и, казалось, протыкают мозги. — Вспомните, сколько ребят из батальона похоронили! А сколько убитых на дорогах лежат! Тысячи!

— Не надо об этом постоянно вспоминать, — спокойно возразил Коля. — То есть, конечно, надо, но лучше думать о другом. Как немцев бить. О родных...

— Прямо замполит, — принял мою сторону Саня Духнин. — Учишь, о чем можно думать, о чем нельзя.

Мы едва не переругались первый раз за все время. Коля Малышкин примирительно заметил, что лучше еще немного выпить и перекусить. Выпили, съели по куску подтаявшей копченой колбасы и успокоились. Ехать дальше совсем не хотелось, но мы знали — придется. Приказ надо выполнять. Немного потянули время и двинулись вперед.

Метров через пятьсот остановились возле артиллеристов. «Юнкерсы» разбили батарею взрывом. Четыре человека были убиты, несколько — ранены. Две старые трехдюймовые

пушки с деревянными колесами валялись по кустам. Одну бойцы спасли, но катить ее пришлось бы на руках. От трех полуторок остались догорающие остовы. Батарея ехала к тому мосту, что и мы. Мы подцепили уцелевшее орудие на прицеп вместе с передком, посадили на броню с десятков артиллеристов и благополучно доехали до небольшого деревянного моста. Здесь, нервничая, ожидали команды отделение красноармейцев во главе со старшиной, несколько саперов и разведчик на мотоцикле без коляски. Кроме винтовок все войско имело лишь ручной пулемет и гранаты.

Старшина доложил лейтенанту, командиру батареи, что немцы совсем рядом обстреливали разведчика. Мост, от греха подальше, лучше взорвать. Я осмотрел илистую речку шириной метров пятнадцать. Возле моста пускала круги мелкая рыбешка. Подумал, что немцы с их техникой наведут переправу за пару часов. Разведчик подтвердил, что видел немцев в трех километрах отсюда, был обстрелян и даже предлагал посмотреть след от пули на заднем подкрылке.

— У нас этих отметин полсотни, — сказал Саня Духнин.

Все смотрели на него и ждали решения. Он не был самым старшим по званию, но приехал по заданию из штаба дивизии. Я подумал, что, если эти ребята здесь останутся, немцы положат их всех. Чего они навоюют с единственной пушкой и полусотней снарядов? То же самое, наверное, подумал и остальной экипаж.

— Надо взорвать мост ко всем чертям, — выразил свое мнение самый авторитетный человек в экипаже, Коля Малышкин. — Наши, если что, вброд перейдут, а немцы пусть повозятся.

— Точно, — подтвердил старший сержант Духнин. Мы с удовольствием наблюдали, как саперы зажгли бикфордов шнур, и деревянный мост, наверное, так нужный крестьянам, разлетелся кучей обломков. Снова подцепили пушку и отвезли ее вместе с артиллеристами в расположение батальона. Пехота и саперы шли пешком.

Я неожиданно получил медаль «За отвагу». В представлении говорилось: «За уничтожение трех танков противника и сколько-то немецко-фашистских захватчиков». Было так. 16 июля немцы после сильных боев захватили Смоленск. Для освобождения города и предотвращения дальнейшего прорыва к Москве в сражение на восточном берегу Днепра были брошены все воинские части, находившиеся поблизости. Подтягивались резервные дивизии и бригады. Что мог я видеть из своего танка? Только крошечные частицы огромной войны. Немцы крепко получили по зубам под Смоленском, понеся большие потери. Но во много раз больше потеряли мы людей и нашей устаревшей техники. Во временные лагеря уже тянулись огромные колонны советских военнопленных, многие переходили на сторону врага, подняв над головой листовки-пропуска. Об этом не писали в газетах, не говорили, и мы не знали всех масштабов трагедии июля сорок первого.

От нашего разведбата остались рожки да ножки. Нам добавили танков, и мы занимались не столько разведкой, сколько затыканием дыр. В тот день восемь машин под командованием лейтенанта Истюфеева шли наперерез немецкой бронетанковой колонне, прорвавшей оборону пехотной части.

Немецкая колонна двигалась по проселку. Мы — наперерез. Остановившись километра за полтора, Истюфеев из «тридцатьчетверки» оглядел немцев в бинокль и принял решение ударить четырьмя танками в голову колонны, а взводу Корнюхина — в среднюю часть.

Немецких танков было девять. В том числе два Т-4, громадины по сравнению с «бэтэшками». Немцы начали их вводить в бой во время штурма Смоленска. Позади танков пылили четыре бронетранспортера. Это была одна из мобильных бронированных групп, которые, как щупальцы, запускались вперед, выискивая слабые места в нашей обороне. Как я потом увидел, они с маху смешали с землей позиции пехоты. Разнесли из своих орудий. Раздавили батарею трехдюймовок, малоподвижных и неприспособленных для борьбы с танками. При этом потеряли лишь один подбитый танк.

Наверняка, связавшись по радиосвязи со своими, они катили вперед, уверенные в своей

силе. И наперерез неслась наша куцая рота, имевшая единственную «тридцатьчетверку», четыре БТ-7 и четыре БТ-5, выпущенных с завода восемь лет назад и уже безнадежно устаревших из-за своей слабой брони. Мы превосходили немцев на десяток километров в скорости и еще настроим.

Без вранья скажу, что большинство из нас были готовы к гибели. Для нас не оставалось пути назад. И те, кто рвался в атаку, и те, кто с удовольствием бы отвернул в сторону, хорошо понимали, что единственный шанс выжить — убить немцев. По прямой до Москвы оставалось всего пятьсот километров, ни одного крупного города. В развернувшемся Смоленском сражении, которое немцы слишком рано посчитали законченным, трусов и просто беглецов расстреливали на месте.

Набрав скорость, мы двигались двумя взводами через холмистое поле. Хотя нас прикрывали придорожные кусты, мы знали, что внезапного удара не получится — слишком открытая местность. Истюфеев выбрал единственно возможный вариант — ударить по немцам сразу. Мы были до такой степени измотаны боями и отступлением, что шли напропалую. Немецкий мотоцикл, вывернувшийся из низинки, круто развернулся, помчался предупредить своих.

«Тридцатьчетверка» Истюфеева и три легких танка, вырвавшись на прямую, приближались к дороге. Взвод Корнюхина немного отстал, но мы все же опережали немецкие танки, которые разворачивались нам навстречу, проламываясь через кусты.

Первыми открыли огонь танки Истюфеева. Мы, взлетев на бугор, остановились и по команде Корнюхина ударили из всех четырех пушек. Расстояние было метров четыреста. Корнюхин попал в цель, он вообще стрелял метко. Саня Духнин, промахнувшись, выстрелил еще раз. Рядом взорвался фугасный снаряд. Т-4, видимо, бил через кусты, не имея возможности прицелиться, рассчитывая, что взрыв 75-миллиметрового снаряда оглушит нас. Своей цели он отчасти добился. Мы почти наскочили на взметнувшийся столб огня и земли. Танк встряхнуло. Пулемет вылетел из креплений.

Саня, у которого так и не зажили руки, вскрикнул от боли, но выстрелил третий и четвертый раз. Мы попали в Т-4, и он застыл. А Саня, вылезая со своего места, крикнул:

— Митя, садись за пушку. Я спекся...

Я пересел на его место. Коля Малышкин дал газ. Огибая островок березняка, мы быстро приближались к дороге. Один Т-3 горел, «наш» Т-4, поврежденный, пятился назад. Корнюхин и БТ-5 вели огонь по другим танкам. Второй БТ горел у нас за спиной. Я выстрелил в огромный Т-4. Мимо. Саня, перекатывая снаряд на согнутых крюком локтях, ловко вбил его в казенник. Еще выстрел. Лобовая броня Т-4 — пять сантиметров, но с трехсот шагов наша болванка прошла ее насквозь. Из боковых люков вывалились три немца, языки пламени били из передней смотровой щели, как будто стрелял огромный пулемет. Малышкин, увеличив газ, мчал, описывая зигзаги, на танк, выползший из кустов.

— Митька, бей, б...!

Кажется, орали одновременно и Духнин, и Малышкин. Пушка ударила, пустая гильза со звоном отлетела на кучку стреляных. Новый снаряд.

— Попали!

Это был Т-3. Был, потому что снаряд, проломив броню башни пониже пушки, врезался в боезапас. Танк взорвался метрах в пятидесяти от нас. Из него, кажется, успел выскочить лишь один немец. Танк Корнюхина полз, как черепаха, загребая землю одной гусеницей. Вторая тянулась следом.

Взводный стрелял из пушки, как из автомата. Вместе с БТ-5 они подожгли еще один танк. Снаряд врезался в танк Корнюхина в лобовую часть и, видимо, наповал убил механика-водителя, сорвал с погона башню, сдвинув ее назад. Корнюхин и заряжающий вывалились одновременно. Но если у лейтенанта был опыт тяжелой финской войны и погибший по его или чужой вине взвод, то башенный стрелок такого опыта не имел. Он не скатился, как Корнюхин, по броне, а неуклюже полез из люка. Пулеметная очередь прошла насквозь, вырывая клочья из спины и разбрызгивая кровь.

Я видел это, высунувшись, как дурак, из люка. Обхватив локтями, меня стащил вниз Саня Духнин. Малышкин дергал заевший рычаг сцепления. БТ-5, стреляя на ходу, обогнал нас. Оттолкнув Саню, я высунулся из люка и посмотрел назад. Танк Корнюхина горел, а сам он махал пистолетом, приказывая двигаться вперед. Проломив кусты, мы выскочили на дорогу. БТ-5, экипаж которого был мне немного знаком, попал под огонь нескольких пулеметов. Два бронетранспортера били по нему из крупнокалиберных и обычных стволов.

На расстоянии полусотни шагов 13-миллиметровые бронебойно-зажигательные пули пробивали броню устаревшего БТ-5 насквозь. Картина была жуткой. Брызги крошечных огненных взрывов плясали по всему корпусу и башне, вспыхнул топливный бак. Машина замедлила ход и пошла по кругу. Открылся верхний люк, но башенный стрелок, высунувшийся по плечи, был сразу убит. БТ-5 загорелся.

Наверное, впервые с начала войны меня охватила бешеная злость — не самый лучший помощник в бою. Я выстрелил и промахнулся, хотя до цели было меньше ста метров. Второй снаряд оказался бронебойным. Он ударил в верхнюю часть корпуса, наверное, кого-то убил, но транспортер продолжал вести огонь. Уже по нашему танку.

— Саня, фугасный!

Духнин выронил из рук приготовленный снаряд, и мы вдвоем затолкали в ствол осколочно-фугасный. На этот раз я целился точнее. Снаряд проломил взрывом окошко кабины. Через заднюю дверь выскакивало штурмовое отделение. Наш пулемет был исковеркан, иначе я положил бы их всех. Выстрелил три раза подряд из пушки. Кого-то подбросило взрывом, но два снаряда снова оказались бронебойными.

— Санька! — крикнул я на своего командира. — Нужны осколочные.

Но старший сержант Духнин, вытянув перед собой руки, бормотал:

— Они не действуют. Митя, я теперь безрукий.

— Стреляйте! — орал снизу на нас обоих Коля Малышкин.

Я сам зарядил пушку и ахнул в удлиненную, как свиное рыло, моторную часть. Из метровой дыры полетели обломки каких-то трубок, кусков металла, взвился столбом горящий бензин. Я вбил для верности в бронетранспортер еще один снаряд и открыл огонь по второму, удирающему прочь. Промазал раз-другой, а мы едва не попали под немецкий снаряд. Три танка на полной скорости пронеслись по полю с другой стороны дороги. Мешали целиться кусты. Поэтому ни я, ни они в меня не попали.

Мы собрались кучкой. Два уцелевших танка и человек двенадцать «спешенных» танкистов. У «тридцатьчетверки» Истюфеева заклинило башню. Корнюхин осмотрел распухшие руки Сани Духнина.

— У тебя кости поломаны, — сказал он.

Так впоследствии установили и врачи. У Сани еще в бою под Сенно повредило кисти рук. А взрыв 75-миллиметрового снаряда окончательно вывел обе руки из строя. В горящем корпусе бронетранспортера вдруг начали взрываться гранаты и боеприпасы. Мы невольно отступили за танки. Сверху сыпались патронные гильзы, осколки, лопнувшие консервные банки и ошметки человеческих тел. Из кустов выполз раненый немец. Что-то крикнул, наверное, сдавался, по нему открыли огонь из пистолетов и наганов. Немец упал, снова поднялся и свалился в кювет. Подбежавший низкорослый танкист выстрелил три раза подряд из нагана.

Мы потеряли семь танков из девяти. Немцы — пять и бронетранспортер. Тяжелее всего пришлось взводу, которым командовал Истюфеев. С пятью своими танками он шел в лобовую атаку. Истюфеев оглядел горевшие немецкие машины и спросил Корнюхина:

— Виктор, кто танки подбил?

— Один — мой экипаж, а два танка и эту гробину, — Корнюхин кивнул на бронетранспортер, — Духнин со своими ребятами.

Саня, с обмотанными тряпками руками, сказал, что сработали и погибшие танкисты с БТ-5, и товарищ лейтенант, то бишь Корнюхин.

Язык у него заплетался, потому что Духнину напили стакан спирта. Истюфеев

отмахнулся:

— Экипаж представить к медалям. «За отвагу».

Мы понесли большие потери, но не дали немцам прорваться. Несмотря на то, что из связной роты остались всего два танка, мы чувствовали себя победителями. Потом Корнюхин сел в наш БТ-7 на место командира. Мы покатали сопровождать две санитарные машины к тому месту, где немцы прорвали оборону пехотного батальона.

По дороге Корнюхин рассказал, что командир дивизии распорядился выслать нам на помощь батарею редких тогда «сорокапятков». Батарея, потеряв одно орудие, заставила повернуть уцелевшие немецкие танки назад. Выходит, нам повезло. Мне тоже налили после боя спирта, и я ехал в хорошем настроении. Очень гордился, что получу медаль «За отвагу», которая ценилась не меньше ордена. Мне казалось, что, разгромив ценой больших потерь одну из бронетанковых немецких групп, мы остановили наступление немцев на Москву.

Мои иллюзии быстро исчезли. По дороге на нас высыпал несколько небольших бомб немецкий самолет-наблюдатель «Фокке-Вульф-189», или «костыль», как мы его называли. Разбил одну из санитарных полуторок и, постреляв по нас, улетел. Но это была мелочь.

Вскоре я в очередной раз увидел страшное лицо первого военного лета. Среди стрелковых ячеек и недорытых окопов для орудий на поле, в переломанном кустарнике, лежали тела красноармейцев и командиров. Их было много. Может, двести, может, больше... Раздавленные гусеницами, исковерканные снарядами взрывами, срезанные пулеметными очередями. Лужи засохшей крови, над которыми роились мухи. Оторванные руки, ноги, вмятая в землю батарея трехдюймовок.

Среди этого безобразия догорал Т-3, подбитый батареей за минуты до гибели. Собравшиеся возле нас красноармейцы рассказали, что танковая колонна, «штук двадцать, не меньше», разметала и расстреляла батальон с его четырьмя пушками. Человек тридцать взяли в плен, они сидели под охраной возле подбитого танка, который чинили немцы. Перед этим они расстреляли комиссара и двух человек, похожих на евреев.

Смеялись, когда ремонтировали танк, обещали пленных отпустить, но через час вернулись три уцелевших танка и три бронетранспортера. Пленных расстреляли, а танк хотели утащить на буксире, но не сумели и подожгли. Мы посмотрели на расстрелянных бойцов. Они лежали тесно, почти касаясь руками, ногами друг друга. Все мертвые.

— Танков всего девять было, а не двадцать, — сказал Корнюхин. — А вас триста, не меньше. Кто бежит, того убивают. У вас и пушки, и гранаты. Могли сражаться.

— Могли — не могли, — огрызнулся старший лейтенант, без фуражки, но с винтовкой за плечом. — Они на танках... все в момент смели. Прямо с ходу.

— Другого и не ждите, — остывая, достал папиросы Корнюхин. — Немцы расчухаться не дают. Увидят цель и полным ходом вперед. Что теперь делать будете?

— Выполнять приказ. Бутылки с бензином остались. Гранаты только ручные.

— Вяжите в связки.

— Знаю. Раненых заберите и сообщите там, что мы без пушек остались. Комбата и комиссара убили.

— Ладно, — кивнул Корнюхин. — А ты кто?

— Командир роты.

— Закапывайтесь глубже, — посоветовал напоследок Корнюхин.

В полуторку и на броню нашего БТ укладывали раненых. Старший лейтенант собирал уцелевших красноармейцев. Снова готовились к обороне. Много ли они навоюют без пушек и понеся такие потери...

Спустя пару дней лейтенанта Истюфеева, меня и еще одного танкиста вызвали в штаб. Мы с танкистом получили медали «За отвагу», Истюфеев — орден Красной Звезды. Здесь я невольно ляпнул языком не то. Присутствовал корреспондент, меня попросили рассказать о сражении. Так и сказали «сражение», будто я вместе с Кутузовым под Бородино сражался. Я старался не врать и рассказал, как два бронетранспортера подожгли из пулеметов танк БТ-5. Командиры нахмурились, а комиссар с тремя шпалами меня поправил:

— Это были автоматические пушки. Большинство немецких бронетранспортеров вооружены пушками.

Я возразил, что стреляли из крупнокалиберных пулеметов, почти в упор. Какой-то командир веско заметил:

— Наши танки не всякая пушка возьмет, а ты говоришь, пулеметы! Ошибся в горячке, боец! А то корреспондент пропишет не то, что нужно.

И засмеялся. Остальные тоже. Я тоже вежливо засмеялся. Истюфеев сказал, что, конечно, рядовой Пикуленко ошибся. Подбитый им тяжелый бронетранспортер «Ганомаг» имел на вооружении 20-миллиметровую пушку. Я все понял и согласно кивнул. Потом Истюфеев остался с начальством, а нас с танкистом накормили гречневой кашей с мясом, налили граммов по двести водки и подарили две пачки папирос.

Когда шли к себе, я невольно оглядывал медаль. Большая, серебряная, на яркой колодке, она смотрелась солидно. Было только не по себе, что экипаж и взводного Корнюхина несправедливо обидели. Лейтенант и Коля Малышкин, угадав мои мысли, сказали, что это ерунда. Достали фляжку спирта, консервы, и мы хорошо обмыли награду.

— Так случается, — рассуждал подвыпивший Корнюхин. — Воюют все, а всех не наградишь! Носи смело, Митя. Заслужил.

А мое везение кончилось через неделю. Наш танк подбили, погиб Коля Малышкин, а мы все оказались в окружении.

Снаряд ударил в лоб нашего БТ, пробил насквозь Колю и врезался в мешок с ватниками, чистыми гимнастерками, запасными сапогами — барахлом, которым мы разжились на складе под Лепелем. Несмотря на развороченное бедро и почти напрочь оторванную ногу, Коля еще несколько минут жил. Мы с лейтенантом Корнюхиным вытащили его и положили на траву. Я хотел полезть в танк за новым пулеметом, который нам установили взамен разбитого. Пулемет, в случае потери танка, являлся моим штатным оружием. Корнюхин удержал меня.

Танк стоял, как сирота, с распахнутыми люками, но это длилось недолго. Следующий снаряд ударил под башню, и мой «бэтэшка», полученный в феврале перед днем Красной Армии, загорелся. Мы отнесли Малышкина подальше за деревья. Корнюхин вытащил из портсигара две папиросы и протянул одну мне.

— Рычаги управления разбило, — словно оправдываясь, сказал он.

Было это так или по-другому, я не знал. Но я верил в разумность действий спокойного, даже сейчас, лейтенанта. Меня подмывало куда-то бежать, но Корнюхин заставил остаться на месте и даже прикурил папиросу от своей зажигалки. Наши танки и бронемшины вели беглый огонь. Немецкие танки наступали. Их было раза в два больше. За танками шли тяжелые бронетранспортеры. Теперь я знал их название. «Ганомаг». Снаряд взорвался метрах в тридцати. Горела бронемшина.

В нашем танке взорвались снаряды, и башня свалилась, как шапка с головы.

Мы поднялись и пошли, накрыв мертвое лицо Коли Малышкина куском ткани, который я оторвал от нательной рубахи. Похоронить его не было возможности. Меня и еще нескольких безлошадных рассадили на танки, в бронемшины и на мотоциклы. Я сидел на заднем сиденье мотоцикла. Вместе со стрелком в коляску впихнули раненого. Они ехали обнявшись и пили по очереди разбавленный спирт из фляжки. Потом глотнули мы с водителем мотоцикла. Лесная дорога укрыла нас от немецких самолетов.

Дней шесть мы выходили из окружения. Нас было много, может, тысяча, может, больше. Десятка три танков, бронемшины, мотоциклы, конные повозки с орудиями и людьми, остатки пехотных частей. Но я не скажу, что мы тупо брели или убегали сломя голову. Во-первых, дивизия начала свой путь на войне не с безудержного отступления, а с боев. Мы уничтожали немецкие танки, видели, как они горят и как разбегаются враги. Такой опыт и уверенность в себе многого стоят. Второе — у нас нашлись волевые командиры, которые за несколько часов сколотили из отступающей массы боевое подразделение,

разбитое на роты и взводы. Это были комиссар с тремя шпалами (фамилии его не запомнил) и майор Крупский.

Наверное, я невольно перехожу на слишком бодрый тон. Окружение — поганая штука. Немцы наседали со всех сторон, и никто не был уверен, что мы сумеем пробиться. Нас сильно бомбили, спасал только лес, и мы снова спрашивали, где наши самолеты. На следующий день меня разыскал Корнюхин, ставший командиром броневоза из двух бронемашин БА-10. Посадил на место башенного стрелка, рядом с собой. Откровенно говоря, мне эта штука, знакомая еще по учебке в Калуге, очень не нравилась. Наши БТ-7, которые мы теряли в боях один за другим, были не в пример мощнее (400 лошадиных сил по сравнению с 50-сильным движком БА-10), и броня казалась такой надежной. Но выбирать не приходилось. Из танков нашего разведбата остались всего два БТ-7, один из которых вел ротный Истюфеев.

Смертельно усталые, мы находили утром рядом с собой новых людей, а кто-то исчезал. Однажды я видел такую картину. Тридцать или сорок бойцов двигались прерывистой цепочкой на запад. Они несли за плечами винтовки, но знаков различия на петлицах я не разглядел. Корнюхин, остановив танк, крикнул:

— Эй, кто старший? А ну, подойдите!

Он даже приказал развернуть орудие и пулемет в их сторону. Но люди молча пятились, исчезая среди елей. Сзади нас подпирали, и у лейтенанта не было времени разбираться.

Рано утром немецкие танки раздолбали разведку и пустились за нами. Танков было много, и мы шарахнулись назад. Возникла паника, но Крупский навел порядок. Поставил все пушки на прикрытие колонны, и мы двинулись в обход. Еще час слышали орудийные выстрелы, потом все смолкло. Наверное, артиллеристы погибли.

В другой раз, пересекая открытое место, мы приняли бой. Бой в окружении — это не то, о чем хочется вспоминать. Мы прорвали оборону немцев, смяли штук восемь противотанковых пушек, расстреляли пулеметные гнезда. Двигались через поле бегом, на ходу подбирая немецкие автоматы и патроны, оставляя свои догорающие танки и грузовики. На одной из повозок, с выломанной оглоблей и без лошадей, лежали тяжелораненые.

Мы остановились. Истюфеев дал команду перегрузить их на броню. Из-за деревьев били немецкие гаубицы. Тяжелый снаряд разнес танк, другой взорвался прямо в гуще пехоты, и стало уже не до этих раненых. Появился десяток новых, которых тоже надо было спасать. А как? Со стороны солнца заходили с воем сирен пикирующие «Ю-87» с растопыренными шасси. Сорок первый год был годом их торжества. С них начинались дни и ими заканчивались.

И мы спешили снова укрыться в лесу. Остановиться — означало верную смерть. «Ю-87» проутюжили хвост колонны, оставшие машины и людей и догоняли нас в лесу. Снижались до сотни метров и находили свою цель. Мы пытались отвечать, вытаскивая пулеметы в верхние люки, но бронированных «лаптежников» сбить было трудно.

Крупский послал нашу бронемашину и два мотоцикла сопроводить полуторку в деревню, где вроде бы имелся колхозный гараж или автомастерская. Кончалось горючее. В пустых боксах и по домам мы набрали бочек пять бензина. Все были голодные. Колхозный бригадир открыл нам молочный склад. Пока грузили холодные со льда бидоны с молоком, в деревню влетели два немецких мотоциклиста.

Расстреляли в упор экипаж нашего мотоцикла, стоявший на окраине, и дали по нас несколько очередей. Вроде и настороже были, но двух ребят потеряли. Я влетел в башню, развернул пушку, а немцы уже на полном газу мчались назад. Выпустил им вслед снаряд, второй. Мимо. Они не любили зря подставляться. Зачем им против бронемашин воевать? Или танки ихние подкатят, или авиацию вызовут. Погрузили мы погибших ребят в полуторку и тоже ходу из деревни. Ну, хоть танки и машины заправили, раненых молоком напоили. На всех-то не хватило.

Вскоре, потеряв половину людей и техники, мы прорвались к своим. Кстати, никто нам не устраивал тотальной проверки на вшивость, допросов с мордобитием: «Может, вас немцы

подослали?». Смотрю такие сцены в фильмах и удивляюсь. Вы чего, ребята, охренели, что ли? Никакого бы НКВД не хватило проверять отходящие части! Нас тысячи выходили. Конечно, кого-то трясли, проверяли. Но немногих. А по нас и так видно было, кто мы такие. Обрадовались пополнению (хоть и потрепанному) с танками, пушками, пулеметами. Покормили, дали сутки в себя прийти, и снова на передовую.

Запомнилось, как мы прикрывали переправу. Речка шириной метров тридцать, крепкий деревянный мост. Воробьевская переправа — так ее называли. Может, по имени деревни, расположенной неподалеку.

Наши свежие войска шли по ней на запад, а навстречу им катились разрозненные группы отступающих. За речкой их собирали в роты, батальоны и, подкормив, снова вели навстречу немцам. Уже во главе с молоденькими лейтенантами и капитанами-комбатами. Многим бойцам такой расклад не нравился. Чудом выжив, они не хотели снова возвращаться в пекло. Некоторые ждали, когда стемнеет, и переплывали речку, стараясь обойти посты. Но на восточном берегу их поджидали и задерживали. Несколько таких бойцов дали в наш батальон, защищавший подступы к переправе. Двое возмущались, орали, что контужены, а их, больных и несчастных, заставляют окопы рыть. Истюфеев цыкнул на них.

— Вы пекла еще не видели! — надувая жилы на горле, кричал наш ротный. Загорелый, тощий, в заштопанной гимнастерке с орденом. — Вот кто пекло видел! Три танка сжег и сейчас к бою готовится.

Он кивнул на меня. Я очищал от смазки снаряды. Отложив снаряд, сердито уставился на суетливого бойца, несущего от страха всякую ахинею. Если нас поставили охранять переправу, никуда не денешься. И нечего языком болтать!

Вечером, на закате, мы пошли с Корнюхиным искупаться. Выбрали местечко, распахали пятками тину и бултыхнулись в теплую водичку. Поплавав, сели перекурить. Тихий выдался вечер, даже стрельбы не слышно. За последние дни мы сдружились с лейтенантом Корнюхиным. Может, в отличие от других ребят, обкатанный жизнью и тяжелым трудом, я казался старше своих девятнадцати лет. Доверял мне взводный, хотя, если разобраться, оба мы были мальчишки.

Я узнал от него в тот вечер историю, приключившуюся на финской войне, которая принесла ему много неприятностей. Виктор Ерофеевич закончил военное училище в тридцать восьмом году. Женился, вскоре родилась дочь. Служба шла хорошо, взвод считался одним из лучших в танковой бригаде. В декабре тридцать девятого Корнюхин со своим взводом охранял дорогу и перевалочный пункт, куда свозили раненых и где ночевали бойцы по дороге на передовую.

Два деревянных барака, что-то вроде медпункта, небольшой склад и обслуживающий персонал: врач, две медсестры, санитары, тыловики-интенданты и караульные. Дорогу завалило снегом. Морозы трещали за тридцать. Приходилось по несколько дней не выключать двигатели. Полезли финны. Корнюхин со своими тремя БТ-5 отогнал их огнем пушек и пулеметов. Тогда финские снайперы-«кукушки» обложили кольцом танки и бараки, не давая высунуться.

— Кто высунется — выстрел, и готов человек. Окна в бараках побили, пожары от зажигательных пуль, — рассказывал Корнюхин. — Мы по кругу катаемся, то из пушки шарахнем, то из пулемета очередь дадим. Потом бензин стал кончаться. Остатками двигатели прогревали. Спиртом его разбавляли, чтобы подольше хватило. Финны немецкие противотанковые ружья в ход пустили. Калибр у них ерундовый, 7,92 миллиметра, но скорость пули высокая. Один танк подожгли, потом второй. Третий мы между бараками загнали. Они в него умудрялись попасть. Раза два двигатель загорался. Успевали гасить. Через четыре дня осаду сняли — наши пробилась. У меня из девяти человек всего трое в живых остались, включая меня. Два сгоревших танка, в третьем вся система от огня и мороза полопалась. Кусок железа. На перевалочном пункте половину людей перебили. Меня — за шиворот и в особый отдел. Следов боя почти не видно, в броне маленькие дырочки, а

танковый взвод накрылся. Спасло то, что я трех финских снайперов из пушки достал. Документы забрали, противотанковое ружье, винтовку с оптикой. Может, только это от трибунала спасло, а ходу с тех пор не дают.

Я, пацан, уже нюхнувший войны, хорошо понимал Виктора Ерофеевича Корнюхина. Его ровесники капитанами ходили, ротами, батальонами командовали, а он, умный, смелый мужик, три года на взводе топтался.

Вскоре обстановка на Воробьевской переправе резко изменилась. Немцы нанесли очередной удар, и через мост хлынули отступающие войска. Их уже не успевали сортировать и возвращать на передовую. Да и где она была, эта передовая, если стрельба доносилась со всех сторон? Участились бомбежки, хотя мост по-прежнему не трогали. Разбили гаубичный дивизион на другом берегу речки. Огромные снарядные гильзы взлетали, как ракеты, и плюхались, где попало. Однажды над мостом прошли на бреющем полете два «мессершмитта» и буквально смахнули огнем из пулеметов (пушки не использовали) человек тридцать красноармейцев. Трупы плыли по течению медленным жутким хороводом. Такого я никогда не видел. Вода шевелила их руки, волосы, казалось, плывут живые люди. Взрывы бомб подбрасывали их, сталкивая друг с другом.

В капонири разбило и подожгло бомбой танк, взлетели обломки двух трехдюймовых пушек. Обезумевший от боли и страха раненый бежал в сторону леса. Ему кричали, но вряд ли он что понимал. Истребители пошли на новый заход. Но еще с вечера по приказу майора Крупского сняли с машин часть пулеметов и приспособили их для зенитной обороны. Хоть и с промедлением, мы встретили «мессершмиттов» огнем. Один истребитель клюнул носом, но удержался и, едва не задев крыльями деревья, полетел к своим. Второй тоже скрылся. А потом немецкие танки подошли к переправе. Три бронемашин были закопаны в землю по самые башни, пушки стояли на прямой наводке. Мы отбили атаку, хоть и с потерями.

Погиб старый кавалерист, командир бронероты капитан Язько. Смелый дядька был, ничего не скажешь. Выгнал свою бронемашину из капонири и открыл огонь по танкам с фланга, пытаясь ударить в бок. Только забыл, что броня у БА-10 тонкая. Снаряд проломил дверцы ходовой части. Бронемашин вильнула и попала под вторую болванку. Кто-то открыл люк, но выбраться не успел. Сдетонировал боезапас, и машинку вскрыло взрывом, как консервную банку.

Еще сутки мы продержались, потом стали отходить. Когда через мост ехали, по нас не стреляли. Стали взбираться на откос, вокруг поднялись фугасные разрывы, и, как огромной палкой, зашлепали по песку бронебойные чушки. Сразу вспыхнул танк, потом взрывом выбило задний мост у бронемашин. Водитель и пулеметчик выскочили, в кормовую часть попал снаряд и убил двух оставшихся ребят из экипажа. Вырвались всего два танка и наша бронемашин.

Нам бы бежать от огня, а у саперов шнур перебило. Крупский приказал мост из пушек расстрелять. Мы из-за деревьев в три ствола огонь открыли, а наши бойцы под взрывы бегут. Пугнули их из ракетниц, а они все равно лезут — немец напирает. Когда первый фашистский Т-3 на мост влез, Крупский крикнул:

— А ну, огонь из всех стволов! Прорвутся, гады!

Развалили мы мост. Пока стреляли, и наших бойцов сколько-то положили, и немецкий Т-3 утопили. Стали отступать, снаряд нам переднее колесо напрочь оторвал. Мотор ревет, масло и бензин из трубок хлещет. Выскочили мы, едва успели один пулемет снять. На танк вскочили, а он газу! Под снарядами уходили. Отвоевал я честно все первое военное лето, а 9 сентября был тяжело ранен под городом Дорогобуж. От Смоленска до него всего километров восемьдесят. Немцы Смоленск 16 июля взяли, а эти восемьдесят километров и за два месяца одолеть не смогли. Вот и считай, драпали мы или дрались. Потом они все же Дорогобуж взяли и к Москве подошли. Но под Смоленском немец два месяца топтался.

Ранило меня тяжело. Осколок пробил темя и застрял в голове. Перебило выше локтя левую руку. С рукой кое-как справились, хотя сначала хотели ампутировать. Осколок

из-под черепа вытаскивали в одном из московских госпиталей, недалеко от Павелецкого вокзала. Потом эвакуировали в Горьковскую область, где я лежал в госпитале в селе Батурлино. Выписали меня 17 января 1942 года со второй группой инвалидности и дали двенадцать месяцев на лечение. Рука слушалась плохо, мучили головные боли.

Приехал в свое село. Встретили меня хорошо, родня собралась, соседи, колхозное начальство.

Помогли продуктами. А дальше уже не до меня было. Колхозники работали с утра до ночи. Зима голодная была, сколько похоронок приходило! От почтальона матери шарахались. Лучше не слышать, как сыновей и мужей оплакивали. На снег босиком выскакивали и по селу с криком бежали.

А я это все слышал. На работу не ходил — какой из меня работник? К лету немного оклемался. Я получал паек, платили за инвалидность. Продукты стоили очень дорого, даже у нас на Урале. Главным был паек, а на него часто давали пшеницу или рожь, которые надо было везти на мельницу, молот, заводить тесто, печь хлеб. Семьи старших братьев мне помогали, но жить было тяжело. А тут приходят похоронок на двух старших братьев: Егора, 1906 года рождения, и Николая — 1913 года. Погибли смертью храбрых. Совсем мне тошно стало.

А к армии я привык. Не дожидаясь срока очередной медкомиссии, пошел в августе сорок второго года в военкомат. Попросил: возьмите опять в армию. В армию меня не взяли, отправили на курсы сержантов, стал работать в милиции. Ушел в отставку майором.

Жизнь меня никогда не баловала. Но, оглядываясь назад, ни о чем не жалею. Служил, как мог, России и с этими мыслями встречу свой последний день.

Я начал свой путь в Сталинграде

Весной сорок пятого в нашем пехотном батальоне насчитывалось два или три человека, кто воевал с сорок второго года.

Лапшин Ф. И.

Федор Иванович Лапшин начал войну в Сталинграде и закончил ее в звании старшины под немецким городом Губен. Он и в нашей охотничьей бригаде считался вроде старшины.

Он часто рассказывал у костра о своем долгом пути через войну. Выезжая на гусиную охоту на огромное соленое озеро Арал-Сор, мы всегда проезжали железнодорожный переезд, где стоял каменный обелиск, а рядом скульптура сталевара. 7 октября 1942 года немцы разбомбили эшелон, в котором эвакуировали рабочих сталинградских заводов и их семьи. В тот день погибли сотни людей.

— А я ведь по этой железной дороге в Сталинград на фронт ехал, — говорил Федор Иванович. — Наш состав через несколько дней после этой бомбежки здесь проходил. Разбитые вагоны еще горелым пахли...

Я родился 12 июля 1924 года в небольшом селе Ниязовка в Палласовском районе, которое в сороковых годах поглотил знаменитый военный полигон Капустин Яр. Мама, отец — колхозники. Двое маленьких сестер умерли вскоре после рождения. Остались и выросли нас трое — два брата и сестра. Начавшаяся война играла с нашей семьей, как в кошки-мышки. Отца и старшего брата забрали в первые недели. И как в воду канули. О старшем брате, Василии, я больше ничего не слышал. Пропал бесследно. На отца осенью пришла похоронка, а спустя месяцев пять письмо о том, что он жив, был в окружении, а сейчас служит в обозе.

Помню, с матерью чуть дурно не сделалось. Потеря старшего сына и мужа чуть не доконали ее, ходила как не своя. А тут неожиданно письмо от отца. Она целый день плакала, а письмо мы зачитали до дыр. Мама решила, что мой старший брат тоже жив. Помню,

ходила к гадалке, отнесла ей серебряное кольцо и два десятка яиц. Гадалка наплела непонятное, вроде Василий жив и где-то мается, а вокруг лес.

Описывать долго нашу жизнь в начале войны не буду. Работали без выходных. С едой тогда, в начале войны, полегче было, но не хватало то одного, то другого. Экономили хлеб, не было сахара. Но мы считали, что это ерунда — лишь бы все живы были. Чуть не каждый месяц приходили активисты, работники сельсовета, подписывать на государственные займы. Мать ругалась (откуда деньги?), а тех подгоняло районное начальство. Мать находила где-то припрятанные червонцы и получала взамен солидные хрустящие бумаги с рисунками Кремля и красивыми цифрами с завитушками. Говорили, что по ним можно выиграть тысяч пять — во, деньжищи!

Но мать ни в какие выигрыши не верила. Когда однажды она особенно сильно расшумелась, что, мол, последнюю шкуру снимают, одна из подписчиц тихо и убедительно сказала матери:

— Не надо, тетя Маша. Мы и так вас жалеем. Другие больше отдают. Услышит кто, затаскают.

После этого мать притихла. Нас выручал дед, который, работая в колхозе, по вечерам сапожничал. Чинил всякую рвань, за которую нам несли овощи, молоко, изредка муку и сало. Однажды сосед принес половинку свиной головы и пару копыт. На Рождество мы досыта наелись наваристого борща и холодца.

Но самое главное — от отца приходили письма. Отвоевав на Гражданской, он знал цену этим весточкам. Утешал мать, говорил, что Василий вернется, а сам он при обозе как-нибудь вытянет. Многие строчки были замазаны цензурой, но мы все же поняли, что отец где-то под Москвой.

Помню, я любил вести разговоры с дедом. Неизвестно откуда, но уже с лета сорок первого пошли слухи, что наши войска, отступая, заманивают немцев в ловушку. Как Кутузов в 1812 году. Поделится мыслями с дедом. Тот поддержал меня:

— А как же! До Урала заманят, а там лес да камень. Расшибут супостата, только пятками засверкает.

Подсчитав расстояние до Челябинска и Свердловска, я пришел к выводу, что до Урала немцам добираться, учитывая сопротивление Красной Армии, не меньше двух лет. Да пока назад гнать будут... Неужели война пять лет продлится?

Дед на это сказал:

— Не болтай лишнего, Федор. Не маленький уже. Просрали мы немца. Все бумаги писали да договоры стряпали, а Гитлер под дых шархнул. Вот и льется кровь.

— Ну мы же его победим?

— Конечно! Если воевать научимся.

В Гражданскую войну дед воевал немного за белых и немного за красных. Про службу в белой армии помалкивал, про Ворошилова и Киквидзе иногда вспоминал. Герои-полководцы! Жаль, Киквидзе убили, а Климент Ефремович им еще покажет.

В армию меня призвали через неделю после того, как исполнилось восемнадцать. Потолкавшись дня три на пересыльном пункте и наслушавшись, что творится на фронте (ничего веселого, прет немец), меня вместе с группой призывников отправили в учебный полк. Говорили, что будем там учиться три месяца и выйдем сержантами. Заиметь на форме пару блестящих медных треугольников казалось заманчивым. Не абы что, а средний командир!

Учебный полк располагался в прибрежном лесу на медленной речке Торгун, похожей на озеро. За жидкой изгородью (от кого прятаться, на сотни верст — степь!) располагались несколько учебных стрелковых рот, пулеметная, рота связи. Были еще какие-то мелкие подразделения. Ходили слухи, что там готовят десантников или разведчиков, но точно сказать не могу.

Образование у меня было семь классов. По тем временам довольно приличное. Состоял в комсомоле, выступал на политзанятиях. Учеба в полку была поставлена неплохо. Но,

повоевав, я позже понял ее недостатки. Мы много бегали, учились рыть окопы, траншеи, ползать по-пластунски, обязательно занимались строевой подготовкой (как мы ненавидели эту шагистику!). Но насчет оружия и стрелковой подготовки было слабо. Без конца собирали, разбирали с открытыми и закрытыми глазами трехлинейку — одну на отделение.

Были три занятия по изучению ручного пулемета Дегтярева и станкового «максима». Стрельбы проводились тоже из винтовок и всего два раза. Выдавали по три патрона. Во взводе я считался одним из лучших стрелков, если можно судить по шести выстрелам, и мне объявили благодарность.

Кормили нас, в общем, неплохо. Через нас гнали на восток много скота, часть, видимо, отделяли для армии. Во всяком случае, щи или суп были всегда наваристые, в каше тоже попадались кусочки. Недалеко была молочная ферма. Помню, что в жаркие дни нам привозили густой кислый обрат в сорокалитровых бидонах. Несмотря на то, что молоко вроде снятое, но густое и вкусное. Нам нравилось. Потом пошли перебои с хлебом. Особенно в сентябре. Но мы не жаловались. Хватало каши. Нам объяснили, что хлеб идет в Сталинград.

С уважением вспоминаю лейтенанта Николая Мартемьяновича Шакурина, родом откуда-то с верховьев Волги. Он уже успел повоевать, был тяжело ранен. От него мы узнали много полезных вещей. Не только на занятиях, но и на перекурах мы охотно слушали его и задавали вопросы. Хотя некоторые наивные, да и просто опасные вопросы ставили его в тупик. Шакурин врать не любил, а говорить правду, особенно на политические темы, тогда не приветствовалось.

— А правда, немецкие самолеты быстрее наших? — спрашивал кто-то из восемнадцатилетних сопляков.

— Есть и быстрее, — отвечал Шакурин. — Но у нас появились очень хорошие истребители, а штурмовиков фрицы как огня боятся. У них реактивные снаряды, бомбы и пушки. Когда штурмуют, все вдребезги разносят.

Это нас радовало, и мы смеялись над трусливыми фрицами. Не знали, что многие штурмовики по-прежнему летают без бортстрелка с защитным пулеметом и несут огромные потери от вражеских истребителей. Скажи нам кто тогда, что на подступах к Сталинграду всю господствует немецкая авиация, мы бы не поверили. В газетах писали про другое. Пустых разговоров — кто быстрее, кто сильнее — взводный не любил. Вопросы о самолетах переводил на практическую тему. Что делать при внезапном налете? Где прятаться?

— Только бежать не вздумайте, — учил нас Шакурин. — У «юнкера» скорость четыреста километров, а у «мессера» — почти шестьсот. Сразу ложитесь, а главное — башку не теряйте. Выбрали канавку, кустик и, как мышь, под него. И не шевелитесь.

— Как мышь! — хихикал кто-то из недорослей. — А если у тебя «дегтярь» с полным диском бронебойных? Тоже лежать? — И с ехидцей посматривал на взводного.

— Ты из него много стрелял? — спрашивал Шакурин.

— Изучали на прошлых занятиях.

— Как стрелять научишься, тогда и продолжим разговор, — обрезал лейтенант. — Зенитчик!

К выскочке приклеилась кличка «Зенитчик». Подкалывали его потом часто. Не зло, а все равно задевало. Клички имели в учебном взводе многие. Имелся свой Студент, парень небольшого роста, в очках, из Сталинграда. Кажется, он учился в техникуме. Я как-то пытался с ним поговорить о книгах. Читать я любил, но Студент разговор не поддержал, и я больше к нему не подходил. Не понравился он мне и тем, что без конца повторял: мол, его вот-вот заберут в офицерское училище. Хвалился до тех пор, пока Студента не оборвал командир отделения:

— Хорош болтать! На турнике научись подтягиваться.

Студент ответил какой-то заумной фразой, вроде поддел младшего сержанта за неграмотность. Тот покраснел как рак и приказал слишком умному курсанту заниматься всю

неделю по часу на турнике в свободное время.

Я сдружился с Пашей Стороженко по прозвищу Сторожок. Веселый деревенский парень жил до призыва в сорока километрах от меня. Мы быстро сошлись и доверяли друг другу самые сокровенные тайны. У Пашки была невеста. Когда прощались, она неожиданно спросила:

— Паша, ты ведь хочешь со мной быть?

— Хочу, — ответил он, хотя не совсем понял вопрос.

— Ну, а чего ждешь? Может, это наша последняя ночь.

— Испугался я, Федя, — признался Пашка. — Обоим по семнадцать лет, как же до свадьбы? Струсил.

Я был тронут такой доверительностью Пашки и утешал его:

— Правильно сделал. Еще наверстаешь.

— Наверстаем, — тоскливо отозвался Пашка. — Вон что на Дону творится. Ночью проснусь и думаю. Рвануть к Дашке хоть на пару часов. Всего-то восемьдесят верст. За ночь да день обернусь. Не расстреляют же?

Но никуда Пашка не рванул. В один из дней выстроили весь полк. Даже кашеваров в строй поставили. И объявили знаменитый приказ Сталина № 227 от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад!». Скажу свое впечатление от приказа. В чем-то он меня потряс. На бесконечных политзанятиях и политинформациях нам пересказывали общие истины о мужестве, героизме, преданности Партии. Без конца приводили примеры, которые, мягко говоря, вызывали сомнение. Пусть многие из нас не видели в жизни трамвая или паровоза, мало читали, имели по пять-шесть классов образования, но дураков среди нас было не так и много. Бесконечные газетные истории о сказочных подвигах броневой бойцов, спаливших кучу фашистских танков, или мощных контрнаступлениях, мягко говоря, не вызывали доверия.

Если так фашистов колотят, как же они к Дону вышли? Среди нас были фронтовики. От них мы слышали другое. Обсуждая вечером с Пашкой приказ Сталина, мы пришли к выводу, что с нами впервые без трепотни поговорили по-взрослому. И по-взрослому будет спрос.

— Давно бы так! — сказал Пашка. — Куда еще дальше отступать. И так пол-России отдали.

Приказ долго обсуждали на политзанятиях. Многих он заставил крепко задуматься.

Раз в неделю крутили кино. Клуб впритирку вмещал две роты. Скамеек не хватало, сидели и лежали на полу, даже по краям сцены. Мы с удовольствием смотрели «Трактористов», «На границе», «Веселые ребята». Особым успехом пользовался «Чапаев». Кстати, с этим фильмом связана одна смешная история. Война войной, а посмеяться мы любили. Случалось так, что фильм, прокрутив по очереди для всех рот, потом еще показывали для курсантов, находившихся в наряде. К ним обязательно примазывались желающие глянуть интересный фильм еще раз.

Началось все с разговора, что Василий Иванович Чапаев вовсе не утонул. Разве можно такого человека убить! С помощью Петьки и Анки-пулеметчицы он из любой беды выйдет. И вот какой-то шутник авторитетно заявил, что нам показали фильм «Чапаев» без двух последних частей, где Василий Иванович, выбравшись из-под огня белых, вновь собирает свое войско и крошит беляков. Большинство поверили. Что с нас возьмешь, если половина железную дорогу не видели и закончили по пять классов! Посыпались даже вопросы:

— А Петька как? Его же убили.

— Ранили. Не ясно, что ли?

Конечно, ясно. Петр Исаев упал, но был всего лишь ранен. Последний сеанс для тех, кто был в нарядах или на полевой работе, собрал огромную толпу. Старенькая пленка, треща, показывала, как беспощадно мстят чапаевцы за гибель комдива, а в зале нарастал ропот. После фильма народ расходиться не собирался. Кричали, свистели: «Где последние части! Почему не показали, как Чапай выплыл?»

Офицеры вначале не поняли, дали команду расходиться по казармам. Курсанты возмущенно требовали продолжения фильма. Один из политработников, угадав сквозь крики смысл происходящего, вышел на сцену и произнес короткую убедительную речь. Что мы — молодцы, патриоты своей Родины, уважаем ее героев, но, к сожалению, Василий Иванович Чапаев погиб за дело революции, и его не вернуть. Он надеется, что мы будем воевать не хуже чапаевцев.

— А теперь взводным и командирам отделений вывести своих людей. Прогулка перед сном и отбой!

Это была уже команда. «Молодцы» покинули клуб. Инцидент был исчерпан.

Занятия продолжались своим чередом. Под руководством Шакурина мы старательно долбили кирками и лопатами сухую, как камень, глинистую землю. Николай Мартемьянович не уставал повторять:

— На вас брони нет! Хотите выжить, где бы ни остановились — сразу роите окоп. Тогда есть шанс выжить и бить врага. В окопе ты боец и надежный защитник, которого за алтын не возьмешь! Да еще когда целая рота, с пулеметами и гранатами.

Окопов и траншей мы нарыли столько, что спустя десятки лет сохранились заросшие ямы в прибрежном лесу и в степи. Часто рассказывал нам взводный о немецких минометах, о которых мы толком и не слышали. Предупреждал, что летящая сверху мина — одна из главных опасностей. Многое мы пропускали мимо ушей, но многое, особенно насчет окопов, мин и авиационных налетов, отложилось в памяти. Про атаки Шакурин говорил зло, словно рубил:

— Если дали команду, только вперед! Не мешкать. Кто замешкался, обязательно под пулемет попадет. А драпать вздумаете, немцам только удовольствие. В спины убегающих легко добивать. И если кто уцелеет чудом, то сразу под трибунал. Приказ ведь слышали? Кончились разговоры. Гайки на полную завинтят!

Однажды, подвыпив, Шакурин, проходя мимо, обнял меня за плечи и потрепал по стриженной голове. Был вечер, я стоял в карауле, а командиры отмечали какое-то событие.

— Эх, Федя, Федя... — грустно проговорил он. — Жалко вас, сопляков.

Он достал из кармана папиросы и протянул мне одну:

— Закуришь?

— Так я в карауле.

— Ну, после покуришь. — Папиросы у взводного были хорошие — «Беломор-канал». Он вытряхнул еще несколько штук. — Товарищей угостишь. Ты хоть знаешь, что в Сталинграде сейчас творится?

— Догадываюсь, — ответил я.

— Ладно, — помолчав с минуту, проговорил Шакурин. — Пробьемся. Не впервой.

И, пошатываясь, двинулся к своей землянке.

А про обстановку в Сталинграде мы толком не знали. Слышали, что город сильно бомбят и бои идут на подступах. И тем более, до нас не доводили правду о том, что бои уже шли по всему городу, а наши войска держат узкую полосу земли над Волгой, шириной двести-триста метров.

Позже, в обледенелых окопах или на бесконечных маршах, засыпая на ходу, я вспоминал тот пожелтевший осенний лес, медленную речку Торгуй, аккуратный учебный лагерь с дорожками, посыпанными песком. В наших заволжских краях мало лесов. Бесконечная степь, запах полыни, когда поднимаешься из леса на пригорок. Я любил сидеть там со своим дружкой Пашкой Стороженко в редкий свободный час перед поверкой и отбоем. Слушали гортанные крики огромных гусиных стай, наблюдали за клиньями серых степных журавлей, которые проходили совсем низко.

Мы были еще слишком молоды, чтобы осознать страшную сущность войны. Казались себе бессмертными, а ожесточенное сражение под Сталинградом, как и всю войну, воспринимали по-детски.

Повзрослеть нам предстояло очень скоро.

Вдруг поднялась суета. Срочно формировали к отправке несколько маршевых рот. Тем, кто попал в списки, сменили старую изношенную форму на более новую. «Сержантов» присвоили только тем, кто был постарше и имел опыт. Да и недоучились мы. Учеба была рассчитана на три месяца, а мы пробыли в учебке немногим больше двух. Я переживал, что не стал сержантом. Пашка отнесся к этому равнодушно:

— В рядовых оно спокойнее, чем командиром впереди бежать.

Учебный полк подняли по тревоге числа 10–11 октября. Вереница полуторок и «ЗИС-5» за несколько рейсов перебросила пять маршевых рот, человек по двести, к эшелону, стоявшему под парами за станцией. Собралось много провожающих. Шум, гам. Женщины плачут, а кто-то, наоборот, смеется. Наяривает бодрые мелодии гармошка. Разливают с оглядкой на командиров самогон и быстро выпивают. Впрочем, прощаться никто не мешает. Знают, что многие расстанутся навсегда. Стаканчик крепкого самогона и кусок домашнего ржаного хлеба с салом достаются и мне. Пил я очень редко, и самогон сразу ударил в голову. Стало хорошо.

Искал своих, но, видя, как плачут женщины, даже обрадовался, что никого из них нет. Далеко от нашего села до Палласовки, да и не хотелось, чтобы мать душу травила — третий из семьи на фронт уходит. Пока толкались, рассмотрел получше эшелон. На открытых платформах стояли закутанные в брезент несколько пушек. На крышах вагонов разглядел четверенную установку «максимов» и штуки три спаренных «Дегтяревых» без прикладов, с рукоятками и сетчатым прицелом. Одна из спаренных установок торчала над крышей соседнего вагона, и я позавидовал двум парням моего возраста, глядевших и поплеывающих на нас свысока. Я задал им какой-то вопрос, но ответа не получил и, тоже сплюнув, полез в отведенную нам теплушку. Ту самую, знаменитую: «сорок человек, восемь лошадей».

Лейтенант Шакурин жал нам всем руки:

— Ни пуха, ни пера, ребята!

— До свидания, товарищ лейтенант!

А утром мы увидели первую восточку войны. Тот самый разбитый и сожженный эшелон, о котором говорилось вначале. Война обрушивается на человека сразу столько всего, что спокойного подробного рассказа уже не получается. Наше мирное житье-бытье в лесу на берегу Торгуна я вспоминал с удовольствием, перебирая в памяти всякие мелочи. Дальнейшая военная жизнь будет приносить каждый день что-то новое, непривычное, чаще страшное, о котором стараешься забыть. Дорогу только восстанавливали, эшелон двигался медленно. Запомнились скрученные, как макароны, рельсы (пришло же в голову сравнение!), смятые каркасы вагонов платформ. Некоторые были буквально разорваны. А половинка одной теплушки валялась метрах в двадцати от полотна. Часть воронок от бомб были засыпаны, а те, которые подальше, чернели, словно кратеры вулканов. Некоторые — огромные, метров по семь-восемь в диаметре, другие — помельче. Сильно пахло горелым железом и деревом.

Саперы-железнодорожники варили что-то на костре, сложенном из расщепленных, нарубленных остатков шпал и обломков вагонных досок. Других дров тут, в голой степи, не найдешь. Увидели мы и братскую могилу с обелиском (может, их было несколько) и вскоре узнали, что здесь произошло. Смерть сотен мирных людей, не солдат, а рабочих семей с женами и детьми, потрясла меня. Сволочи-фашисты сумели даже так далеко от Сталинграда угробить столько народу и сжечь целый эшелон.

А через несколько часов мы сами попали под бомбежку.

Рев самолетов услышали, когда они уже были совсем рядом. Думаю, самолеты шли на эшелон низко над землей. Кругом ровная степь. Кто-то кричал: «Воздух! Бегите!» Мы, как цыплята, высунув шеи, вертели головами во все стороны. Опомнились, когда немецкий самолет с ревом пронесся прямо над нами. Кучей вывалились из теплушки и побежали прочь от эшелона. Еще один, огромный (так мне показалось) самолет с выпущенными шасси,

искривленным, словно надломленным крылом и свастикой на хвосте пролетел следом. Ахнул, забивая уши, взрыв, потом еще и еще...

Это была моя первая встреча с печально знаменитым пикирующим бомбардировщиком «Юнкерс-87», или, как наши солдаты называли его, «лаптежником». Серьезная, особенно опасная в первые годы войны машина, несшая по пятьсот и тысяче килограммов бомб, бронированная и мало уязвимая для наших обычных пулеметов. Забегая вперед, могу мстительно заметить, что привыкших хозяйничать в небе в сорок первом и сорок втором годах «юнкерсов» позже начали крепко лупить наши «яки» и «лавочкины», вооруженные пушками и крупнокалиберными пулеметами. Скорость-то менее 400 километров в час, и новые истребители не раз сбивали «лаптежников» на наших глазах. Но это будет не скоро. Пока же шел сентябрь сорок второго.

Я повалился на землю, уткнув голову в полынь и закрыв ее ладонями. Наверное, надеялся, что каска и ладони защитят. Вокруг что-то гремело, трещало, кричали люди. Сквозь взрывы где-то близко стучали наши зенитные пулеметы. Услышав их, я разлепил ладони и увидел, как на соседней теплушке бьют из спарки двое моих ровесников, один из которых на станции плюнул в мою сторону.

Промелькнуло в голове — я бы так не смог. На крыше, открытой со всех сторон, даже без крохотного щитка, а в лоб на тебя несутся самолеты. Где-то ближе к паровозу горели два вагона. Вдоль эшелона вперемешку проносились «юнкерсы» и тонкие стремительные «мессершмитты». На моих глазах серый «мессершмитт», с огромным крестом через весь фюзеляж, ударил сплошной трассой из пушки и пулеметов по спаренному «Дегтяреву». Из крыши теплушки брызнуло пламя и куски жести. Зенитную установку сорвало с кронштейна. Один ствол отлетел прочь. Парней-пулеметчиков отбросило взрывами.

Всего немецких самолетов было семь: три «юнкерса» и четыре «мессершмитта». Сделав два захода, они стали стремительно набирать высоту. Я видел, как на подъеме стрелки всех трех спаренных кормовых пулеметов «юнкерсов» били длинными трассирующими очередями по крышам вагонов. Один из «юнкерсов» догнала счетверенная трасса «максима». Мне показалось, что сейчас он загорится, но пикировщик с ревом ушел вверх под градом пуль. Стало тихо.

Поднимаясь, я с ужасом сообразил, что потерял винтовку. Может, в вагоне оставил? Сделал несколько шагов, продолжая наблюдать за небом, и едва не споткнулся о парня в задранный шинели и почему-то босого. Наверное, снял ботинки проветрить ноги. У многих прела и растиралась кожа на ногах от кирзовой обуви, а тут налет. Я окликнул парня, потом перевернул его на спину. Лицо было белым. Подошли еще бойцы.

— Наповал, — сказал кто-то.

Я разглядел мокрую от крови шинель. У парня забрали документы, а я торопливо поднял с земли винтовку. Такую же, как у меня, только приклад темнее. Неподалеку, метрах в пяти от глубокой воронки, лежало что-то непонятное. Я впервые увидел, как безобразно коверкает смерть человеческое тело. По человеку в длинной шинели словно прошлись катком, а потом вывернули, как выкручивают мокрое белье. Головы, кажется, не было. Из дымившейся воронки пахло едким духом сгоревшей взрывчатки. Я закашлялся и торопливо пошел прочь.

Пока перевязывали раненых — их было не меньше сотни — появилась летучка. Маленький, приземистый, как бычок, паровоз и две платформы с блок-кранами, запасными рельсами, шпалами, пожарной цистерной. Ремонтники действовали слаженно и привычно. Быстро расцепили и погасили горящие вагоны, штук пять столкнули под откос. Мы тоже помогали, и нас без конца торопили:

— Быстрее! Быстрее!

Прямо перед глазами складывали в ряд трупы. Запомнил, что несколько тел принесли на шинелях. Вернее, не тел, а обрубков, собранных в узел. У одного ботинок торчал рядом с лицом. Неправильно положили оторванную ногу. Какая разница? С шинели капала загустевшая кровь.

Пашка Стороженко сжал мне плечо:

— Видал? Тридцать с лишним человек угробили. И раненых сколько.

С вагона зенитчики сняли искореженный пулемет, а своих погибших товарищей, упавших по другую сторону вагона, отнесли к остальным трупам. Потом, по чьей-то команде, прежде чем опустить тела в братскую могилу, их стали раздевать. Снимали шинели, у кого они имелись, гимнастерки, ботинки, даже солдатские шаровары. Одежда многих погибших была испачкана кровью, но ее все равно снимали и складывали в огромные полосатые чехлы от тюфяков. По толпе прошел ропот:

— Разве так можно?

— Что они делают!

Один из хозяйственников, грузный дядька, с кубиками старшего интенданта, объяснил:

— Военной формы не хватает, а зима на носу. Отойдите и не мешайте.

Пашка Стороженко выругался:

— Барахольщики! Из карманов все подряд тащат.

Тела, в сером застиранном белье, испятнанном кровью, торопливо опускали в могилу. Так я столкнулся еще с одной, показавшейся мне дикой стороной войны. Много позже я пойму целесообразность такой крайней меры. Когда увижу на своих товарищах зеленые английские шинели, добротного, но тонкого для российских зим сукна, польские поношенные ботинки, штопаные гимнастерки и потертые шаровары. В сорок втором не хватало многого. И оружие я увижу «с бора по сосенке»: английские винтовки «Ли-Энфилд», с массивным деревянным ложем на весь ствол, американские «Спрингфилды», с прицельными рамками в ядрах, а не метрах, древние румынские карабины «Манлихер» выпуска девяностых годов и тяжеленные пулеметы «Льюис», с толстым, как самоварная труба, стволом. В воинские части поставляли все, что могло стрелять. А нас в Палласовке экипировали, по сравнению с другими, очень неплохо. По крайней мере, винтовки в ротах были у всех. Остальное обещали выдать на месте.

Когда эшелон тронулся, я нашел свою винтовку. Молча положил рядом вторую, найденную возле убитого, какое-то время молчали. У всех перед глазами стояли убитые товарищи. Из нашего взвода погибли двое, и двоих тяжело ранило. Из разбитых вагонов в нашу теплушку подсели с десятков «бездомных». Потеснились, начали сворачивать самокрутки. Один из бойцов, постарше и уже повоевавший, сказал, что нам повезло. Зенитчики фрицев отогнали.

— Они кругов по пять делают, если никто не мешает. А тут быстро смылись. Ребята хорошо работали. Жалко, пулеметы слабоватые. Калибр покрупнее бы...

Кто-то запальчиво возразил, что «максим» пулемет сильный. Боец спорить не стал и, закутавшись в шинель, отвернулся к стене. А еще через несколько часов дали приказ выходить и строиться поротно. Эшелон пошел назад, а нас повели в сторону. Уже темнело. Наш временный взводный, здоровенный старший сержант с плоским, избитым оспой лицом, увидев у меня на плечах две винтовки, приказал:

— Отдай вон тому, раззяве.

Он показал на парня из нашего взвода. Тот торопливо схватил винтовку и несколько раз сказал «спасибо». Потом был привал, нам объявили, что идти будем всю ночь. Выдали по полбуханки хлеба, две банки консервов и по три ложки сахара-песку. Пришла водовозка, все напились, набрали воды во фляги.

— Еда на два раза. Ешьте кильку из плоских банок. Тушенку не трогайте, — предупредил взводный. — Всю ночь пить будете. Пообсеретесь.

Я и Паша Стороженко послушались совета. Другие в основном тоже. Но многие слопали и тушенку, и кильку, быстро опустошили фляги с водой и без конца бегали с расстройством желудка на обочину. Предупреждение сержанта сбылось. Обжоры пытались кланчить воду у меня и у Пашки, но мы послали их куда подальше. Шли действительно всю ночь, кое-кто засыпал на ходу. Я натер ногу и хромал. На рассвете добрались до какой-то балочки, поросшей терновником, и свалились как убитые. Старший колонны, майор,

предупредил, что день будем отдыхать, а как стемнеет — снова марш.

— А куда идем? — простодушно спросил кто-то.

Майор не ответил, а Пашка Стороженко зло отозвался, когда майор ушел.

— Не сообразил еще? В Сталинград. Здесь дорога в одну сторону.

Ночи в октябре длинные. Начинали движение часов в семь вечера и шли часов по двенадцать, прихватывая рассвет. На рассвете быстро завтракали горячим из полевой кухни, напивались про запас воды, наполняли фляги и заваливались спать. Часам к трем большинство уже просыпалось, но шляться категорически запрещалось. Только по нужде.

Опасались самолетов. Из-за неизбежной толкучки днем обед не привозили. Обедали и ужинали за один раз, когда начинало смеркаться, и снова начинали бесконечный путь. Шли степными проселками, где-то между железной дорогой и Волгой. Впрочем, до Волги было километров сорок-пятьдесят, не меньше. И железная дорога, и Волга контролировались немецкой авиацией, поэтому шли мы напрямик через степь, падая от усталости, когда прибывали к месту дневки. Многие уже едва тащились.

Для ослабевших позади колонны двигались несколько повозок. Но проситься на повозку для меня или таких, как Пашка Стороженко, было позором.

Стояли ясные прохладные ночи. Даже в темноте я примерно представлял местность. Полынная степь с плешинами солончака или глинистые, ровные, как стол, участки. Русла давно пересохших речек, редкие проселки и такие же редкие островки акаций, терновника. В балках попадались небольшие участки леса.

Проходя перед рассветом одну из таких балок, мы уже приготовились по привычке свернуть туда, ожидая команды, но нас провели мимо, и топали мы еще километров пятнадцать. Дневку устроили в почти голом овраге, с хилыми островками кустарника, растянувшись километра на два. Позже мы узнали, что лесистую балку немцы уже засекли, там пару раз попадали под сильную бомбежку такие же маршевые колонны. Говорили, что погибло несколько сот человек.

К Волге вышли внезапно. Перед этим, нарушая обычный режим, шагали полдня по пойменному лесу. Войск вокруг было напичкано под завязку. Неподалеку вела огонь дальнобойная батарея. Помню, что прошли мимо полевого госпиталя. Под деревьями сидели и лежали раненые. Увидели на лесном пригорке кладбище — десятка четыре деревянных пирамидок или просто обтесанных колышков со звездами. Наверное, там были похоронены умершие от ран.

— Не может быть, чтобы здесь всего сорок человек лежало, — шепнул мне Пашка. — Госпиталь вон какой...

Его слова услышал старший сержант, наш временный взводный. Злой он какой-то был всегда.

Постоянно портил настроение.

— Конечно, не может, — усмехнулся сержант. — Под каждой пирамидкой человек по десять, а то и по двадцать лежат. Чтобы вас, дураков, не пугать.

Скорее всего, так оно и было. Может, и правильно. Не то время, чтобы напоказ наши жертвы выставлять. Но ехидство сержанта мне не понравилось. Кто не среагировал, а у кого и сердце екнуло. Представил себя под таким бугорком. Впереди глухо гремели взрывы. Мы догадывались, что не сегодня-завтра вступим в бой. Усталость, напряжение ночных переходов и дурацкая усмешка нашего временного взводного меня взбесили:

— Ты больно умный, рожа рябая!

— Что?.. — начал было качать права старший сержант.

Пашка Стороженко ответил ему матом. Кроме всего прочего, мы знали, что взводный всю дорогу подворовывал наши харчи. Вот и сейчас вещмешок не пустой.

— Хочешь, мы у тебя вещмешок проверим? — не унимался Пашка. — Глянем на ворованную тушенку.

Взводный замолчал и больше рта не открывал. Потом куда-то исчез, а мы под командованием старшего лейтенанта получали патроны, гранаты. Перед этим нас хорошо

покормили: суп с тушенкой, мясная каша, горячий крепкий чай. Получили сухой паек, а в темноте начали грузиться на небольшой колесный пароход. Дальнейшие события мелькали, как кадры киноплёнки. Только часто хотелось зажмурить глаза.

Ночи не было. Непрерывно взлетали ракеты. Некоторые висели в воздухе минуты две-три, не меньше. В городе что-то непрерывно громыхало, вспыхивало, взрывалось. Разрушенный Сталинград словно светился глазами сотен мелких и крупных пожаров. С правого берега били немецкие орудия, и фонтаны воды взлетали метров на десять. Некоторые снаряды взрывались на отмели, поднимая столбы огня, песка, каких-то ошметков. Пароход двигался невыносимо медленно, он тащил за собой деревянную баржу, набитую солдатами. Снаряды шелестели со странным звуком и рвались вокруг.

— Глянь! — крикнул Пашка, показывая наверх.

Я увидел смутные тени самолетов. С воем неслись авиабомбы. А может, я и не слышал этого воя. Какое-то оцепенение охватило меня. На песчаной мели посреди Волги горел примерно такой же пароход, как наш. Вокруг бегали люди. Немцы хорошо видели цель. Снаряды взрывались вокруг парохода, некоторые обрушивались прямыми попаданиями. В разные стороны летели огненные куски обшивки, тела людей.

Доставалось и нам. Фонтан воды поднялся возле носа парохода и обрушился сверху водопадом. Хотелось скрючиться, влезть в тесную массу людей на палубе, но я, как замороженный, глядел перед собой. Я хотел видеть смерть, если она придет. Лежать и ждать удара в спину или голову было выше моих сил. Снаряд среднего калибра (тяжелый бы разнес) ударил в баржу, которую наше судно тянуло на буксире. Крик перекрыл грохот взрыва. За борт посыпались люди. Мертвые или раненые, не знаю. Я был уверен, что живым до правого берега не доберусь. Но уже через несколько минут на берегу нас торопливо уводили группами в темноту.

— Первый, второй... десятый... двадцатый. Хватит! Яценко, веди их в третий батальон.

— Этих Иваненко отдайте. Да-да, весь взвод!

Я карабкался по бесконечному обрыву, хватаясь руками за траву, чтобы не свалиться. Вещмешок с двумя сотнями патронов и сухим пайком тянул назад. Наверху нас рассовали в окопы. Немецкие пулеметы лупили по нас с расстояния метров ста пятидесяти. Выходит, город уже взяли? За спиной земли всего-то две сотни шагов. Обрыв и Волга.

С нашей стороны тоже долбили «максимы». Их равномерный стук я узнавал сразу. Трещали автоматы и непрерывно хлопали винтовочные выстрелы.

— Стреляй, чего сидишь, — толкнул меня кто-то в плечо.

Я добросовестно выпустил по вспышкам две обоймы и спросил неизвестного соседа:

— Что, всю ночь так стрелять будем?

— Нет, — расхохотался он. — Это они пополнение встречают. Слишком вы шумели.

Действительно, скоро стрелять перестали. Захотелось есть. Открыли с Пашкой банку тушенки, достали хлеб. К нам присоединился Студент. Тоже достал тушенку и четвертушку хлеба. На запах явился и солдат, с которым я разговаривал. Был он весь вываленный в глине, чумазый, как черт, а возрастом не старше нас. Приняли его в компанию. Ел он степенно, не лез ложкой без очереди и рассказывал, что попали мы в жаркое место. Немец прет вперед, а особенно сильный огонь открывает с утра.

Подожли два лейтенанта. Иваненко, про которого упоминали внизу, был командиром роты. Взводного я не запомнил. Он приказал Студенту, когда перекусим, переписать всех и передать листок ему. Предупредил, чтобы курили только в рукав, а ночью спали по очереди.

— Днем выспитесь, — пообещал он. — И не робейте. Сталинград мы им хрен отдадим!

Что я узнал и увидел в ту ночь и на следующий день? Что Сталинград не сдадут — это ясно. Саперы каждую ночь закапывают в воронки десятки убитых. В роте вчера было полста человек. К вечеру осталось семнадцать. Вот прислали пополнение, то есть нас, сорок

человек, жить можно. Кучей лучше не собираться. В третьем взводе одной миной сразу шестерых накрыло.

Утром на нас вывалили не меньше сотни мин. Впервые увидел, что такое «лисыя нора». Это щель, вырытая внизу в боковой стенке, а дно щели находится сантиметров на сорок ниже. Иногда спасает от мин, которые фрицы пускают с расстояния метров двести, и летят они почти отвесно. От 80-миллиметровой мины еще можно спастись, отделаться ранением или контузией, но если от шестиствольного «ишака» чушка влетит, то заказывай отпевание. Но тяжелые «ишаки» с их двухпудовыми минами бьют не часто, издалека. Мины летят с большим разбросом. Так что, как повезет. Внизу, под берегом, — временные склады, ждут своей очереди на переправу раненые. В обширных штольнях, вырытых в глинистом обрыве, расположены штабы, лазареты. Раненых очень много. Это те, которых не успели эвакуировать ночью. Но переправа идет и днем, под сильным обстрелом.

Буквально в первые часы я стал свидетелем неожиданного и жуткого для меня зрелища. Вдвоем с Пашей Стороженко мы, пригнувшись, рыли траншею. И вдруг я увидел самолет. Он с ревом пронесся метрах в семидесяти от меня на высоте трехэтажного дома. Я разглядел его отчетливо: изогнутое, как у чайки, крыло с оранжевой окантовкой, крест на фюзеляже, свастика на хвосте. То, что не успел заметить на первом самолете, увидел в деталях на втором. Длинная кабина, спаренный пулемет с задней стороны. И третий «Юнкерс-87», точно такой же, как первые два.

Пилоты смотрели прямо перед собой, а стрелки с их кормовыми пулеметами вертели головами по сторонам, один даже шевельнул стволами в нашу сторону. «Юнкерсы» сбрасывали бомбы на береговую полосу под обрывом, забитую людьми (свежим пополнением, тыловиками, ранеными бойцами), на легкие пушки, штабели снарядных ящиков и круто уходили вверх. Взрывы покрыли берег сплошной клубящейся пеленой дыма, песка, взлетающих комьев глины, всевозможных обломков. За первой тройкой спикировала вторая. Все шесть самолетов пронеслись с включенными сиренами, все были похожи на страшных близнецов, и уходили с ревом в высоту, стреляя в клубящуюся пелену из спаренных кормовых пулеметов.

Самое страшное, что происходило это спокойно, буднично, словно немецкие самолеты над головой — обычное явление. По ним вели огонь. Катер — из двух небольших пушек, счетверенная установка «максимов», еще какие-то стволы, но шестерка ушла без потерь. Мы, ошалелые, смотрели вслед, потом полезли к обрыву. Нас окликнули:

— Ложись, дурачье! Они сейчас вернутся.

И действительно, спустя несколько минут шесть «лаптежников» снова прошли вдоль берега, где метались, ползали люди, что-то горело. На этот раз били только из пулеметов. Сплошная полоса трассеров простегивала береговую полосу, валила людей, еще что-то взрывала (наверное, уцелевшие боеприпасы в ящиках), и треск множества пулеметов казался не менее страшным, чем грохот бомб.

Потом промелькнули четыре очень быстрых истребителя, мы лежали на дне траншеи и не видели их. Слышали только стрельбу крупнокалиберных пулеметов и скорострельных пушек. Через полчаса ударили минометы.

Они били в основном по соседнему участку. Затем началась атака под прикрытием станковых пулеметов. Немцы наступали умело. Короткими перебежками, прикрывая друг друга непрерывным автоматным огнем. Сколько у них автоматов! Почти у каждого. Стоял сплошной треск. Я снова стрелял вместе со всеми и выпустил не меньше полусотни патронов, порой не целясь, лишь выставив ствол наружу. Сержант рванул меня за воротник:

— Целься! Они тебя на штык насадят.

Я стал целиться. На нашу активность обратил внимание немецкий пулеметчик и принялся остервенело бить по брустверу, обложенному камнями, плитами асфальта, кирпичами. В воздух взлетали куски кирпича, фонтанчики глины, а некоторые пули пробивали даже бруствер. Атаку мы отбили и сели перекурить. Наш чумазый сосед был из Воронежа и считался старожилом. Сидел в этой траншее уже пять дней. Звали его Петром.

Показывал нам знаменитый Мамаев курган.

— За него бои постоянно идут. Удобная высота — весь город видно. Сейчас немцы там засели.

Налетали наши штурмовики. Девять штук в сопровождении истребителей. Вернулись семь. Истребители сцепились с «мессершмиттами».

Бой шел на высоте. И наши, и немцы стремились подняться и ударить сверху. Один из самолетов загорелся. Чей, я не понял.

— Наш, — хмуро сказал Петро.

Остальные истребители прикрыли горящего собрата, а летчик выбросился с парашютом и упал в Волгу. К месту падения быстро подошел катер. Взрывы, столбы воды, но летчика достали.

Небо было по-осеннему ярко-голубое, и вода в Волге голубая. Там, где не падали снаряды и бомбы. А они падали непрерывно. Переправа не прекращалась и днем. Военный корабль, наверное сторожевик, бил из зениток по немецким самолетам, одновременно лавируя, уходя от бомб. С левого берега, покрытого лесом, приглушенно ухали дальнобойные орудия. Туда шли на бомбежку двухмоторные «Юнкерсы-88», с застекленным носом. Плотный огонь наших зениток покрывал небо ватными комочками. «Юнкерс», нарвавшись на безобидный с виду комок, вильнул в сторону. От крыла полетели ошметки. Он сбросил бомбы в воду, стал разворачиваться, но крыло переломилось. Самолет, вращаясь, понесся к воде, рядом крыло с мотором. Никогда не думал, что самолеты могут так быстро падать. Он буквально разбился о воду без взрыва и пламени. Взлетел фонтан воды, куски обшивки, и «юнкерс» исчез в глубине.

К вечеру я едва не угодил под мину. Отекли ноги. Решил прогуляться. Отошел шагов семь — взрыв! Как раз на том месте, где я только что стоял. Мою злосчастную винтовку, которую я терял по дороге, разбило вдребезги. Осколком в затылок был убит боец, второй номер из расчета «Дегтярева», неподалеку от меня. Взводный спросил у Студента, умеет ли он стрелять из пулемета. Тот помялся и сообщил, что всего раз разбирал и собирал «Дегтярева».

— Значит, будешь пулеметчиком. Вторым номером, — заключил взводный.

А я подобрал карабин какого-то погибшего бойца, стоявший в нише. Карабин был легкий, прикладистый. Я пристрелял его, всадив в горелый провал окна несколько пуль.

Второй день отличался от первого тем, что вместе с прибывшим подкреплением мы предприняли контратаку. Но пробежать нам дали не больше полусотни шагов — таким сильным был немецкий огонь. Не помню, как ввалился снова в свой окоп. Когда из-за Волги открыли огонь наши гаубицы, я с удовольствием, расплачиваясь за страх, выпустил в те места, где видел выстрелы, несколько обойм. Вечером потянул ветерок с запада, и тошнотворный запах разлагающихся трупов, к которому я немного привык, ударил в нос с новой силой. Приунывший Пашка Стороженко спросил у меня:

— Знаешь, сколько нас из учебного взвода осталось? Девятнадцать из сорока человек. Еще день-два, и будет круглый ноль.

Я первый раз видел Пашку в таком настроении, хотя и сам чувствовал себя не слишком уверенно.

— Нормально будет, — сказал я. — Видел, как наши гаубицы сегодня долбили. И штурмовики три раза налетали.

Но Пашка сидел насупленный и вслух завидовал раненым, которых отвезли на левый берег. Спустя много лет, когда подзабудется то страшное, что связано со Сталинградом, будут приходить на память не менее ожесточенные бои на Украине, в Венгрии, под Берлином. Но, перебирая те дни, все же не могу не признать, что такой мясорубки больше я нигде не видел.

Немцы делали все возможное, чтобы сбросить нас в Волгу. Постоянный обстрел,

смерть, подстерегающая на каждом шагу, ломали людей. Я видел крепкого мужика лет тридцати, который буквально сходил с ума от страха. Сержант тащил и не мог вытащить его из «лисей норы», в которую он заполз и не хотел вылезать. Мы помогли вытащить почти обезумевшего от страха человека. Правда или нет, но говорили, что из целой роты он уцелел всего один.

Меня и моих ровесников поддерживали молодость, неверие в смерть, хотя мы сталкивались с ней на каждом шагу. Минометный обстрел с короткими перерывами почти не прекращался. Летели увесистые 80-миллиметровки и мелкие, похожие на переспелые огурцы мины из ротных минометов. Пять минут тишины, и целый рой мин. Снова тихо, и начинают рваться «огурцы». Иногда прилетали дальнобойные чушки, шестидюймового калибра. Они грохали так, что меня подбрасывало на полметра.

Когда обстрел становился особенно сильным, немцы на радостях открывали огонь из винтовок и автоматов, карабкаясь на развалины. Для некоторых это становилось роковой ошибкой. Обозленные бойцы, сумевшие выжить под огнем и научившиеся четко смещать мушку с прицельной планкой, били из трехлинеек по вспышкам. С азартным ожесточением, высываясь по плечи, мы вели опасную охоту, которая отгоняла прочь страх. Я видел уверенных в себе немецких летчиков, но я видел и как летел из окна, цепляясь за воздух руками, подстреленный гад-фашист.

Траншея ревела:

— Крепче держись, сука фашистская!

— Нажрался сталинградской земли!

Видел, как отбросило ударом нашей винтовочной пули автоматчика, он кричал от боли. Его пытались вытащить. К брустверу подкатили 37-миллиметровую тонкоствольную пушку, давно устаревшую, но годную для уличных боев. Торопливо вклепили в оконный провал три мелких, почти игрушечных снаряда, а когда по ней ударил немецкий станковый пулемет, артиллеристы раздолбали и его. Теряя людей, откатили пушчонку назад. И те, кто в азарте стрелял из винтовок, тоже несли потери от пулеметных очередей, но остальные, передергивая затворы, орали:

— Х... вам, а не Сталинград!

И были как пьяные. Хотя откуда водка? Ее подвозили лишь ночью. И я уже увереннее бил по высунувшимся рожам или вспышкам выстрелов из своего карабина и матерился не хуже взрослых мужиков. А спустя час мы выгребали лопатами и скидывали в воронку куски (останки — простите, ребята!) наших товарищей, разорванных снарядом.

Ночью, выпив водки вчетвером — двое бойцов-старичков, Петро и я, — поползли сводить счеты к ближайшему пулемету, уже погубившему не один десяток ребят. На полпути, под пулями, освещенные ракетами, опомнились, поняли, что не переползем лысый участок площади с раздутыми, воняющими трупами, и бросили гранаты издалека. Рвались они с недолетом, хотя, может, кого осколки «лимонок» и задели. Мы отлеживались потом целый час в воронке. Хмель давно вышел, мы дрожали от возбуждения, страха, холода, так как сгоряча поползли в одних гимнастерках. В метре над головой сверкали разноцветные трассы и рвались с перелетом мины. Но вернулись мы все четверо невредимые. За неимением водки пили пахнущую керосином холодную воду, которую приносили из Волги. А пулемет немцы все же отодвинули от развалин. От русских дураков чего угодно ждать можно!

— Ну, что, мужиком стал? — с усмешкой спрашивают парня, которого познакомили с женщиной, и он впервые испытал близость.

В октябре сорок второго года, в свои восемнадцать лет, я не знал женщин. Но мальчишеское ушло из меня вместе со смертельной переправой через Волгу и всем тем, что я увидел в сталинградских окопах. Слишком много неожиданного и страшного свалилось на меня. Я узнал, что снаряд, угодивший в переполненную баржу, которую тянул наш пароходик, убил в одну секунду шестьдесят человек и много покалечил. Что сумасшедший боец действительно остался один из роты, и его вскоре застрелил немецкий снайпер, когда

он метался по траншее.

Я видел, что ночь никогда не смыкается над Волгой напротив сражающегося города. Бесчисленные ракеты, светящиеся снаряды и бомбы, вспышки взрывов, горящие озера топлива из разбитых судов. Даже когда на две-три минуты неожиданно наступала темнота, Волга на многие километры светилась огнями. Это горели плывущие вниз обломки деревянных пароходиков и баркасов или просмоленные остовы тех же судов, наткнувшиеся на мель. Сколько тысяч людей они везли, и сколько погибло, потонуло в черной октябрьской воде.

Мое участие в боевых действиях за Сталинград, которое позже назовут Великой битвой на Волге, длилось четверо суток. Успел выпустить по немцам сотни две патронов, кажется, убил или ранил фрица, за что меня похвалил взводный, участвовал в ночной вылазке с метанием гранат, а вечером четвертого дня попал под взрыв мины. Шарахнуло так, что сознание потерял сразу.

Очнулся на отмели, под откосом, накрытый чьей-то шинелью. Все тело жгло и пульсировало болью. Я понял, что умираю, и стал звать санитаря. Из груди вырвалось невнятное шипение, но санитарка меня услышала и, догадавшись, что я хочу спросить, ответила привычно и устало, стараясь придать голосу бодрость:

— Все хорошо. Сейчас тебя переправим. В госпитале быстро на ноги поставят.

— Грудь жжет... шибко...

— Скоро, скоро, — утешала санитарка, не разобрав мое шипение.

Потом я то терял сознание, то снова приходил в себя. В голове все мутилось, боль прошла. Наверное, сделали укол. Переправу не помню.

Когда снова очнулся, меня раздевали и клали голого по пояс на очень холодный стол в большой палатке. Операцию делали под наркозом. Три осколка попали в правую руку, между локтем и плечом, перебили кость. Четвертый — вырвал клок мяса из подмышки. В общем, не смертельно.

Месяца полтора я пролежал в госпитале в Ленинске. Есть такой городок на Ахтубе. Раны гноились, и мне сделали еще одну операцию. Потом перевели в село Царев, в другой госпиталь. Здесь мы жили в жарко натопленных избах, человек по десять в доме. Я уже считался выздоравливающим. Гипс сняли, но на перевязки ходил каждый день. Врачи объяснили, что осколки занесли в раны инфекцию: мелкие клочки шинели, нитки от рубашки и просто всякую грязь, поэтому раны еще гноятся, но дело идет на поправку.

В Царево я неожиданно встретил Пашку Стороженко. Был яркий морозный день. Обнялись и хлопали друг друга по спине. Пашку ранило через два дня после меня. Пуля насквозь пробила ему плечо, задев ключицу, и вышла из лопатки. Он тоже считался тяжело раненым, но рана затянулась, и его готовили к выписке.

— Студент жив? — спросил я.

— Был жив. Из пулемета лихо наяривал. Ротный обещал его к «Отваге» представить.

— А Зенитчик? Который по самолетам стрелять грозился?

— Нет уже давно Зенитчика. В блиндаже бомбой завалило. Их там человек десять сидело. По кускам вытаскивали, а некоторых не откопали.

Я вздохнул. Мне было жалко товарища, но радость, что сам выжил в такой заварухе, пересиливала остальные чувства. Кажется, то же самое испытывал Сторожок. Поговорили о своих ранах. Пашка мне позавидовал:

— Тебе еще недели три как минимум лежать. А если придуришься, то и до весны дотянешь.

— Чего я буду придуриаться. Слышал, как наши немцев под Сталинградом бьют. Хочу тоже успеть.

— Куда? На тот свет? — осадил меня Пашка. — Лежи, пока не вытолкали. Думаешь, наступление — мед? Там еще больше людей гробится. А меня на той неделе выписывают.

Залежался, говорят, ты у нас. Правда, есть у меня мыслишка. Схлестнулся тут с одной сестричкой. Не хочет отпускать. Глядишь, поможет.

Мы договорились встретиться вечером. Я шел к себе, и меня одолевали противоречивые чувства. Конечно, пережив Сталинград, мало кто рвался опять в это пекло. В госпитале лучше. Но многие выписывались, зная, что снова окажутся на правом берегу, и не ныли. Не то чтобы добровольно рвались опять на передовую, а просто подходил срок, врачи включали их в список вылечившихся, и они собирали вещички, не выискивая всяких хитростей, чтобы остаться подольше в тылу. Даже обещали со злостью: «Ну, теперь этих гадов добьем! Заплатят за все».

А Пашка... ведь у него и невеста, которая хотела ему отдаться, провожая на фронт. Нет, я не осуждал, что Сторожок нашел себе подружку. Это была любимая тема наших разговоров по вечерам. Кое-кто ходил к местным женщинам, и я им завидовал. Смелости завести с кем-то знакомство у меня не хватало. Мне очень нравилась наша медсестра Любочка, стройная, в туго подпоясанном халатике. Но я даже взглянуть на нее лишний раз не смел. В палате ничего не скроешь. Надо мной подсмеивались.

— Ладно, не переживай, — сказал мне как-то вечером сержант-минометчик с медалью «За отвагу». — Собирайся, пойдем вечером со мной. Я тебя с одной эвакуированной познакомлю. Она сейчас свободная. Девке двадцать лет. В соку!

— А мне восемнадцать, — брякнул я. Вся палата так и грохнула:

— Он же еще школьник, а ты его к бабе тащишь.

В общем, я отказался, и минометчик ушел, прихватив с собой кого-то из ребят.

В госпиталях в Ленинске и Цареве я словно увидел войну изнутри. Конечно, за разговорами следили специальные люди и докладывали, кому положено. Но особисты, как я понял, смотрели сквозь пальцы на откровенные высказывания. Чего с раненых возьмешь? Полежат еще недельку-две и снова на передовую. А там жизни большинству ой как мало отпущено.

Запомнился мне один невзрачный рябой солдат. Меня поразило, что с декабря сорок первого он был ранен шесть раз. И пулями его пробивало, и осколками решетило. Раз даже ногу оторванной доской переломило. Служил он связистом, имел двоих детей и крепко рассчитывал, что его спишут в обоз.

— Какой с меня толк? Одно ухо не слышит, нога тащится.

Почему-то ему не очень сочувствовали. Может, из-за того, что лежали бойцы, оставившие и пятерых, и шестерых детей. Награжденных почти не было. Редко кто щеголял медалью, прицепленной на халат.

Познакомился с минометчиком Никитой, командиром расчета, который звал меня к девкам. Он относился ко мне покровительственно и заботливо. Чем-то напоминал лейтенанта Николая Мартемьяновича Шакурина с учебных курсов под Палласовкой. Не любил пустой болтовни, нытья и говорил, что первую ступень я прошел. Осталось всего ничего — войну закончить. Я его нередко выручал, хотя за самоволки сильно не гоняли. Перед обходом клал под одеяло свернутую шинель, а на подушку — разные тряпки, вроде человек спит, накрывшись с головой.

Фамилию Никиты я не запомнил, осталось в памяти, что жил он в шахтерском городке и работал на железной дороге. Рассказывал, что в его семье погибли два племянника. Наверное, уже забрали на фронт младшего брата, а тот легкомысленный и растеряха. Такие — верная добыча для пули. Сержант делился со мной воспоминаниями и передавал свой военный опыт, который набрал, находясь на фронте с начала сорок второго года. Из его поучений больше всего мне запомнился совет: «Вперед не лезь и никогда не отставай. Держись в середине. Крайних первыми бьют». Дальнейшая моя военная судьба показала правильность этого совета, хотя убивали и первых, и тех, кто в середине, и отставших.

Меня выписали через две недели. Вообще-то, раны до конца не зажили. Жиденькие повязки сочились коричнево-красным. Но рука двигалась. На динамометре я выжал сорок с

лишним килограммов, и хирург сказал, что парень я крепкий. Ребята достали две бутылки самогона, мы выпили вечером, закусив оставшимися от ужина булочками. Долго говорили, обменивались адресами. Утром прибежал Пашка Стороженко. Сказал, что проводит до запасного полка. Люба-медсестра крепко поцеловала в губы.

— Удачи тебе, Федя!

— И тебе, Люба.

А Пашка жаловался по дороге, что у него воспалилась рана. Наверное, снова чистить будут. Он явно боялся, что наболтал лишнего. С симулянтами не церемонились. Порой доходило до трибунала, а это штрафная рота. Оттуда живыми мало кто возвращается.

— Ладно тебе, Пашка, — надоело мне его ныть. — Все нормально. Пуля в грудь — это не шутка. Лечись.

На том и простились.

Добивать немцев в Сталинграде мне не пришлось. С месяц охранял склады, застудил руку и снова угодил в госпиталь. Резали, чистили, делали штук пять уколов в день. Потом прошел комиссию. Рука сгибалась плохо, и меня признали ограниченно годным. Попал в хоззвод. Благо вырос в селе, с лошадьми обращаться умел. Командовал нами младший лейтенант лет сорока пяти, толстый, шумно пыхтящий дядька. Большой любитель выпить, но дело свое знающий. Лично проверял, не стерты ли спины у лошадей, смазаны ли оси у повозок.

Работы было полно. Считалось, что если ты в хоззводе, то уже в тылу. Гоняли нас без отдыха. За боеприпасами, харчами, отвозили в санбат раненых. Конечно, это не окопы под носом у немцев в Сталинграде, но доставалось и нам. Наступление на участке фронта нашей стрелковой дивизии приостановилось. Хоть и наложили немцу под Сталинградом, но потери дивизия понесла большие. Стояли в обороне. Настроение у меня было хорошее. Рука потихоньку отходила.

Находились мы недалеко от города Спас-Деменск Калужской области. Далеко на этом направлении наши войска продвинулись, километров на шестьсот от Сталинграда. Основные бои под Калугой еще предстояли, но бои так называемого местного значения вспыхивали повсюду.

Полковое начальство, заведующее хозяйственными делами, не смотрело, ночь или день на дворе. Привези! Отвези! А были такие дороги, что днем лучше не соваться. Обязательно под немецкую авиацию угодишь. Хоть и писали, что в войне произошел коренной перелом, немцев в воздухе хватало. Однажды сразу две подводы бомбами накрыло, а третьего повозочного лошадь унесла в лес, да только уже мертвого. Осколок величиной с ладонь брюшину пропорол. Похоронили товарищей, выпили как следует, начальство почем свет костерили. А с другой стороны — война, куда денешься. Может, и правда такая спешка была необходима.

Но в хоззводе я не прижился. Получилось вот как.

Первые месяцы меня не трогали, а потом стали намекать, что старики в атаку ходят, а такие бугаи (не был я похож на бугая!) при обозе трутся. Помкомвзвода, старший сержант, стал ко мне придирается, взводному нашептывать, а они часто вместе выпивали. Мол, Лапшин за лошадью не следит, спит на посту и так далее. Причина была простая: к нему в обозники очень просился земляк из пехотной роты, подпаивал сержанта, трофеи разные подсовывал. Взводный ко мне претензий не имел. От своего помощника отмахивался. Знал, что многие к нам рвутся. Но я сам себе помог.

В полку был командир противотанковой 76-миллиметровой батареи. Парень чуть старше меня, но уже лейтенант и с орденом Красной Звезды. Заносчивый. Не иначе в полковники метил, а воевал всего с января. Меня он в упор не замечал, считал, что придуриваюсь. Однажды я привез на батарею снаряды. Батарея замаскирована, в оружейных окопах стоит. Ближко подъезжать опасно. Лошадь издали видно, а до немцев всего ничего.

Я оставил своего Рыжего (кличка у моего коня такая) в лошадке, взвалил один ящик и поволол к орудиям. Кое-как дотащил. Тяжелые эти чушки.

И вышел у меня скандал с лейтенантом. Тот приказал подводу ближе подогнать, а я объясняю, что место открытое, накроют нас. Там делов-то всего ничего. Дал бы пяток своих подносчиков, за двадцать минут ящики бы перетаскали. А он уперся. Да еще выпивши был.

— Кобылу ему жалко стало! А мы тут день и ночь под огнем. Таскай сам, и поживее!

Много я уже на войне повидал, и такие сопляки меня не пугали. И Рыжего действительно жалко было. Молодой, хороший конь, ко мне, как собачонка, привык. Стал я молча ящики сгружать, мол, сами потом подтащите, а лейтенант ТТ вытащил и в лицо мне:

— Пристрелю!

Дальнейшее плохо помню. Стоял перед ним без гимнастерки и рубашки. Орал, тыкал пальцами в шрамы.

— Стреляй, сволочь! Немцы не добились, ты добивай!

Прибежал кто-то из офицеров, солдаты с батареей.

Сгрузили снаряды, а меня отправили к своим. До суда дело не дошло, а могло. Но из хоззвода наш младший лейтенант с подачи помощника меня убрал. Пообещал, что буду ординарцем у его знакомого командира роты, написал еще раз представление на медаль «За оборону Сталинграда», приказал выдать новые сапоги, и мы попрощались. Ни в какие ординарцы я не попал, потому что командира роты куда-то переводили, а зачислили меня вместе с пополнением рядовым бойцом во взвод, насчитывающий два десятка человек. Как раз половина от штатной численности.

Спрыгнув в окоп, вытер пилоткой мокрое от пота лицо и, познакомившись с ребятами, спросил:

— Немец далеко?

— А вон за той ложбинкой.

— Ясно...

Метров триста было до немецких позиций. Башку не высовывай. Отстрелят в момент.

Во взводе меня приняли хорошо. И вообще, я заметил, что тех, кто воевал в Сталинграде, солдаты уважают. Расспрашивали, как там шли дела, и мне было неловко, что мое пребывание в Сталинграде длилось всего четыре дня. Командовал взводом младший лейтенант Егунов, воевавший еще с Москвы. Начал сержантом, был награжден орденом Красной Звезды за бои под Москвой и после шестимесячных курсов в училище получил «младшего лейтенанта». Он был по-крестьянски основателен, не любил суеты и без нужды не рисковал.

Командир роты, только что назначенный лейтенант, мне не запомнился. Он много бегал, распределял пополнение, а потом вместе со старшиной и санинструктором отсиживался в своей добротной землянке под несколькими накатами бревен и старых шпал.

Пополнение было совсем сопливое. Мальчишки лет восемнадцати. Кто прошел месячную подготовку, а кто, лишь научившись командам «смирно-вольно» на призывном пункте, был спешно переброшен на передовую. По сравнению с ними я мог считать себя бывалым солдатом. Может, поэтому меня назначили командиром отделения из восьми человек и присвоили звание «младший сержант». Старшина роты оценил мое повышение и выдал автомат ППШ, запасной диск и две коробки с патронами. Патроны оказались так густо покрыты смазкой, что я провозился целый вечер, оттирая их. Привлекать кого-то из отделения не стал. Понимал, что уставшим с дороги парням это не понравится: «Не успел лычки нацепить, а уже раскомандовался!»

Стрелковый полк занимал участок обороны километра три длиной. Может, и больше. Выходить за расположение роты без приказа запрещалось. Стоял июнь. Свежая зеленая трава, короткие ночи, множество комаров, и уже осязаемое напряжение готовящегося сражения. Солдаты чувствуют это по мелочам. Посторонние наблюдатели, зачистившие к нам со стереотрубами и прочей оптикой, саперы, ползавшие по нейтралке в поисках мин. Санбат, развернувшийся километрах в трех в лесу. Да и то, что полк растянулся так широко,

говорило о том, что где-то войск накоплено больше.

Нам было приказано по ночам вести беспокоящий огонь, а потом начальство решило подвинуть фрицев, занимавших хорошую позицию. Выбор пал на наш батальон, так как в других местах расстояние до немцев было метров пятьсот и больше. Перед атакой я почти не спал. Без конца представлял, как будем бежать через это смертельное поле и как нас будут косить пулеметы. Но вверху сообразили, что нашими малыми силами в лоб не попрешь, и атаку начали по-тихому, затемно.

Наша рота в траншею ворвалась почти с ходу. Минометчики поддержали. Потасовка была знатная. Немец не бежал. Нет. Бился отчаянно и начал нас теснить. А вторая рота лежит под огнем. Бетонный дот на пути — его так просто не возьмешь.

Ротный кричит:

— Лапшин, бери троих и гранатами его, мать-перетак!

— Есть гранатами!

Поползли вчетвером. Один по дороге отстал. Испугался, наверное. Второго пулей в голову. Наповал. Думаю, так не пойдет. Поползли в сторону. Ротный кричит, руками машет, решил, что мы трусили, а мы знай забираем во фланг. Больше всего я в этот момент мины боялся. Локтем надавлю, и вышибет мне глаза вместе с руками. Лучше уж наповал. Возле дота немец лежал, стал по нас стрелять. Мы в него бросили по гранате. Попали. А у напарника щека пробита, кровь течет. Но храбрится, хоть и шепелявит:

— Нишево. Шишас мы их...

Собрали оставшиеся гранаты, стянули ремнем и под железную дверь. Шарахнуло крепко, но дверь только перекосило. Мы в щель стволы автоматов сунули и давай на курки нажимать, пока диски не опустели.

Когда дверь все же вышибли, три трупа нашли и пулемет на треноге. Трофеями, конечно, поживились: часы там, пистолет, водку нашли. Ротный пообещал меня с напарником к медалям представить. Я сказал, что и погибшему медаль положена. Лейтенант кивнул. Ему орден посулили, так что лишней медали было не жалко. Он и санинструкторшу бы наградил за то, что его ночами грела.

Только получилось все по-другому. Немцы, разозленные нашей успешной атакой, уже через пару часов пошли отбирать потерянные позиции. Мы их отбили. Наутро они подтянули гаубицы и давай молотить. Мы все, кроме наблюдателей, попрятались, кто куда. В блиндаж, где ротный сидел, 105-миллиметровая чушка врезала. Ротный чудом уцелел. Руку ему сломало и контузило сильно.

А тут атака. Командование на себя взводный Егунов взял. Артиллерии у нас мало было. Бронетранспортеры из крупнокалиберных пулеметов гребень траншеи причесывают, мины сыпятся, а немцы, как обычно, перебежками, друг друга огнем поддерживая. Я по ним из ручного пулемета стрелял. Диски мне мальчишка-помощник заряжал. Ствол разогреется, я «дегтярь» вниз стаскиваю, водой, мочой охлаждаем. Потом мальчишку ранило. Я за автомат взялся. Отбили атаку. Наших много полегло. Кого минами порвало, а больше из пулеметов. Лежат ребята, голова или шея насквозь пробиты, и лужа крови. Идешь, а кровь к сапогам липнет.

У нас трофейный ром оставался. Я полную кружку выпил, и хоть бы что. Только трясло от возбуждения. Егунов спрашивает:

— Сколько фрицев уложил?

— Штук восемь, точно. Может, и больше.

Бойцы подтвердили, что больше, но Егунов отмахнулся:

— Так и запишем — восемь. Начальство в круглые цифры не верит.

За тот бой и ранее взорванный дот получил я свою первую награду — медаль «За боевые заслуги».

Больше всего Федору Ивановичу не нравилось, когда я просил рассказать «о

каком-нибудь случае».

— Героическом, что ли? — усмехался тот.

Слово «героизм» мне тоже не нравилось. Слишком побитое, потертое...

— О необычном? — уточнял Лапшин. — Когда орден на грудь вешают?

— Хотя бы.

— Ну, тогда пиши про дот, который мы взорвали. Или о Юрке Коненкове. Пугливый был. Очень смерти боялся, потому как кучу детей имел. А однажды, не иначе как с перепугу, в немецкой траншее сразу троих фрицев из автомата положил. И унтера раненого в плен взял.

— Дали ему орден?

— Разогнался! Ордена рядовым не давали. А Коненкову пальцы осколком отсекло. В ездовые перевели. Это для него лучшая награда. К семье живым вернулся. Наливай, что ли. А то на сидку пора идти, — и начинал перебирать медные самодельные патроны. Отдельно — на утку, отдельно, покрупнее, — на гуся.

Ожесточенная Курская битва задела полк, где служил Федор Иванович Лапшин, что называется, краешком. Полк стоял во втором эшелоне или резерве. Что-то вроде этого. Летом сорок третьего вспоминал Лапшин два случая. Особенно сильную бомбежку и танковую атаку.

Бомбили артиллерийский полк и какие-то укрепления. Тогда немцы еще наступать пытались. Вот и расчищали дорогу. Ни разу не видел, чтобы такие огромные бомбы бросали. По тонне, а может, по полторы. Земля ходуном ходила, хотя до полка с километр было. Раз так встряхнуло, что гимнастерка под мышкой треснула, а из уха кровь потекла. Лазарет наш тоже разбомбили, лечить некому. Дня два глухой ходил, а потом потихоньку отошло.

В другой раз танки немецкие пошли. Не «тигры», но тоже тяжелые, новые какие-то, с длинными пушками. Шли наискосок. Когда к окопам приблизились, земля как в ту бомбежку задрожала. Урчат, лязгают, а пушек поблизости не было. Из противотанковых орудий по ним ударили. Тогда сразу три танка пушки повернули и по траншее — осколочными и фугасными! Раз по пять пальнули — и вперед. У них другая цель была. А мы из засыпанной траншеи раненых вытаскивали, трупы откапывали. Торопились, пока тихо. Жара страшная стояла. Мертвецы на глазах раздувались. Торопились похоронить товарищей.

А потом, когда немецкий прорыв отбили, пошли в наступление. Целые поля трупов видел немецких. Танки и передовые части на «студебеккерах» вперед без остановок шуровали, а мы следом колонна за колонной. Как там говорилось: «Пехота! Сто верст прошел, еще охота!» Конечно, не просто шагали. Каждый день ввязывались то в бои, то в стычки. Людей много теряли. Немцы ведь ночью отступят, оставят в укреплениях, дотах легкие пушки, минометы, «машингеверы» скорострельные и лупят, патронов не жалея. Мы то атакуем, то назад откатываемся. А фрицы день нас подержат, а ночью след простыл! Снова топаем. Догоняем.

Федор Иванович повертел мою камуфляжную куртку. В девяностые годы они были дефицитом.

— Старику бы, что ли, такую достал. Майором все же работаешь, — хитро глянул он на меня и, начиная прерванную было тему о «всяких случаях» и героизме, гордо произнес, что был комсоргом роты и трусом никогда не считался.

Небольшого росточка, с животом, лобастый, как бычок, он почему-то напоминал мне тот ремонтный паровоз, который растаскивал разбитые вагоны в октябре сорок второго, когда Федор Иванович ехал на фронт.

Получив от меня обещание, что камуфляж для охоты я ему обязательно достану, Федор Иванович продолжил свой рассказ.

Путь до Днепра запомнился мне долгими переходами. Никогда столько не шагали. Идем и идем без остановки. И днем тоже, потому что есть прикрытие с воздуха. Хотя

долбили нас и «юнкеры», и всякая другая летающая тварь. Наши «лавочки» и «яки» им разгуляться не давали, но почему-то прилетали с запозданием.

Однажды на горе возле вздыг разбитой деревушки догнали нас несколько «мессершмиттов». Юркие, быстрые, мы рот разинуть не успели, а они уже над головами. Кинулись кто куда. Бегу и вижу обгорелый лист жести, наверное, от «голландки». Шириной с полметра и длиной полтора. Упал я, съежился и листом этим дырявым накрылся. А его не то что пулей, пальцем проткнуть можно. Истребители ревут и лупят из всех стволов. Чуть затихнет, и снова рев раздается. Пушки и пулеметы бьют, кто кричит, кто стонет. Не знаю, сколько налет длился. Может, пять минут, может, десять. Вылез я из-под этого листа мокрый от пота, и руки трясутся.

Рядом, в нескольких шагах, сержант из соседнего взвода лежит. Снаряд ему поясицу прошил, истек кровью. Дальше еще один труп... третий... пятый. Раненые ворочаются. Пошел помогать перевязку делать, а у меня пальцы скрючило и не сгибаются. На всем пути до Днепра солдатские бугорки. Спешили, пока немец не закрепился. Даже хоронить друзей как следует не успевали. Ямка в метр глубины, шинель на дно или накидку и сверху вторую, чтобы друзьям в лицо земля не сыпалась. Порой ни таблички, ни столбика. Не успевали.

Ноги в кровь сбил. Портянки с лохмотьями кожи отрывал, а по колонне кричат: «Подъем!» Снова марш. Видел, как падали на ходу бойцы, кровь из носа, глаза закатываются. Санитары на телегу их тащат, дают стакан-полтора воды. А мы топаем, только о воде мечтаем.

Меня, не доходя до Днепра, ранило. Снарядным осколком в ногу, повыше колена. Кость не совсем перебило, но треснула. Когда хирурги рану обрабатывали, местным наркозом обошлись. Сапоги скальпелем срезали и портянки тоже вместе с кожей. Кричал я от боли так, что два раза спирт наливали. А в госпитале очухался — обе ноги до колен бинтами замотаны, а правая (везет мне на правую сторону) — в лубке.

Пролежал полтора месяца. Запасной полк, и снова на передовую. Бои, переходы. Вступили на Западную Украину. Редкие, ухоженные дома-хутора. Видно, что живут хорошо. Там меня третий раз ранило. Двумя пулями — в плечо и грудь. Снова госпиталь. Потом в команде выздоравливающих хозработами занимался. Хоть отдохнул немного. Последние две раны у меня быстро заживали, а самая первая давала о себе знать долго. И после войны тоже.

Напоследок немного воевал в Германии. Там, под городом Губен, встретил Победу. А осенью сорок пятого меня демобилизовали. Приехал домой. С отцом вместе вернулись, с разницей дней в шесть. Сестренку не узнал. Уезжал, пигалица была, а вернулся — невеста! Отмечали возвращение недели две подряд.

Ну, что еще напоследок сказать? В сорок шестом переехали в Палласовку. Василия, пропавшего без вести, так и не дождались. Канул, как в омут, мой старший брат. Сестра замуж вышла, потом я женился. Дети пошли. Работал вначале кадровиком на автобазе. Тяжелую работу выполнять не мог, раны не давали. Закончил курсы счетоводов, потом финансовый техникум. Все годы до пенсии бухгалтером трудился. Хотя в юности и летчиком и танкистом мечтал стать. Ну, а на судьбу не в обиде. Детей вырастил, внуков дождался, с вами вот на охоту езжу. Медаль «За оборону Сталинграда» хоть с опозданием, но в 1959 году получил.

Общались мы с Федором Ивановичем часто. Вопросов я задавал много. Порой наивных. Но мой старший товарищ говорил, как правило, что думал. Может, в чем-то ошибался, воспринимая события по-своему, но я добросовестно записал некоторые вопросы и ответы на них:

Автор. Федор Иванович, ты вот видел Сталинград. Немцы с сентября к Волге рвались. Потери огромные несли. Почему они не обошли город, а завязли в боях?

Лапшин Ф. И. Фрицы по натуре практичнее нас. Но здесь они словно ошалели. Вначале, в сентябре, октябре, наверное, могли оставить Сталинград в тылу и дальше

двинуть. Гитлер, видать, уперся. Сталинград, Сталин... главный враг! Ну, и завяз в развалинах, где техника не главную роль играла. Там бои один на один шли, рота на роту. А в таких боях, я считаю, наши не слабее. Позже, к ноябрю, когда такие силы немец сосредоточил, выходить было уже поздно. Впрочем, они до конца не верили в свое поражение. На Манштейна надеялись, на другие войска. Только припоздали. Гонор их подвел. А нам дисциплина крепкая помогла. Кто в Сталинград попадал, знал, что на левый берег пути нет. Если только ранят.

Автор. Ты считаешь, какой переломный момент в войне был?

Лапшин Ф. И. Курская битва. Сталинград был первым серьезным ударом фрицам под сопатку. Такого разгрома они не знали, хотя и наши потери были огромные! Сталинград больше политическое значение имел. Про него весь мир говорил. Даже в сорок пятом иностранцы слово «Сталинград» на все лады твердили. Но сами немцы началом своего поражения битву на Волге не считали. В сорок третьем они крепкие удары наносили. В марте — апреле сорок третьего целый месяц наступали. Взяли Харьков, Белгород, много мелких городов. А вот после Курской дуги мы погнали немца на запад, хоть и с тяжелыми боями, но без обратного хода. Хваленый их Восточный вал на Днепре рухнул, Киев взяли и шли вперед по всем фронтам. Но снова с такими потерями, что до сих пор не подсчитали.

Автор. Федор Иванович, какие главные ошибки ты видел в действиях наших войск?

Лапшин Ф. И. Мне о стратегии из своего окопа рассуждать вроде ни к месту. Маршалам виднее. Скажу, что не нравилось. Что ни отбитая деревенька, то целое кладбище под ней. Зачем сломя голову в лоб гнали? Мало проводилось обходных, хитрых атак. Это я говорю в масштабах роты, батальона. Одна атака, вторая, третья. В ротах уже людей половину выбило, а то и больше. Нет, давай опять! Лейтенант Егунов, который ротным стал, — молодец. Не боялся начальства, как другие. Бывало, ночью с фланга ударит — успех! Хотя однажды крупно вляпался. Ночью пытался высотку взять. Один взвод напоролся на мины. Пулеметы на шум огонь открыли. Почти весь взвод накрылся. Другого, может, и под трибунал, а Егунов уже обязанности комбата исполнял. Простили и на должность утвердили. Он хорошо воевал. У меня ощущение было, что наши командиры своего начальства больше боялись, чем немцев. В бою пропадет без вести боец или два, ротного мурыжат: предателей проморгал и так далее. Порой артподготовка на полсотни снарядов только шум создавала. Толку с них! Лучше по-тихому. Но ведь сожрут командира, если атака сорвется. Вот и шли на поводу у тех, кто к передовой близко не подходил. Я с Егуновым в батальоне долго прослужил. А командира полка всего два раза видел. Замполит нам медали вручал в штабе, за полтора километра от окопов. Не любили они по передку ходить. Опасно. Пусть извиняют товарищи полковники, если не так сказал. В других местах, может, по-другому было.

Автор. Какое оружие солдаты считали лучшим?

Лапшин Ф. И. Карабин наш «мосинский». Удобный, легкий и, главное, безотказный. Я из него однажды немца метров за четыреста снял. Без всякой оптики. Автомат Судаева мне нравился. Их и в сорок четвертом маловато было, но я доставал. Бьет без задержек, магазин рожковый. Диски, они все же уступали по надежности. Нет-нет, а пружина заест. Так с ППШ бывало. Да еще пока ползешь, дернешь посильнее, диск от толчка вылетает. Но ППШ мы тоже любили. В сорок третьем их в нашей роте штук двадцать всего было. Бьет далеко. Мы очередями фрица за двести метров доставали, а из немецкого МП — проблема. Сыпет пули и дальнобойность меньше. Хотя автомат надежный. Мы за трофейными автоматами охотились.

Пулеметы у немцев мощные были. Особенно МГ-42. Тысяча двести пуль в минуту. Не стреляет, а рычит. Людей, как косилка, смахивает. Хрен бы в глотку ихнему изобретателю! Много наших из пулеметов побили. «Фаусты» в сорок четвертом у фрицев появились.

Ничего не скажешь, оружие против танков на близком расстоянии смертельное. Нам бы такое!

Автор. Много было самострелов и дезертиров?

Лапшин Ф. И. Я бы не сказал. На фронте, в ротах, где я служил, — единичные случаи. Хитрили в госпиталях. Всячески тянули с выпиской. То гадости какой-то наглотаются, из сортира не вылезают, то рану купоросом натрут. Страшная война. Кто хватил, особенно из семейных, возрастом постарше, в тылу не прочь были остаться. Но все это ерунда. Похитрит неделю-вторую, врач его предупредит, отчитает. И уходит снова на фронт. До нового ранения или до конца.

Бывший старшина, фронтовик, Федор Иванович Лапшин, похоронив жену, переехал в начале девяностых годов в Волгоград к старшему сыну. Умер от болезни сердца в 2002 году и похоронен на Кировском кладбище.

Земля тебе пухом, Федор Иванович!

Из зенитки по самолетам и танкам

Под Великими Луками мы вышли к небольшой речке, вода в которой была бурая от крови. Сколько же людей погибло, чтобы так окрасить воду!

Тонконогов А. Г.

С майором милиции Тонконоговым Алексеем Герасимовичем я работал в Светлоярском отделе милиции. Алексей Герасимович был тогда старшим оперуполномоченным уголовного розыска. Он считался одним из лучших оперативников в отделе. За его плечами были раскрытые убийства, грабежи, кражи. Для нас, молодых оперативников, он являлся наставником, к которому мы часто обращались за советами.

Знали мы, что за плечами его годы Отечественной войны. Он участвовал в жестоких боях под Ленинградом, Великими Луками, воевал в Прибалтике. В то время он мало рассказывал о войне, хотя испытал немало, находясь постоянно на переднем крае.

Наша встреча состоялась через много лет, весной 2006 года, когда я собирал материалы для книги о Великой Отечественной войне. Алексей Герасимович Тонконогов, художавый и подвижный для своих лет, неторопливо рассказывал мне свою историю. Я записывал почти дословно.

Родился 9 сентября 1925 года в селе Мачеха (перед войной это был райцентр), сейчас Киквидзенский район Волгоградской области. Семья большая, нас, детей, было шестеро: две дочери и четыре сына. Отец работал чабаном в колхозе, мать — домохозяйка.

Жили бедновато, как все в то время. Небольшой дом, корова, бычок, две козы, несколько овец, куры. Очень выручали овощи. В наших краях хорошо росли помидоры, крупные, сахаристые. Выращивали огурцы, баклажаны, кабачки и, конечно, картошку. Все это нам крепко помогало. С одеждой было хуже. Помню, носил перешитые куртки, брюки старшего брата Ивана, а лучшей одеждой зимой считалась фуфайка. Теплая, легкая. И, конечно, валенки. Зимы тогда стояли морозные, снежные.

Местность наша степная. Небольшие рощицы, лесок вдоль речки Бузулук, куда мы, мальчишки, ходили на рыбалку. Рыбешка попадалась мелкая, с ладонь, да и снасти у нас были самые примитивные. Но на жареху или уху приносили красноперку, окуней, уклейку. Однажды весной в половодье поймал сома килограммов на шесть. Героем ходил.

Когда началась война, я мало что понимал. Закончил восьмой класс, собирался в девятый. Первый день запомнился толпой людей на площади возле райкома партии и райисполкома. Все молча слушали сообщение Молотова. Мне было пятнадцать лет. Я думал

так: «Вот фашисты — дураки! На кого они посмели напасть. Их же раздолбают за месяц». В тот день было непривычно много выпивших, женщины плакали.

Старшего брата Ивана призвали в первые дни. Получили от него два письма, и все. Лишь в 1942 году пришло короткое сообщение, что он пропал без вести. Родители куда только не писали, но никаких известий о судьбе брата не получили. Где и как он погиб, не знаем до сих пор. Да о чем тут говорить, если и сейчас, спустя полвека, историки не знают, сколько наших солдат и командиров перемололо в страшной мясорубке сорок первого года!

Официальные сообщения с фронта были непонятные. Мы ждали, что вот-вот немцев повернут вспять. Судя по статьям в газетах, наши войска сражались смело и били фашистов. Большинство статей и заметок повествовали о том, как подразделение под командованием капитана или подполковника такого-то уничтожили двадцать или пятьдесят фашистских захватчиков, подбили несколько танков. Наносились контрудары, но немцы занимали город за городом.

Помню, много говорили люди, когда немецкие войска взяли Киев. В газетах про это молчали. Просто в один из дней мы узнали, что бои идут восточнее Киева. Ну, все, значит, столицу Украины фашисты захватили! Откровенно говоря, мне было не до известий с фронта. В сентябре стукнуло шестнадцать лет, и я работал в колхозе наравне со взрослыми. Приходил поздно вечером и буквально валился с ног. В первую военную зиму семья сильно не голодала, но не хватало хлеба и сахара. Осенью возили зерно на элеватор на станцию Филоново (г. Новоаннинский). Шестидесят километров туда и столько же обратно. Выезжали, как правило, рано утром, затемно. Группами по пять-десять подвод. Старики и мы, мальчишки. Вначале такие поездки мне казались почти отдыхом после тяжелой колхозной работы. Для нас все было интересно.

Смеялись, видя, как дорожку перебегают зайцы. Их тогда много развелось. Охотничьи ружья у людей изъяли, стрелять некому. Видели и волков, особенно зимой. Всегда брали с собой толстые палки, чтобы защищаться. Но волки близко не подходили. Добирались до станции часов семнадцать, а то и двадцать. Ночевали в каком-то дворе, по очереди караулили зерно. Если мешок с твоей подводы пропадет — верная тюрьма. Утром сдадим зерно и назад. Снова бесконечная дорога. Возвращались ночью или утром. Однажды я заснул на подводе, портянки сбились, и отморозил два пальца на ноге. Долго болели.

Когда немцев побили под Москвой, все радовались.

Видели в газетах фотографии пленных, разбитую технику. Ну, все, поперли немца! Но к весне победные сообщения сменились на обычные. Наши войска ведут оборонительные бои, уничтожают врага...

В мае 1942 года многих сельчан отправили рыть противотанковые рвы и окопы километрах в полтора от села. Всего работало человек 200–300, в основном женщины и подростки. Помню, что летом мимо нас, в сторону Саратова и Балашова, начали почти каждый день летать немецкие бомбардировщики. Обычно шли тройками по 9–12 самолетов в сопровождении истребителей. На нас «юнкерсы» внимания не обращали, зато порой не обходили стороной «мессершмитты». Снижались и лупили по нас из всех стволов — добыча-то легкая. Мы разбегались кто куда. Прятались в окопах, бежали в лес, к реке Бузулук. Несколько человек были ранены. Их увозили в сельскую больницу, тяжелых отправляли в областной центр. Наших самолетов мы тогда не видели. Наверное, сказывалась их острая нехватка.

В армию меня призвали 3 января 1943 года в семнадцать лет. Три месяца мы проходили подготовку в городе Мелекесе Ульяновской области. Обмундировали в танкистские куртки, красноармейскую форму, ботинки с обмотками. В казарме нас жило человек сто пятьдесят. Трехэтажные нары, матрацы, одеяла. В помещении, несмотря на суровую зиму, было довольно тепло, да и гоняли нас так, что холода мы не чувствовали. Распорядок дня был следующий.

Подъем затемно, в пять часов утра, а через полчаса мы шагали в зимнее поле. Винтовки

у нас не было, все вооружение — саперные лопатки. Отрабатывали темы «взвод в обороне» или «взвод в наступлении». Учили рыть в снегу окопы, ползать по-пластунски, идти в атаку и так далее. К семи часам утра возвращались в городок на завтрак. Тарелка супа, перловая или пшенная каша, чай и 15 граммов сахара (два кусочка). Это была суточная сахарная норма. Хлеба, в общем, хватало.

До обеда снова занятия в поле. Обед был более сытным. Борщ или суп, в котором попадались даже кусочки мяса. Та же каша, если не с мясом то, по крайней мере, с запахом мяса. Еда, конечно, однообразная, но в условиях войны довольно сносная. Я лично не голодал. После обеда — полтора-два часа отдыха, и снова занятия. Изучали матчасть винтовок Мосина и самозарядных СВТ. В шесть часов вечера ужин, снова занятия и час свободного времени. Раз в неделю проводились боевые стрельбы. Стреляли мы из «трехлинеек» и СВТ. Обычно давали по три патрона на человека. Упражнения я выполнял в основном на «хорошо», порой на «отлично», умел быстро собрать и разобрать и «трехлинейку», и самозарядку Токарева. Кстати, попав позже на фронт, я уже почти не встречал там самозарядных винтовок Токарева. Хорошо отделанные, с блестящими ножевыми штыками, они эффектно смотрелись на предвоенных парадах, но в нашей армии не прижились. У нас в учебке с СВТ проблем не было. Всегда хорошо вычищенные и смазанные, эти скорострельные винтовки сбоев не давали. Но в полевых условиях, как я позже узнал, когда не протерты и не смазаны детали, а коробчатый магазин на 10 патронов набит наскоро и небрежно, с ними начинались проблемы. Поэтому винтовки вскоре сняли с вооружения.

Пулеметы, автоматы, трофейное оружие мы не изучали. Боевых упражнений по метанию гранат также не проводилось. Зато политзанятия шли каждый день. Если спросить меня в тот период, верил ли я в нашу неизбежную победу, то, пожалуй, сразу и не отвечу. Вспоминал, как через наше большое село летом сорок второго года день и ночь отступали войска. Ни танков, ни пушек, а только смертельно уставшие, все в пыли солдаты с винтовками и командиры. И сейчас, в конце зимы сорок третьего года, когда окружили и разбили немцев под Сталинградом, пол-России еще было под фашистами, а линия фронта — в 300 километрах от Москвы. Но и то, что немцы одолеют нас, в голове не укладывалось. Все мы переживали неудачи Красной Армии, а весть о победе под Сталинградом вызвала общий подъем. Получили по зубам фрицы! Это вам почище Москвы удар!

В Мелекесе учились бойцы разных национальностей. Труднее всего приходилось выходцам из среднеазиатских республик: Узбекистана, Таджикистана. К морозам в 20–30 градусов они были неприспособленные. Помню, что ребята голодали больше других, хотя порции были для всех одинаковые. Многие меняли сахар на суп или кашу, но и этого им не хватало. Они ходили вечерами возле кухни, подбирая все, что казалось съедобным. Два или три человека ночью во время таких поисков замерзли. Когда хватились, они были мертвы.

В апреле 1943 года я вместе с группой бойцов был направлен в город Пензу, в распоряжение 139-го запасного зенитно-артиллерийского полка, где изучали зенитные 76-мм и 45-мм пушки. В сентябре того же года полк расформировали, часть людей направили в Москву, где буквально за три дня нас обмундировали во все новое, и вновь созданный зенитно-артиллерийский полк ночью отправили куда-то на запад. Высадили из вагонов тоже ночью. С платформы вручную скатывали по настилам зенитные пушки. Транспорта, даже лошадей, в нашей батарее не было. К линии фронта вначале катили орудия, снарядные передки вручную, потом получили лошадей. Двигались в основном по ночам, а через трое суток прямо с марша вступили в бой.

В то время наши войска вели наступление, и мы поддерживали огнем пехоту, танки. Говорят, что на всю жизнь запоминается первый бой. Наверное, это верно. Но первый бой остался в памяти такой сумятицей, что и в то время, спустя день-два, не мог восстановить в памяти детали. Страх, взрывы, вой пролетающих снарядов, который и передать трудно.

Командира батареи я не запомнил. Вторым огневым взводом командовал лейтенант

Терчук, призванный из запаса. Лет двадцати семи, старый по моим понятиям. Копали орудийные окопы. Сначала шинели, потом гимнастерки сбросили. Быстрее, быстрее! Я состоял по штату в отделении разведки, но артиллеристов не хватало, и меня включили в расчет орудия. Копаем, а мимо наши танки проносятся. Штук восемь. До них метров семьдесят, а земля трясется, подошвами чувствуешь. Дрожь по телу от этой тряски пошла. Что будет, если немецкие танки навалятся?

Буквально за час с помощью ездовых выкопали орудийный окоп, вкатили нашу трехдюймовую зенитку. Если сравнить с полевыми орудиями, у нас и оптика, и заряды посильнее. Считаю, что и командиры более опытные были. Стрелять по самолетам — не простое дело, много расчетов делалось с поправкой на скорость, ветер, высоту. От командира батареи прибежал ординарец. Готовы? А комбат с первым взводом от нас метрах в трехстах был. Терчук отвечает, мол, готовы, только бронебойных маловато. Сели, перекурили. У кого аппетит не пропал, что-то жевали. Мне не до еды было. Канонада гремела и спереди и позади. Где немцы, где наши — непонятно.

Загудели немецкие самолеты. Я их силуэты хорошо изучил, пока подготовку проходил. Три тройки двухмоторных «юнкерсов» с застекленными носами и шесть «мессершмиттов». Шли высоко, километрах в двух от земли. Кое-кто кинулся орудия разворачивать, а Терчук крикнул во весь голос:

— Отставить! Наше дело — танки и пехота.

Как я понял, мы перекрывали одну из дорог, через которую могли прорываться окруженные немцы. Морально мы себя чувствовали почти победителями. Курск, Белгород, Донбасс освободили, еще много городов, к Днепру подошли. Правда, здесь, на северо-западе, топтались в лесах, но блокада Ленинграда была прорвана еще в январе. Прошла на большой скорости одиночная «тридцатьчетверка», за ней два мотоцикла. Танк уже исчез, а мотоциклы чего-то кружились. Потом, когда ударили из пулеметов, поняли, что это немецкая разведка. Мы были хорошо замаскированы. От дороги метров четыреста, затем шел мелкий подлесок, поляны, а уже в семистах метрах начинался еловый лес. Мрачный, густой.

Ох, как густо свистели пули! Стегали по сыроватой земле, как косой, смахивали высокую траву. Застучали, захлопали разрывные по нашей зенитке, потянулись трассы ко второму орудью. Стреляли немцы из перелеска. Видели, что закопаны, замаскированы наши пушки, а сколько их, не знали. Левее нас открыла огонь из «максимов» подоспевшая пехота. Трассы шли так густо, что казалось, сталкиваются друг с другом.

Потом появились немецкие бронетранспортеры. Я их только на учебных плакатах раньше видел. Колесно-гусеничные, длинный капот, щиток с пулеметом. И сразу танки. Приземистые, угловатые. Они наткнулись на батарею полковых пушек, смяли ее, оставив один горящий танк, и тут мы получили команду открыть огонь. Вот когда каша началась!

Страх почти пропал. Звонко хлопали все четыре зенитки. Один танк остановился, из бокового люка выпрыгнули танкисты. И сразу вспышка. Потом подбили второй, но вокруг нас начали взрываться снаряды. Я опять услышал свист пуль. Упал один, второй боец из расчета. Потом ахнуло так, что я на минуту оглох. Очухался, потащил очередной снаряд, а меня, словно мешком с зерном, по ногам! Как не стоял. Звон, и чей-то пронзительный, почти заячий крик. Показалось, что мне ноги оторвало. С перепугу вскочил, снаряд к груди прижимаю. А орудие набок перекосило. Выбило заднюю откидную станину, одну из четырех, на которую опирается зенитка во время стрельбы.

Подносчика из ездовых метра на три отбросило. Кричит, ворочается, а вместо ноги — месиво. Наверное, станией смяло. А снаряд почему-то не взорвался. Или бронебойной болванкой фрицы в спешке врезали, или еще чего-то. Так или иначе, орудие из строя вышло. А к раненому подбежал санитар и ловко перетянул ногу жгутом, потом пристроил лубок, примотал к остаткам ноги. Посмотрел на меня:

— Надо бы его на перевязочный...

Очень хотелось мне уйти подальше от этого гремящего, взрывающегося пяточка, но

еще страшнее было приближаться к бойцу, возле которого натекла огромная лужа крови, а лицо стало желто-белым. Помирал мужик.

— Какой перевязочный, мать вашу! Обоссались!

Это командир батареи прибежал узнать, почему только одна пушка стреляет. Наше орудие хоть и перекошенное, но показалось ему целым. Снаряд! Вогнали снаряд. Зенитка звонко выстрелила и, дернувшись, села на задок. Вторую станину отдачей из земли вышибло.

— Исправить повреждение!

Кто живой кинулся исполнять приказ комбата. Он, как шальной, с пистолетом в руке. Пристрелит в горячке, и все дела. От выполнения дурацкого приказа нас спас взрыв снаряда, ударивший с недолетом. Ствол нашей зенитки еще выше задрался, комбат присел, за ухо рукой держится. Ранило его осколком в щеку. Перевязали, увели. Второе орудие продолжало вести огонь. Видел я, как мгновенно вспыхивает танк. В секунду пламя железяку охватило. Кажется, никто из немцев выскочить не успел. Через голову неслись гаубичные снаряды. Почва сырая, в землю уходили глубоко. Высокие фонтаны грязи, огня, вырванных с корнем молодых деревьев.

Пехота немецкая через ельник бежала, а техника — вдоль опушки, прокладывая в подлеске колею. Отступали фрицы, но огрызались хорошо. Слово «драпали» я бы не употребил. Били по нас минометы, пушки и множество пулеметов. Скорострельные у них пулеметы, и звук совсем не похожий на наши «максимы» и «Дегтяревы». Молотили они сплошным «р-р-р», и пули свистели целым роем.

Вот под этими пулями мы таскали снаряды ко второму орудью. А подносчик лежал, накрытый с головой шинелью. Умер. Еще кто-то в боковом окопчике скорчился. Наверное, тоже убили. Потом стрельба стала затихать. Горели или догорали штуки четыре танка, бронетранспортер, несколько грузовиков. Первый взвод молчал, только старший лейтенант Терчук посылал снаряды в лес, в раздолбанные немецкие пушки. Выпустили и мы из винтовок по паре-тройке обойм куда глаза глядят. Пехота побежала за трофеями. Мы оставались возле орудий, но Терчук послал троих, в том числе и меня:

— Бегом, орлы! Мы, значит, танки подбили, пехтура трофеи грести будет. Автоматы, еду, шнапс ищите. Особенно шнапс.

Мы побежали. Приятно, что «орлы»! Но немцев не только наша батарея била, но и «полковушки» и гаубицы. Здесь, в перепаханном взрывами подлеске, увидел я впервые мертвого врага. Гадов-фашистов, которые моего брата убили. Почти все трупы, оказалось, исковерканы, измяты, серые мундиры пропитаны засохшей кровью. Страшное зрелище для мальчишки, которому едва восемнадцать исполнилось. Но не скажу, что меня выворачивало или сильно потрясло. Конечно, жутко видеть разорванный живот, оторванную по бедру ногу, о которую едва не споткнулся. Мои сверстники лежали или немного постарше. Но ведь они же фашисты! Наверное, я это вслух сказал, потому что меня пихнул в спину сержант:

— Ты че, Лешка? Охренел? Давай быстрее шевелись.

А сам в руках автомат и телячий ранец держит. Про шнапс я забыл, он меня не интересовал, а насчет автомата загорелся. Вся батарея была винтовками вооружена. Разведке полагались автоматы ППШ, но имелось их всего пара штук. Немецкие МП-40 нам всем нравились, небольшие, прикладистые. Но автомата мне не досталось. Помню, обзавелся хорошим ножом в ножнах, прихватил пару штук гранат-колотушек, с длинными рукоятками. Еду тоже успела похватать пехота. Но какая там у окруженных немцев еда? Спиртным, правда, разжился. Нашел в кустах фрица и отцепил плоскую, на пол-литра, фляжку. Понюхал — шибает в нос. Это оказался ром.

Осмотрели сгоревшие, еще дымившиеся немецкие танки Т-4 с длинноствольными пушками и довольно толстой броней. Наши болванки ее прошибали. Танки были сильно побиты, в каждом по три-четыре отверстия от бронебойных болванок, а в одном я разглядел фиолетово-черное доньшко снаряда, завязшего в лобовой броне. Сержант объяснил мне, что это стреляли полковые «трехдюймовки». Короткоствольные пушки с огромными колесами.

Заряд у них был слабее, чем у наших зениток. Видимо, поэтому немцы всю батарею раздавили.

Еще я обратил внимание, что почти все убитые немцы были с противогазами. Наши бойцы к тому времени свои противогазы повывбрасывали и носили в удобных сумках всякую полезную мелочь. Жестяные фрицевские футляры пехота распотрошила в поисках трофеев, но там находились лишь противогазы, ну, может, кое у кого сигареты, картонные пачки с патронами.

— Газов бояться, сволочи, — сказал кто-то, сминая каблуком пустой пенал.

О газах я скажу позже, но, как объяснили мне старые бойцы, противогазы немцы носили так же пунктуально, как и свои массивные усадившие каски. Я и потом часто замечал, что почти все убитые немцы были в касках и с противогазами. Кстати, немецкие каски были прочные и надежные. Не сравнить с нашими, почти жестяными. Взводный Терчук нас обругал, что долго ходим, но смягчился, когда его угостили ромом. Я не знал, насколько успешен был тот бой. Все же большинство немцев прорвались. Кто-то говорил, что двигались двадцать танков, кто — сорок. Я не запомнил, наверное, слишком прислушивался к вою снарядов.

Нашей зенитке досталось крепко. Частично спас окоп и бруствер. Один из снарядов рванул в основании бруствера и вывалил на позицию груды земли. Крупный осколок помял ствол, не считая выбитой станины. Но орудие осталось на ходу, и его уволокли в тыл. В нашем расчете погибло двое бойцов, а одного ранило и сильно ударило спиной о железяку. В соседнем расчете убило парня моих лет. Погиб он по-глупому. Пробило руку. Он упал и снова вскочил. Ему кричали «Ложись!», но, не помня себя от страха, парень куда-то побежал и сразу был сбит очередной пулей. Поднялся в третий раз, и пулеметная очередь догнала его. Убитых похоронили на бугорке. Четверых с нашего второго огневого взвода и двоих — с первого. Человек десять были ранены и контужены. В том числе тяжело ранило командира батареи — осколок снаряда рассек лицевую кость. На его место назначили старшего лейтенанта Терчука. Мы были довольны. Бывший комбат был слишком суетлив, много кричал, махал своим пистолетом. Терчук казался более обстоятельным, да и знали мы его лучше.

С орудиями дело обстояло плохо. В нашем взводе вообще осталась одна зенитка, а в первом хотя оба орудия уцелели, но оптика и приборы были сильно побиты осколками. Они годились для стрельбы «через ствол». На этой позиции мы простояли три дня. Много говорили, вспоминая прошедший бой — для большинства из нас он был первый. Я прошел боевое крещение и сделал для себя несколько выводов. Прежде всего, не терять головы. Когда нас обстреливали, я был уверен, что под таким огнем никто не уцелеет. Но ведь большинство выжили и стреляли по немцам. Можно бояться, но нельзя, как тот боец, забиваться в боковой окоп и, скрючившись, лежать там весь бой. Не завидовал я ему. Как только его не обзывали, даже в рожу плевали. Хотели отправить под трибунал, но Терчук решил, как отрубил:

— Будет при орудии, сукин сын! Пока не вылечится от страха.

Другой боец обмочился, но место свое не бросил. Воевал. Когда его некоторые остряки пытались поддеть, он зло встряхивал флягой:

— Сам ты обоссался! Фляжку с водой пробило.

От него отстали. За три дня нам отремонтировали разбитые приборы на орудиях, а я вернулся в свое отделение разведки. Все это время не смолкала канонада. Наши войска продолжали наступление. Я сошелся с Гришей Селезневым, высоким светловолосым парнем из Ленинграда. Он хватанул блокаду, но был вывезен через Ладогу в декабре сорок первого года, почти умирающий от дистрофии. Он рассказывал мне жуткие вещи, как на улицах лежали замерзшие тела, сколько людей свозили на Пискаревское кладбище и закапывали в огромные рвы. Меня поразило, что в Ленинграде ели человечину, и я Селезневу не поверил. Поверил в другое. Как рано утром их привезли на пересылочный пункт и, после короткого отдыха, снова куда-то повезли. Не покормили, а лишь напоили сладким чаем с молоком.

Сказали, что есть даже суп опасно. А блокадники знали, что им полагался сухой паек. Стали кричать, требовать еду. Кто настоял, ели хлеб, колбасу, сахар, а потом умирали в мучениях от заворота кишок.

Гриша просил, чтобы я никому ничего не рассказывал, особенно про людоедство. Я, конечно, ни с кем не делился. Держать язык за зубами нас научили еще с довоенного времени. А Гриша, после того как выжил, два месяца лежал в госпитале, потом состоял под наблюдением, получая паек. Нормально ходить стал лишь к концу сорок второго года. В Ленинграде погибла почти вся его семья.

Гриша Селезнев был более образован, чем я. Сказывалось, что вырос в столичном городе, закончил десятилетку. Помню, как наедине со мной он высказывал довольно смелые мысли о войне. Мы оба были комсомольцами, патриотами, но Гриша критически воспринимал происходящее. Мы оба не сомневались, что победим. Но если я считал, что, разбив немцев на Днепре, мы дойдем до Берлина за считанные месяцы, то Селезнев показывал на небо, где по-прежнему хозяйничала немецкая авиация: «До победы еще долгий путь!»

Помню, как двигались через брошенные немецкими войсками позиции. Было очень много немецких трупов. Я видел разбитые, вмятые в землю многочисленные противотанковые и зенитные пушки, тяжелые дальнобойные орудия, знаменитые шестиствольные реактивные минометы (солдаты их прозвали «ишаками»). Минометы, с их высокой скорострельностью, приносили нашим бойцам много бед. 34-килограммовые мины пачками обрушивались на позиции, разбивая блиндажи, окопы. Сейчас все это немецкое железо было повержено, вмято в землю гусеницами танков.

Судя по результатам, наступление было мощное. Иногда попадались группы отставших от своих немецких солдат. Спротивления они не оказывали, сразу бросали оружие и сдавались в плен. Злости на них в тот момент не было, все какие-то прибитые, грязные. Мы отправляли их в тыл. Видели, что им и так досталось под завязку. Случаев самосуда над пленными со стороны нас, артиллеристов, практически не было. Может, потому, что мы в упор с немцами не сталкивались. По рассказам пехотинцев, в бою ни наши, ни фрицы пленных не брали. Немцы дрались отчаянно, уверенные, что их все равно убьют, и тем самым подписывали себе приговор. А у наших за два года войны накопился к фашистам огромный заряд ненависти. Пожалуй, не было бойца, который не потерял бы близких людей: брата, отца, а то и всю семью.

Мы, разведчики, однажды столкнулись с отступающей немецкой группой. Немцы сразу открыли огонь и убили нашего бойца. Другой был тяжело ранен в живот и бедро. Мы тоже стреляли. Я передергивал затвор винтовки и выпускал пулю за пулей. Подоспели еще ребята, и немцы отступили. Кто-то сумел уйти, а два трупа и раненный в ногу немец остался. Крупный, уже в возрасте, лет под сорок. Мы, как молодые щенки, толпились вокруг него, пытались заговорить по-немецки. Раненый кивал головой, со страхом глядя на нас.

— Санька кончается, — сказал кто-то.

И мы так же безалаберно отвернулись от него, обступили Саньку (или Петра — не помню имени). Я снова увидел смерть. Раненому растегнули гимнастерку, заткнули раны тампонами, но наш товарищ умирал. Шаровары пропитались кровью, кишечник самопроизвольно опорожнился. Невозможно передать тоску в глазах парня и еще этот запах. Смерть никогда не бывает красивой. Он умер, шевельнув напоследок губами. Может, звал мать.

А немец ковылял прочь. Когда мы обернулись, замер. Но двое ребят, и в том числе Гриша Селезнев, вскинули автоматы. Немец успел что-то крикнуть, но автоматные очереди свалили его с ног. Селезнев продолжал давить на спуск. Пули дергали и шевелили мертвое тело. Я тоже выстрелил в лежавшего немца, и другие выстрелили по разу или два. Потом мы похоронили своих ребят. Трупы немцев оставили лежать. Когда возвращались, Гриша сказал:

— Вот так. Их всех надо убивать.

Я был с ним согласен. Пропал без вести мой старший брат, погибли многие из нашего села. Все фашисты заслужили смерть. К этому призывал со страниц «Правды» товарищ Эренбург. А мы ведь до этого не раз и не два отпускали пленных.

Полк занял позицию под городом Великие Луки. Мы вырыли окопы для орудий, землянки для себя. Становилось уже холодно, стоял октябрь, и по ночам подмораживало. Наше командование ожидало налетов немецкой авиации, и 76-миллиметровые батареи стояли кольцом вокруг города. На нашем участке — метрах в пятистах друг от друга.

Врезался в память один из налетов, особенно мощный. С наступлением темноты бомбардировщики и штурмовики шли волна за волной, и так длилось до утра. От непрерывного огня стволы орудий раскалялись докрасна. Время от времени стволы опускали и набрасывали на них куски портяночного полотна, разное тряпье, смоченное в воде. Тряпки парили, чуть зазеваешься, начинали тлеть.

Через пять минут снова открывали огонь. Нам очень помогали прожектористы. Если немецкий самолет попадал в луч, а то и в перекрестье сразу двух прожекторов, то был виден как на ладони. Вокруг него плясали вспышки разрывов. Большинство самолетов успевали нырнуть в темноту. Не знаю, попадали в них или нет. Один двухмоторный «Юнкерс-87» встряхнуло так, что посыпались мелкие кусочки. Он круто пошел вверх, потом на снижение. Дотянул до своих либо свалился — непонятно. Если двухмоторные «Юнкерсы-88» бросали бомбы с большой высоты, то бомбардировщики «Ю-87», с неубирающимися шасси, пикировали зачастую чуть ли не отвесно.

Их бомбы падали довольно точно, но и риск для фрицев был больше. Освещенный прожектором «Юнкерс-87» с воем выходил из пике, когда в него угодил снаряд трехдюймовки. Впервые я видел, как рассыпается на части самолет. Вспышка, и сразу же куча крупных и мелких обломков. Ни парашютов, ничего... Долетался, гад! Нас поддерживали пулеметы. Небо светилось от пулевых трасс. Все вместе: грохот десятков орудий, взрывы снарядов и бомб, летящие с неба осколки и ослепляющий свет прожекторов — сливалось в какую-то адскую картину. Я был в разведке батареи, но, как и все, находился возле орудий, заменял раненых, подносил снаряды и думал, что эта страшная ночь никогда не кончится. Испытывал ли я страх? Конечно, испытывал. Но постоянная «работа» возле орудий глушила это чувство.

У нас в батарее в ту ночь были потери, но не такие большие. Одна из тяжелых бомб, весом полторы тонны, врезалась рядом с нами, но не взорвалась. Тогда нашего разговора могло и не состояться. Такие бомбы оставляют воронку, в которую может поместиться целый крестьянский дом, а осколки разлетаются на сотни метров. Не повезло соседней батарее. Ее накрыло прямыми попаданиями. Разбитые орудия, оторванные стволы, колеса, разбитые в щепки зарядные ящики... и трупы. Их было много.

Разорванных на части, без ног или рук. Многие засыпаны землей. В одном месте мы долго раскапывали окоп, потом сели перекурить. Видим, а над взрыхленной землей вьется пар. Ковырнули лопатами, в морозном воздухе парили еще не остывшие внутренности погибшего товарища. Кому-то стало плохо, кого-то рвало. Старшина батареи принес плащ-палатку. Мы вчетвером перетащили останки и плотно завернули их. Потом хоронили погибших в братской могиле, и, наверное, у каждого в голове вертелось — на месте этих ребят мог быть и я.

А война в тот день словно решила открыто показать свое лицо. Мы видели исковерканные трупы, орудия, превращенные в металлолом. Даже массивные стволы были согнуты и переломаны, как спички. Чего уж говорить про хрупкое человеческое тело! Пошли с Гришей Селезевым на речку умыться и просто подышать воздухом, не отравленным взрывчаткой. Речка не такая и маленькая, метров пятнадцать в ширину. Но вода в ней была буро-красная от крови. Мы невольно отшатнулись и пошли к себе.

Позже я узнал, что готовилось наступление наших войск. Вечером на станцию, один за другим, прибывали эшелоны с людьми, техникой. Немцы об этом знали и обрушили мощный налет, пользуясь тем, что ночных истребителей у нас почти не было. И хотя немало

самолетов с крестами и свастикой не вернулось на свои аэродромы, беды они принесли достаточно. Большое количество наших солдат и офицеров было убито, а станция и город превратились в груды развалин.

Вспоминаю еще один эпизод, врезавшийся в память.

На станции, недалеко от Великих Лук, мы видели три товарных вагона, загруженных трупами наших бойцов. Лица и руки у них были синие и обожженные. Немцы применили какое-то новое оружие, по слухам, ядовитый газ. Так или не так, точно сказать не могу. Наше командование приказало подтянуть тяжелые орудия, и на немцев в ответ полетели термитные снаряды. Жуткая вещь. Все горит: и железо, и земля. А про людей говорить нечего. Тогда врагу пальцем не грозили. Ударят, так со всего маху!

Мы потом проходили через села и позиции, где фрицы отсидеться хотели. Все было черным, обугленным, головешки, оставшиеся от человеческих тел, сгоревшие дома, блиндажи, скелеты грузовиков, где почти все сгорело и оплавилось, сожженные немецкие танки, орудия. Черные деревья тянули к небу остатки ветвей, я шел подавленный, стараясь не смотреть по сторонам.

Продолжалось наступление Красной Армии на Невель. Наша батарея получила особую задачу. На железнодорожные платформы погрузили зенитные орудия, прицепили несколько товарных вагонов с медперсоналом. Мы собирали на перевязочных и санитарных пунктах раненых и везли их в тыл. Не проходило дня без налетов немецкой авиации. Я, как разведчик, до боли в глазах следил за небом, сообщал о приближающихся самолетах. Обычно немцы налетали мелкими группами — по 34 самолета. Мы открывали беглый огонь из всех четырех орудий и спаренных пулеметов. Бомбы, как правило, взрывались в стороне.

Но один из налетов оказался особенно сильным. Немецкая «рама», наблюдатель «Фокке-Вульф-189», навел на наш эшелон группу пикировщиков и истребителей.

Особенно опасными были давно знакомые пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87». Они несли до тысячи килограммов авиабомб, имели четыре пулемета. Существенную опасность представляли «мессершмитты» с их высокой скоростью, 20-миллиметровыми пушками и пулеметами. Эти истребители несли 200–250 килограммов авиабомб.

Объясняю, почему «лаптежники» и истребители были для нас особенно опасными. Железная дорога — тонкая ниточка, в которую попасть нелегко, особенно тяжелым «Дорнье» или «Ю-88». Они сбрасывали свои бомбы с большой высоты, и нас особенно не тревожили. Другое дело — бронированные «Юнкерсы-87» или «мессершмитты». «Лаптежники» с огромной скоростью пикировали на эшелон и бросали бомбы довольно точно. Слабым моментом был у них выход из пике. Здесь мы их и ловили. Но, скажу прямо, что для низколетящих самолетов наше оружие было не слишком подходящим. Трехдюймовки тяжеловаты и эффективны на средних высотах, а спаренные установки Дегтярева «ДА-2» калибра 7,62 миллиметра оказывались слабоватыми.

Нам бы оченьгодились зенитные автоматы калибра 37 миллиметров и крупнокалиберные пулеметы. По ленд-лизу поступали даже счетверенные установки крупнокалиберных «браунингов». Когда они открывали огонь, возникала словно огненная завеса. Имелись в зенитных частях хорошие трехствольные установки крупнокалиберных пулеметов ДШК, но в нашей батарее их не было. Обходились тем, что есть.

В тот раз налет на наш санитарный поезд был особенно ожесточенным. Девятка «Юнкерсов-87» под прикрытием шести истребителей пикировала на вагоны. Зная, что в деревянных, пробиваемых насквозь вагонах находятся десятки раненых, врачи, медсестры, санитарки, мы вели непрерывный огонь. Страх, который охватил меня, куда-то ушел. Я наводил одно из орудий и непрерывно выкрикивал: «Огонь!» Мелькало серебристое, как у судака, брюхо «лаптежника», ухало орудие, и со звоном отлетала тяжелая гильза. Орудия, закрепленные тросами на платформах, стояли парами. Достаточно одной пятидесятикилограммовки, чтобы разнести платформу и обе зенитки.

Один из «юнкеров» словно влетел в клубок разрыва. Двигатель вспыхнул, и пикировщик штопором пошел отвесно вниз. Готов, фашист! Его сбило соседнее орудие. Я не раз замечал привычку немецких летчиков сразу мстить за подбитые самолеты. На нас полетели бомбы, а промелькнувший как тень «мессершмитт» прошел платформу пулеметными и пушечными трассами.

В двух шагах от меня свалило бойца. Я на несколько секунд оторвался от прицела, но уже налетал следующий самолет, и я снова крутил маховики. Мы сумели повредить осколками и пулями еще два самолета, но и сами понесли тяжелые потери.

Загорелись два вагона с ранеными. Мы бросились их тушить, вытаскивая тех, кто не мог выбраться. Убитых было много. В стенах вагонов зияли огромные пробоины от осколков авиабомб. Самолетные пушки и пулеметы, прошивая вагоны насквозь, убивали людей и наносили тяжелые рваные раны. Погибли шесть или семь зенитчиков, несколько человек были тяжело ранены. Мы отцепили горящие вагоны, погрузили раненых в оставшиеся и на полном ходу повезли их в тыл. Было горько сознавать, что раненые бойцы, чудом избежавшие смерти на поле боя, гибли по пути в госпиталь.

По дороге остановились. Терчук послал меня к паровозу узнать, в чем дело. Подбежав, я увидел, как машинист и его помощники забивают пробоины от пуль и малокалиберных снарядов деревянными «чопиками» — заостренными колышками. Пробоину от крупного осколка таким способом не залатаешь, но мелкие дырки они ликвидировали быстро. Из тендера вылез пулеметчик, такой же чумазый, как и паровозники. Похвалился:

— Видел, как я «мессера» укатал?

— Не видел.

— Ну и зря. Пуль десять в гада всадил.

Я знал, что на паровоз сажают стрелка с пулеметом «ДА». Для спаренной установки там не было места. Обычно использовали один из запасных стволов, установив его на турели. Машинисты уже собрали молотки, колышки и занимали свои места. Они подтвердили, что «парень молодец»:

— Вдоль корпуса врезал, «мессер» аж подпрыгнул и свечой вверх пошел.

Врезать-то он врезал, но «мессершмитт» благополучно улетел к своим.

Сбивать немецкие самолеты было тяжело, и самым эффективным оружием считались наши истребители. Бой, когда наша батарея только отгоняла самолеты и не давала им отбомбиться по цели, считался удачным. А за сбитый и подтвержденный самолет одного-двух человек из батареи обычно награждали. Но сбивали «юнкеры» и «мессершмитты» мы не так часто. И уж тем более мне не приходилось видеть, как сбивали самолет из ручного пулемета, винтовки или противотанкового ружья. Такие подвиги любят описывать в художественной литературе, но в реальности это происходило очень редко.

— Все вы молодцы, ребята, — хвалил нас подвыпивший Терчук, когда мы похоронили убитых. — Только молодые слишком. Бьют вас, как курят...

На конечной станции, разбирая тот бой, старший лейтенант толково и деловито обратил внимание на наши ошибки:

— Взводным открывать огонь сразу, на пределе дальности! Не ждите, пока «юнкеры» на шею сядут. Сбивать — хорошо, но главное — отгонять, не давать прицельно бомбить. Пулеметчикам открывать огонь с расстояния километра. Больше трассирующих. Немец сильного огня не любит, а поди разбери, какие трассеры идут, мелкие или крупные.

Около трех недель мы занимались вывозом раненых. Подружились с медперсоналом. Выбирали время для свиданий, целовались в укромных уголках. Нам, молодняку, этого хватало, а кто постарше и на ночь исчезали. Особенно на конечной станции, когда, выгрузив раненых, готовили вагоны, получали пополнение и боеприпасы. Была у меня любовь, худенькая рыжая санитарочка (прости, забылось имя!), с которой мы неумело целовались. Обещали, что не забудем друг друга, и даже спорили, куда поедем после войны — ко мне или к ней. Конечно, ко мне, у нас хозяйство, земля и своя больница в поселке. Моя девушка

соглашалась, только просила посоветоваться с мамой. Какие искренние и наивные мы тогда были!

Медики нас неплохо подкармливали. В пути следования мы часто проскакивали станции, где были пункты питания. Сухой паек съедали за день-два. Медсестры и санитарки приносили нам молочную кашу, хороший суп с мясом. Особенно нравилось мне сладкое какао с молоком и пшеничным хлебом. Я какао до этого ни разу в жизни не пробовал. Очень пришлось по вкусу.

Линия фронта двигалась на запад. Подходил к концу сорок третий год. Истребители прикрывали нас редко, видимо, действовали на переднем крае. В бои с немецкими самолетами мы вступали почти каждый день. Правда, таких крупных налетов уже не случалось. Фрицам тоже самолетов не хватало. Налетит звено «Ю-87» в сопровождении пары «мессершмиттов», но мы уже школу хорошую прошли, ждем их. Все четыре пушки, как автоматы, работают, только гильзы звенят. И пулеметчики полосуют трассерами, патронов не жалея.

У «мессершмиттов» скорость шестьсот километров в час. Вихрем проносятся, сбрасывая несколько бомб и поливая все подряд огнем. Но и за эти секунды мы кое-что успевали. Помню, два «мессера» со стороны паровоза зашли. А там платформа с двумя орудиями, и впереди еще открытая ремонтная платформа со шпалами, рельсами и спаренным пулеметом на ней. Да еще один пулемет на паровозе. Врезали по немецкой парочке из всех стволов. Один «мессершмитт» хорошо зацепили да еще добавили из двух других орудий и пулеметов. Он в землю врезался в километре от эшелона, а второй отвалил, сбросил свои бомбы с высоты и пошел к линии фронта.

Но долг свой фрицы исполняли. Хоть и продырявленный, на издыхании был «мессер», но бомбы положил довольно точно и повредил паровоз. Успел прошить из пушек и пулеметов штук пять вагонов. Снова выносили мы тела убитых, а врачи спасали бойцов, получивших новые ранения. Погибли двое зенитчиков. Поврежденный паровоз, весь окутанный паром, кое-как оттащил состав на полустанок. Там часа четыре простояли возле заряженных орудий. Обездвиженный состав — легкая добыча для авиации. Но нам повезло, пошел дождь, небо заволочло тучами, нелетная погода.

На этом полустанке запомнился такой эпизод. Женщина продавала самодельные лепешки. Серые, с торчащими остяками, но горячие. Откинула с блюда полотенце — а от них такой дух идет! Запросила с нас дорого. Впрочем, все продукты в войну дорого стоили. Мы ее стали стыдить, мол, только из боя вышли, а ты с нас три шкуры дерешь. Она не отшучивалась и не оправдывалась, как часто делают торговки. Объяснила устало, почти равнодушно, что не от хорошей жизни торговать вышла. Молока купить не на что и чего-то там еще для детей. Мы примолкли, глянули на убогие домишки полустанка, серые пустые поля и, может, впервые за долгое время задумались, как в тылу наши матери живут. Купили, у кого деньги были, эти лепешки. Разделили по четвертушке, съели. Вкус я не запомнил.

Через несколько дней покидали эшелон. Расставались с медиками, особенно с подругами, слез не скрывая. Родными за эти три недели стали. Расцеловался я со своей санитарочкой, обменялись еще раз адресами. И расстались навсегда. На войне редко продолжения таких историй случаются. Начальник поезда выделил нам спирту, продуктов, написал представление о награждении нас орденами и медалями. Мы дня три как опущенные ходили. Переживали, тосковали, особенно молодежь.

Во время недельной передышки нам дали как следует отоспаться. Правда, кормежка шла по другой норме, не хватало мяса и хлеба после привычной сытной фронтовой еды. Но мы, в общем, не голодали. Помню, наладили связь с жителями небольшой лесной деревни. Меняли трофеи, запасное белье, мыло на хороший домашний хлеб, картошку, яйца. Ну и, конечно, на самогон.

В этот период на нашей батарее заменили стволы на трех зенитках. Столько стреляли, что металл изнашивался. Двоих ребят с воспалением легких отправили в госпиталь. Вот когда

сказалась наша жизнь под сплошным холодным ветром и дождем на открытых платформах. На торжественном построении выдали награды. Для большинства это были первые медали или ордена. Награждали тогда мало. Комбат Терчук, ставший капитаном, получил орден Красной Звезды, человек восемь из батареи — медали. Меня наградили медалью «За боевые заслуги». Некоторые ребята были награждены посмертно. Как я понял, сыграло роль представление начальника санитарного поезда. В других батареях получили медали по два-три человека. Зато не обидели штабных. Почти у всех засверкали новенькие ордена, в том числе Отечественной войны, очень уважаемый всеми орден. Получили медали кое-кто из писарей. Тоже старались, бумажки писали.

Пришло пополнение. Ребята худые, с торчащими из воротников шинелей цыплячьими шейками. Такими и мы были год назад. Знакомились, искали земляков, расспрашивали, как жизнь на гражданке. «Голодуют люди, — отвечали нам. — Похоронки идут, от почтальона все шарахаются. Скорее бы война кончилась!»

Полгода, с января до июля 1944 года, мы стояли, охраняя разные объекты. Склады, штабы, подходы к аэродромам. До линии фронта недалеко, но все же не передовая. Помню, что часто отражали ночные бомбежки немцев. Били почти наугад, на шум моторов, так как прожекторов не хватало. Немцы шли высоко. Когда попадали в цель (это случалось редко), самолет падал где-то вдалеке от наших позиций или тянул к себе. Как правило, результаты записывала ближайшая к месту падения самолета батарея или даже наши истребители.

Зима на северо-западе своеобразная. То слякоть с ветром и сырым снегом, то ударят морозы за двадцать. Причем погода менялась буквально в течение нескольких часов. Ночью заступаем, расхватывая «дежурные валенки», которых всем не хватало, а с утра уже липнет к подошвам мокрый снег, войлочная обувь намокает. Тогда обували сапоги или ботинки. Но это не слишком большая беда. Все же не передовая. Согреться можно было. Жили в тот период в землянках. Печка, а на ней огромный самодельный чайник с кипятком и чугунок с хвойным отваром. Отвар заставляли нас пить два раза в день. Этим спасались от цинги.

Потери несли, конечно, меньше, чем в боях под Великими Луками или Невелем. Но людей теряли. Когда немцы летали бомбить днем, нередко пара-тройка самолетов снижалась и сыпала авиабомбы на орудия. Особенно если мы стояли близко от охраняемых объектов. В феврале, уже после ликвидации блокады Ленинграда, мы охраняли склады. Помню, короткий период жили в теплой казарме. Налетели штук двенадцать двухмоторных «Юнкерсов-88» в сопровождении истребителей.

Бой был жаркий. В нем участвовал весь дивизион, усиленный зенитными 37-миллиметровыми автоматами.

Над соседней батареей немцы сбросили кассеты с мелкими осколочными бомбами. Они раскрывались, как чемоданы, и мелкие бомбы рвались с частым треском, словно стрелял огромный пулемет. Могло всю батарею выкосить, однако ребятам отчасти повезло. Контейнеры взорвались высоко, но раненых было много. Вышла из строя половина орудийной obsługi. Когда грузили в «студебеккер», на ребят страшно было глянуть. С ног до головы обмотаны бинтами, как куклы. Кому десяток, а кому все двадцать осколков достались. Стонут, кричат от боли. Старшина с термосом ходит и в кружке разбавленный спирт подает. У кого руки пробиты, сам в рот наливает. Мы самокрутки им сворачиваем, на закуску. Успокаиваем — все будет хорошо! А чего хорошего? У некоторых уже глаза закатываются, вряд ли до санбата доvezут.

Прямыми попаданиями разбило два орудия. Вот там по-настоящему страшно стало. Груды железа, взрыхленная земля и разорванные трупы. Где — рука, где — голова, кишки с веток палками снимали. Земля в липкую грязь не от воды, а от крови превратилась. Ножами сапоги отскребали. Похоронили останки товарищей, дали три залпа из винтовок. Вечная вам память! А склады через пару дней разбомбили. Ночью тяжелые бомбы сбрасывали. Рвануло так, что земля дрожала. Зарево, светло, как днем, только свет красный. И теплый воздух в спину толкает, будто огромный вентилятор дует. Молодая елка пушилкой метрах в ста над головой кружилась, а потом вспыхнула, как коробок спичек. В ту ночь мы сбили огромный

бомбардировщик «Дорнье-217». Снаряд переломил ему крыло, и он свалился в километре от батареи.

Мы ходили смотреть. Таких громадин я еще не видел. Почти двадцати метров длины, два массивных мотора, толстый фюзеляж. Он брякнулся на ели и в глубокий снег, поэтому полностью не разбился. Развалился на несколько частей, два мертвых летчика в верхней кабине, в добротных меховых комбинезонах. Еще двоих позже поймали. Вернее, они сами на дорогу вышли — по лесу далеко не уйдешь, снег по пояс. Терчук тоже вместе с нами остатки бомбардировщика осматривал. Языком цокал, глядя на многочисленные крупнокалиберные и обычные пулеметы, которые снимали ружейники.

— Ну и громада! — сказал кто-то из бойцов. — Много, наверное, бомб берет.

— Четыре тонны, — ответил Терчук.

— А наши? — спросил кто-то из новичков.

И Терчук, и все старослужащие зенитчики хорошо знали тактико-технические данные наших самолетов, хотя это считалось военной тайной.

— «Пе-2» ему не уступает, — покрякивал душой капитан. — Врежет, мало не покажется.

К сожалению, до скоростного «Дорнье» нашим бомбардировщикам в то время было еще далеко. Они несли по тысяче килограммов бомб, лишь «СБ» (скоростной бомбардировщик) мог поднять 1600 килограммов. Позже появится наш знаменитый ТУ-2, не уступающий немецким бомберам, но это произойдет в середине сорок четвертого года. Ну, что же, воевали тем, что имели. И гнали немцев, несмотря ни на что.

Весну сорок четвертого я запомнил двумя событиями. Мы с Пашей Селезевым получили «младших сержантов», а меня чуть не убила фашистская бомба.

«Сотка» взорвалась недалеко от наблюдательного пункта, где размещались разведчики батареи. Меня послали к орудиям, так как связь барахлила. Пробежал я метров семьдесят, слышу свист бомбы. Стало жутко. В тот момент я отчетливо понял, что бомба летит в меня. В голове включился какой-то непонятный механизм, оттеснивший страх и панику. Я развернулся и побежал в сторону. А спустя несколько секунд тот же механизм дал команду: «Ложись!» Я брякнулся в хвою, закрыв голову руками. Ахнуло так, что меня подбросило метра на два и отшвырнуло в кусты. Потом гремели еще взрывы, но уже дальше. С высоты упала толстая сухая ветка и воткнулась в двух метрах от ног. А я не смог даже пошевелиться. Равнодушно думал: вот была бы дурацкая смерть, проткнуло бы, как вертелом.

В голове мутилось, тошнило, и, что хуже всего, я не чувствовал ног. Знал, что такое случается, если сломан позвоночник. Вот тут я по-настоящему испугался. Остаться на всю жизнь обездвиженным казалось страшнее всего. Я, как червяк, извивался, хлопал ладонями по ногам. Потом меня подобрала ребятня и отнесли в медсанбат. Помню, как, увидев первого человека в белом халате, я вскрикнул:

— Ноги... Ноги отнялись!

На большее сил не хватило. Со мной что-то делали, раздевали, всадили несколько уколов, а очнулся я утром в палатке на очень жестких нарах. Поверх досок лежало лишь байковое одеяло, другим одеялом я был накрыт. Топилась железная печка, а я снова ощупывал тело, ноги. Пришел врач, я пожаловался, что очень жестко. Он не стал мне объяснять, что так положено лежать при повреждениях позвоночника. Ощупал голову, подносил к носу молоточек, я косил по его командам глазами в разные стороны.

Сильно опух левый локоть, туго заполнив рукав нательной рубашки. «Ну, вот и рука сломана», — с тоской думал я. Локоть прошел через три дня, подозрение на трещину в позвоночнике тоже не подтвердилось. Снова стали двигаться ноги, и я с удовольствием пошел в кусты — справлять нужду. Самой серьезной штукой оказалось сотрясение мозга. Меня хотели отправить в госпиталь, но я соврал, что мне уже лучше. Не хотелось расставаться со своей батареей, к которой я привык.

Ночью я сползал со своего жесткого ложа и с удовольствием спал прямо на сосновом лапнике. Потом мне дали матрац, но оставили в той же палатке на семь-восемь человек. Я

помогал санитарам и медсестрам ухаживать за обездвиженными ранеными. Некоторых эвакуировали, а были такие, которых трогать было нельзя. Пару раз ко мне приходили ребята и, конечно, Гриша Селезнев. Приносили спирт, сахар. Мы устраивались на пригревающем весеннем солнышке и болтали о разных пустяках. После таких визитов я дня два ходил, как на празднике. Приятно, что о тебе помнят и ждут. И капитан Терчук, которого, по слухам, собирались назначить командиром дивизиона, тоже передал привет и американскую шоколадку, очень пригодившуюся на закуску.

Я пролежал в медсанбате почти месяц. Насмотрелся таких вещей, которые и на передовой не увидишь. Привозили солдат без рук, без ног. Смертельно раненных, которых даже в операционную не заносили. Я даже возмущался, как петушок. А санитары, в основном в возрасте; глядя на меня, мальчишку, объясняли: «Какой прок его оперировать? Все кишки осколками порваны. Он уже мертвый, только сердце бьется». Видел я лейтенанта, тоже контуженного, но у него были отбиты легкие и сломана грудь. Он долго и тяжело умирал, кашлял кровью, хотел что-то сказать, но не мог.

Привезли молодого, крепко сложенного бойца, лет двадцати. Про таких говорят: «Первый парень на деревне». Рана в ноге у него была не слишком тяжелая, мне казалось, что он капризничает. Но затем нога как-то быстро опухла, покраснела. Началась инфекция, и ногу по колено ампутировали. Парень плакал, никого не стыдясь:

— Мамоньки... кому я теперь, урод, нужен?!

Медсестры его утешали, а бойцы постарше грубо осаживали:

— Чего развылся? Руки целые, хрен на месте, да еще одна нога осталась. Протез наладят, будешь скакать, как кузнечик. Живой к матери вернешься. А мы доживем до победы или нет, один Бог знает.

Постепенно парень успокоился, прыгал на костылях, смеялся. Понял, что не самое худшее ему на войне досталось. Глянул я и на другую сторону медали. На бойцов, особенно из пехоты, отчаянно цеплявшихся за жизнь. Я ушел на фронт добровольцем, и мне было противно глядеть на некоторых людей. С годами я пойму многое. И страх оставить троих-четверых детей без кормильца, и тоску по матери, которая уже лишилась сына, а ты у нее последний. Люди переживали сильнее за родных, чем за себя. Но были и настоящие сволочи. Как говорится, из песни слова не выкинешь. Если взялся рассказывать — эту тему не обойдешь.

В числе легко раненных и контуженных, помогавшим санитарам, был парень лет двадцати трех. Борис его звали, а родом из-под Ростова. Почти земляки — области рядом находятся. Может, поэтому он ко мне привязался.

Вначале на правах наставника (все же старше лет на пять), а потом я его крепко осадил, когда угадал сущность «земляка». Воевал он от Сталинграда, а может, врал. Но очень умело «косил» под больного куриной слепотой. На северо-западном направлении эта болезнь из-за недостатка витаминов была распространена, особенно весной. Конечно, профилактику проводили, и таблетки давали, и в воду разные экстракты добавляли. Но кто хочет заболеть, как его остановишь?

Едва смеркается, а в мае уже светлые ночи пошли, Борис охает, натывается на все подряд, слепого изображает. Ложится после ужина и дрыхнет до завтрака. Раненых трудно обмануть. Некоторые знали, но молчали. Закладывать своих считалось последним делом. Но однажды, подвыпив — нам спирт дали за то, что могилу для умерших копали, я не выдержал. Выложил Борису все, что о нем думал.

Он сначала испугался — вдруг донесу. Начал убеждать, что я ошибаюсь. А потом, когда понял, что никому докладывать не собираюсь, покатил на меня. Ты, мол, зенитчик, не знаешь, что такое атака и сколько после нее в живых остается. Я в долгу не остался, накричал, что не ему меня учить. Друзей я похоронил достаточно и контузию получил в бою с немецкими самолетами, а не возле кухни отираясь. Боря опять, как перевертыш, каяться стал, мол, он и раненый, больной, а дома мать с младшей сестренкой остались.

— У нас в семье детей шестеро, — обрезал я его. — Старший брат погиб, я воюю, и

следующий брат скоро в армию пойдет.

В общем, кончилась у нас с Борисом дружба. А потом угодил он под трибунал. Судили целую группу симулянтов. Бориса, троих самострелов и еще одного мужичка, который рану медным купоросом натирал. Заседание трибунала было открытым. Прочитают приговор, а в конце — «расстрелять!». Борис весь белый стал. Только после паузы объявляли: «Заменить расстрел на штрафную роту». Борис три месяца штрафной роты получил, потому что долго врачей обманывал. Верная смерть. Другие — по месяцу-два. А одного самострела приговорили к расстрелу. За ним мародерство, еще какие-то грехи числились. Расстреляли в лесу, сразу же после оглашения приговора. Не на глазах у раненых, но выстрелы мы слышали. А в конце мая я был выписан и вернулся в свою батарею, которой по-прежнему командовал капитан Терчук. На дивизион кого-то другого поставили.

В июне — июле сорок четвертого началось мощное наступление сразу нескольких фронтов. Шли ожесточенные бои в Прибалтике. 27 июля был освобожден литовский город Шяуляй, от которого до Балтийского моря оставалось чуть больше ста километров. Насчет освобождения Шяуляя говорили по радио, писали в газетах, но история освобождения и долгих боев за город оказалась далеко не простой. В истории Великой Отечественной войны, изданной в 1960–1965 годах, говорится, что город Шяуляй был освобожден войсками 1-го Прибалтийского фронта 27 июля 1942 года. Однако во второй половине августа противник нанес сильные удары шестью танковыми, одной моторизованной дивизией и двумя танковыми бригадами. Прорвав оборону, немецкие войска устремились к Шяуляю, оборону которого держали 2-я Гвардейская армия и 16-я Литовская стрелковая дивизия. Ожесточенные бои длились до октября, пока немцы не были отброшены от Шяуляя, и продолжилось наступление наших войск.

Я не могу точно сказать, когда наш полк и наша батарея вступили в этот литовский город. В Шяуляе шли бои. Советские войска взяли часть города и полуразрушенный вокзал, возле которого предстояло воевать нашему зенитно-артиллерийскому полку. Дали команду — готовиться к отражению танковых атак. В воздухе преобладала наша авиация. С танками дело обстояло сложнее.

У немцев к тому времени уже вовсю применялись новые танки «пантера» и «тигр» с лобовой броней толщиной 100 миллиметров, самоходки «фердинанд» — лобовая броня 200 миллиметров. Наши основные танки, Т-34 с 76-миллиметровыми орудиями, несмотря на свою маневренность и более высокую скорость, уступали этим машинам. Да и противотанковые пушки не всегда оказывались эффективными. Самоходно-артиллерийских установок САУ-85 и танков Т-34–85 с 85-миллиметровыми пушками еще не хватало. Наши зенитные орудия с хорошей оптикой и мощными зарядами смогли противостоять новым немецким танкам.

Снова рыли орудийные окопы, отсечные ровики для укрытия людей и боеприпасов. Разведка батареи разместилась метрах в трехстах впереди. Нас было пять человек с трофейным ручным пулеметом. Не поленились, долбили кирками и лопатами плотную землю, наспигованную обломками кирпича, ржавыми осколками. Неподалеку размещалась позиция пехоты. Сбегали, перекурили, послушали, где находятся немцы. До фрицев было метров шестьсот, но отдельные группы, и в том числе снайперы, подбирались ближе.

— Не высовывайтесь лишка, — напутствовали нас.

А как не высовываться? У нас бинокль. Разведка затем и поставлена, чтобы по связи передавать на батарею, что творится на передке. Землянку мы вырыли знатную. Почти блиндаж. Перекрыли яму бетонными балками, которые смогли поднять, бревнами, нашли пару дверей, доски. Сверху насыпали слой битого кирпича и полметра земли. Да еще нас прикрывал кусок стены, сквозь которую мы могли вести наблюдение.

Только долго в укреплении нам сидеть не пришлось. Вначале на отблеск бинокля отреагировал снайпер. Влепил пулю точно в яблочко. Наблюдателю повезло, что он от окуляров оторвался, давал глазам отдохнуть. Но осколками стекла и пластмассы ему посекло

щеку и ладонь.

Осколки мы вытащили, они в коже застряли, перевязали товарища. Доложили взводному, мол, нужен запасной бинокль. Где я вам его возьму? Хорошо, что одна половинка уцелела. Наблюдать все же можно.

Потом мой разведчик стал жаловаться, что раны сильно болят. Раны — одно название. Царапины. Но пришлось отправить его на батарею. Замену нам, конечно, не дали, и ночь провели вчетвером. Двое — спали, двое — дежурили. А утром немцы принялись крошить стену. После десятка гаубичных снарядов стена рухнула, и полетели 105-миллиметровые чушки в наше укрепление. Самодельный блиндаж рухнул, хорошо, что сами успели убраться. Заняли новую позицию, в развалинах дома. Шинели наши завалило, а летние ночи в Прибалтике сырые, холодные. Промучились. Пошли утром к пехотинцам. Стыдно было признаваться, что кроме бинокля еще и шинелей лишились. Пехота артиллеристов любит. Посочувствовали, покормили трофейным шпиготом, дали пару шинелей и плащ-палатку. Мало, конечно. Нам посоветовали:

— А вы с немцев снимите. Вон там свеженькие лежат. Как стемнеет, ползите. И обувкой заодно разживетесь.

Но скоро нам стало не до одежды. Пошли немецкие танки. Их было около десяти. В основном Т-4, обвешанные звеньями гусениц для дополнительной защиты, и два знаменитых «тигра». Громадины! Угловатые, высотой под четыре метра, длинноствольные 88-миллиметровые пушки с дульным тормозом. Танки двигались на большой скорости, километров под сорок, делая резкие повороты и уходя от прицельных выстрелов. Следом шли бронетранспортеры с пехотой. Наш дивизион просто пытались смять с ходу. Пока никто не стрелял. Только рев моторов и поворачивающиеся стволы орудий.

А потом загремело, заухало все подряд. Три наши батареи вели беглый огонь, а на нас сыпались мины, гаубичные снаряды и неслись трассы многочисленных пулеметов. Это была схватка с наступающими танками, которые не собирались отступать. Она совсем не напоминала давнишний бой под Ленинградом, когда мы били отступающего противника. Там пытались вырваться — а здесь кто кого! Бронебойный снаряд выбил сноп искр из брони Т-4. Еще один снаряд ударил в продолговатый броневой щит, прикрывающий ходовую часть другого Т-4. Я отчетливо видел отверстие на камуфлированной броне. Танк крутанулся, получил еще один снаряд и попятился, продолжая вести огонь. Он выпустил три-четыре снаряда. Почти обездвиженная машина была хорошей мишенью. Она загорелась первой. Из боковых люков стали выскакивать танкисты.

Но и нашим батареям приходилось туго. Одно орудие подбросило и опрокинуло. Плотность огня была такая, словно кто-то вколачивал снаряды и мины из огромного скорострельного механизма. Вспышка — и тут же столб земли, камней. Снова вспышка, а то и две-три подряд. Вверх взлетали обломки досок, человеческие тела, тряпки, снарядные гильзы. Мне по-настоящему стало страшно. По существу, мы были уже не нужны. Какое к чертям наблюдение, если бой идет на дистанции прямого выстрела!

Взяв себя в руки, приказал открыть огонь по танкистам, выбегающим из горевших танков, и пехоте, до которой было еще далеко. Связь не работала, и я послал бойца на батарею. Трофейный МГ-42 раскалился. Кажется, кого-то из немцев я достал. Но в нашу сторону потянулись пулеметные трассы. Пули крошили кирпич, потом начали взрываться мины. Разведчика, сидевшего в развалинах, метрах в семи от меня, накрыло прямым попаданием. Ни фамилии, ни имени не запомнил, сколько лет прошло. Осталось в памяти, как вытаскивал из кармана гимнастерки документы, фотографии, стараясь не глядеть на живот и ноги, превращенные в месиво.

— Уходим, Алексей! Убьют! — уговаривал меня единственный уцелевший разведчик, молодой круглолицый парень.

Он был прав. Но я знал и другое. Бросать наблюдательный пункт без приказа нельзя. Трибунал, а в этой горячке, может, и сразу расстрел.

— Нельзя! Нельзя! — бормотал я, выглядывая из-за камней.

Три танка горели. Остальные пятились назад. Помню, что одного подбитого «панцера» тянул на тресе «тигр». И оба непрерывно стреляли. Связь с батареей не восстановили, но прибежал посланный мною разведчик и сказал, что Терчук приказал всем срочно отходить на батарею.

— Жуть, что творится, — рассыпая махорку, сворачивал он самокрутку.

Я подобрал пулемет, но разведчик попросил передохнуть и опять повторил, что на батарее творится жуть.

— Слышал уже. У нас тоже не сладко. Глянь, вон...

Он только сейчас разглядел труп, измочаленный, с вывалившимися внутренностями. Пронзительно звенели мухи. Они налетали на мертвечину, не обращая внимания на стрельбу. Мы выкурили на троих «козью ножку» и побежали к батарее. Наверное, вовремя. Потому что снова полезли танки.

Позиция батареи представляла из себя груды земли, камней, искореженного железа, множество стреляных гильз. Два орудия были разбиты. Но два уцелели. Из полугрузового «виллиса» сбрасывали ящики со снарядами, нисколько не заботясь, что они могут рвануть. Свалив последний ящик, «виллис» понесся прочь как ошпаренный, только шины завизжали. На батарее пахло едкой гарью взрывчатки, разлагающимися человеческими внутренностями и кровью. Я навсегда запомнил эти запахи в вагонах санитарного поезда, когда помогали разгружать тела живых и мертвых.

— Алексей, станешь наводчиком ко второму орудью.

— Есть.

Народу на батарее хватало. Далеко не каждый осколок находит свою жертву. Но опытных наводчиков было мало. Прибывший недавно младший лейтенант, командир огневого взвода, видно, опыта не имел. Он растерянно топтался в своей командирской гимнастерке со звездочками, а я запоздало спросил про своего друга Гришу Селезнева.

— Убили Гришку, — сказал кто-то из бойцов. — Вон там лежит.

Я шагнул было глянуть, но Терчук прикрикнул:

— Куда? А ну, на место. Ты теперь замкомандира орудия.

И пошел к оцарапанной осколками зенитке с обгоревшей от быстрой стрельбы краской. Не скажу, что меня сильно потрясла смерть Гриши Селезнева. Конечно, я его жалел, но у меня просто не было времени думать о нем. И еще я с тоской размышлял, что вряд ли останусь в живых сам. И торопливо сортировал снаряды.

— Подкалиберные береги! — посоветовал мне пожилой подносчик. — Их всего шесть штук.

— А бронебойных?

— Пока хватит. Осколочных и фугасных — тоже. Ты гля, как «тигр» раздолбали!

Мне показалось, что подносчик хорошо выпивши. Мелькнуло: «Откуда на батарее спирт?» А не все ли равно. Угловатую громадину «тигра» раздолбали от души. Видимо, долго не хотел умирать этот зверь. Массивную башню подбросило взрывом боеприпасов, но не скинуло на землю, а лишь сдвинуло и развернуло. Люк командирской башенки был скручен, как листок бумаги, а левая гусеница и передние ходовые колеса были выбиты несколькими попаданиями. «Тигр» и сейчас продолжал дымить. Всего огнем трех батарей было сожжено четыре танка и разнесен бронетранспортер.

Я успокаивался, расставляя людей. Младшего лейтенанта Терчук послал командовать отделением бронебойщиков и пулеметчиков (два ПТР, «максим» и трофейный МТ-42). Офицер обрадовался, что снова при деле, и углублял окопы метрах в тридцати от орудий. Мне кажется, этот старательный лейтенант был хороший парень. Исполнительный и нетрусливый. Но возле орудий нужны были не командиры (хватало и Терчука), а опытные наводчики и заряжающие, прошедшие школу Ленинградского фронта.

Снова открыли огонь минометы, и комбат дал команду расчетам укрыться в отсечных ровиках. Возле орудий осталось по два человека, в том числе и я. Мне было восемнадцать.

Как и большинство своих сверстников, я не верил в смерть. Кого-нибудь, но только не меня! И все же страшно сидеть у панорамы, пригибаясь при каждом взрыве. Потом снова пошли танки. Сколько, не могу сказать точно. Они вылетали камуфляжной лентой с двух направлений. Мы открыли огонь.

«Тигр»! Тот, второй, который уполз. Бронебойный снаряд ушел поверху. Второй ударил в «подушку» орудия и высек сноп искр.

— Подкалиберным надо! — кричали над ухом.

Командир орудия приказал целиться в основание башни. Я выстрелил, и снова сноп искр из массивной «подушки». Затем ударил немец. Он взял низковатый прицел, а может, его сбили другие орудия. 88-миллиметровый осколочный снаряд врезался в траншею, где сидел младший лейтенант со своими противотанковыми ружьями и пулеметами. От сильного взрыва на несколько секунд заложило уши. Сверху посыпались комья земли, ошметки чего-то мягкого, скрученный кусок ружья.

Мы всадили в «тигр» штук семь снарядов, но даже подкалиберные застревали в броне. Мы не могли нащупать нужное место. Все же что-то повредили в этой махине, и она, выпуская снаряд за снарядом, отползала назад. Вперед вырвался старый знакомый Т-4. Ему врезала по ходовой части соседняя батарея (тоже два побитых орудия), а затем добились мы. Сноп пламени отбросил башню вместе с пытавшимся выбраться танкистом.

Танки, описывая зигзаги, шли в лоб, а сверху продолжали сыпаться мины. За прицел первого орудия сел капитан Терчук. Это был критический момент боя. Кто кого! Терчук вбил снаряд в передок танка. На соседней батарее вместе с грохотом взорвавшихся боеприпасов закувыркался, давя людей, массивный ствол с казенником и откатником. Все кончилось как-то вдруг. Немцы прекратили атаку, оставив еще три подожженных танка. Взрывались боеприпасы, убегали уцелевшие танкисты, а наши орудия всаживали в них, в битые танки, бронетранспортеры снаряд за снарядом. Бронебойные, осколочные — все подряд.

Мы были как чумные. Отравленные ядом сгоревшего пороха и взрывчатки, нагледевшиеся, как гибнут наши товарищи. Снаряды не пощадили даже мертвых. Тела, уложенные в ряд и накрытые плащ-палатками во время передышки, разбросало метров на десять. В месиве разорванной плоти невозможно было определить, кому что принадлежит.

У нас осталось всего одно орудие. Второе перевернуло взрывом, согнуло ствол. Кругом лежали трупы, полузасыпанные землей и щебнем. Последняя атака обошлась нам дорого. Помню, меня поразило обилие ботинок, в которые были обуты большинство зенитчиков. И пустых, и с оторванными ступнями. Мне объяснили, что ботинки срывает от сильного удара взрывной волны. И, как правило, тело человека такого удара не выдерживает. Ломается, умирает...

Пошел дождь, смывая с нас копоть и грязь. Было легче копать могилы. Среди погибших я с трудом узнал своего друга, Гришу Селезнева. Сколько мы тогда похоронили людей? Человек двадцать пять закопали и поставили пирамидку со звездочкой, сколоченную из снарядных ящиков. Сорок с лишним раненых отправили в санбат. Вечером ели перловку с говядиной, селедку и поминали погибших. Водки хватало. Привезли на полный состав батареи, а нас и половины не осталось.

Очень жестокий был бой. Может, самый жестокий за всю мою войну.

В Шяуляе мы простояли долго. Несколько месяцев. Танки на нас так отчаянно больше не лезли. Вскоре нам заменили разбитые орудия, рядом окопалась пехотная часть со своими пушками и минометами. Стало веселее. Хотя сыпались на нас снаряды и мины, но разгуляться немцам не давали. Сразу открывали ответный огонь.

Врезался в память один эпизод незадолго до моего девятнадцатилетия. Однажды я выбирал позицию для наблюдения и вышел на поляну среди кустов. Прошел, не глядя под ноги, несколько метров и оцепенел. Вся поляна была усыпана противопехотными минами, которые лежали в траве буквально впритык друг к другу. Наступишь на одну, и сразу от детонации начнут рваться соседние. Поляна сразу превратится в огненный вулкан, уцелеть в

котором просто невысказано. Видимо, немцы рассчитывали, что какое-то наше наступающее подразделение наткнется с ходу на этот смертоносный пяточок. Потери были бы большие. Тем более кроме мин там, скорее всего, были установлены и мощные фугасы, рассчитанные на танки. Весь мокрый от пота, я кое-как выбрался с минного поля, доложил о находке начальству. Затем долгое время я невольно глядел себе под ноги. Этот минный «пирог» снился мне потом не одну ночь.

Линия фронта продолжала оставаться на месте до октября 1944 года. Немцы подтянули имеющиеся силы и отражали удары наших войск. Бои то затихали, то начинались вновь. Фрицы понимали шаткость своего положения. Мощный удар, и сто с небольшим километров до побережья Балтики наши танковые корпуса пройдут за считанные дни. Под угрозой окружения оказалось большое количество немецких частей: группа армий «Север» и оперативная группа «Нарва». Но глубоко заглядывать в стратегию нам бы никто не дал. Мы просто продолжали удерживать литовский город Шяуляй.

Меня снова вернули в разведку и дали приказ оборудовать вместе с минометчиками наблюдательный пункт. Выбрали место метрах в пятистах от батареи. Мы догадывались, что на позиции предстоит находиться долго и оборудовать ее надо как следует. В разрушенном двухэтажном доме устроили наверху наблюдательный пункт. Укрытие и место для отдыха — в подвале. Наступил сентябрь, ночи стали сырые и холодные. Притащили из ближних развалин несколько пружинных матрацев, кое-какое уцелевшее тряпье, набрали сухой травы. Принесли массивную крышку от круглого стола, взгромоздили ее на кирпичи, а на стену повесили календарь за тридцать девятый год.

Первая же попытка растопить самодельную печку, даже в сумерках, сразу выдала нас. Полетели восьмидесятимиллиметровые мины, в нескольких местах обрушилась стена. Мы выследили немецкую батарею, и по ней открыли огонь минометчики. Немцы понесли потери и укатили на тележках оставшиеся минометы. Но и наш наблюдательный пункт засекали. Из-за груды развалин выкатила самоходная установка «Артштурм» и выпустила десяток снарядов по дому.

Второй этаж обрушился. Наши разведчики успели выскочить, а минометчика завалило обломками. Самоходка исчезла так же быстро, как и появилась. Мы кое-как откопали тело солдата, во дворе дома появился холмик со звездой на металлическом стержне. К сожалению, не последний. Менять довольно надежный подвал мы не хотели, а наблюдательный пункт перенесли на чердак каменного флигеля. Ничего более подходящего не нашли. Стояла метрах в ста пятидесяти кирпичная труба с отбитым верхом, но по ней лупили из пушек все, кому не лень, подозревая, что там находятся наблюдатели.

К нам подселили трех человек из взвода разведки гаубичного дивизиона. Ребята оказались веселые, простые, мы быстро сдружились. Стало легче дежурить по ночам, когда шастающие по городу немецкие разведгруппы могли напасть в поисках «языка». Держали оборону на своей позиции мы не зря. С чердака выгоревшего флигеля мы просматривали довольно большую территорию. Помню, немцы установили ночью четыре тяжелых шестиствольных миномета и открыли огонь по нашим. Гаубичники удачно скорректировали свои шестидюймовки и обрушили на батарею осколочные снаряды. Утром, рассматривая перепаханную землю и груды кирпича, мы с удовлетворением отметили, что, по крайней мере, два «ишака» (их называли так за характерный воющий звук мин) разбиты. Трупы немцы, как всегда, забрали с собой.

На наблюдательном пункте я лишний раз убедился, насколько близки жизнь и смерть на войне. Старший из артиллеристов гаубичного дивизиона, лейтенант, единственный офицер среди нас, никогда не кичился своими звездами, орденом Отечественной войны и не лез командовать. Ему приходилось каждый день ходить на доклад к своему начальству. Была ли в этом необходимость? Вряд ли. Город, в котором идут бои, — не лучшее место для прогулок. За харчами мы ходили по очереди, раз в день, когда темнело. Заодно докладывали обстановку, хотя связь действовала постоянно.

Однажды, возвращаясь с харчами, я попал под сильный минометный обстрел. Меня

спасло то, что я бросился в лужу, термос на спине вспоролось осколком. Немного полежав, я пополз на НП. Меня чуть не добил снайпер, промахнувшись на полметра. Уже рассвело, но я понимал, что медлить опасно. Оставшиеся метры пролетел одним махом, вторая пуля запоздало ударила под ноги. Я предупредил ребят насчет снайпера, и мы все посоветовали лейтенанту пореже ходить на доклад. Он согласился, но поступил по-своему. Наверное, хорошая оптика у гада-фашиста была.

Лейтенант, тяжело раненный в грудь, все же дополз до НП. Боец, кинувшийся к нему на помощь, был тоже ранен. Вызвали артиллерию и шарахнули наугад из гаубиц и минометов по возможным укрытиям снайпера. Попали или нет — неизвестно, но тот угомонился. А во дворе дома появился второй бугорок — лейтенант истек кровью.

Получил благодарность от командира дивизиона за то, что вовремя подал сигнал о налете вражеских самолетов. Шестерка «Юнкерсов-87» под прикрытием истребителей шла низко. Дивизион их встретил огнем. Поврежденный «юнкерс», дымя, делал круг, разворачиваясь назад. Из окопов, из развалин по нему лупили из всех стволов. Добили. Он рухнул на нейтралке, и рядом упал летчик, который успел выпрыгнуть, но не сумел раскрыть парашют.

В другой раз я наткнулся на немцев. Их было двое. Спасло то, что держал автомат наготове. Как чувствовал. Ударил длинной очередью и свалил фрица. Второй отбежал и, спрятавшись за грудой кирпичей, открыл по мне огонь. Немецкие разрывные пули — поганая вещь. По-моему, в войну только немцы ими и пользовались. Попадет в живот, ни один хирург не заштопает. Я в горячке выпустил весь диск, вставил запасной. Ко мне на помощь прибежал разведчик из моего отделения:

— Леша, прижимай его очередями, а я обойду с фланга.

Так и сделали. Немец не выдержал и побежал. Мы стреляли ему вслед, но, видимо, торопились. Он убежал. А я подошел к мертвому. Это был первый немец, чье лицо я видел. Смуглый, в прорезиненной куртке, с автоматом. Автомат и документы забрал. Терчук сказал, что напишет представление на «отвагу» и за самолет, и за тот бой с танками. Может, и написал, но медаль «За отвагу» я так и не получил. Тем более вскоре Терчук принял дивизион, и ему стало не до меня, одного из десятков сержантов дивизиона.

В начале октября наша часть двинулась на запад, к Балтике. Прижатые к морю немцы предпринимали отчаянные контратаки. Немцы всегда берегли своих солдат, но здесь, недалеко от побережья Балтики, атаки уже обреченных частей вермахта были яростными до бессмысленности.

Мне пришлось видеть наступление, которое вела, наверное, целая дивизия. Шли танки, штурмовые орудия, бронетранспортеры, пехотные цепи. Я видел сражения, где перемалывались наши полки и дивизии, и вот пришлось наблюдать, как уничтожают немцев. Взрывы снарядов и мин покрывали огромное пространство. На штурмовку проносились над головами наши «илы», выпуская серии реактивных снарядов, пушечные и пулеметные трассы. Возвращались на дозаправку, а на смену их летели новые эскадрильи. Шли танки, проламывая ряды немецких бронированных машин.

Вела огонь наша батарея. Люди задыхались от дыма и порохового угара. Обматывали лица мокрыми тряпками. Каждый командир орудия сам выбирал себе цель. Меня снова поставили наводчиком. Запомнилось, как приземистое штурмовое орудие, с короткоствольной пушкой сумело прорваться вплотную к батарее. На броне были отчетливо видны вмятины от снарядов, но самоходка продолжала двигаться и стрелять. Снаряд разметал расчет соседнего орудия. Самоходка крутнулась в нашу сторону. Расстояние не превышало восьмидесяти метров. Мы выстрелили одновременно, но слишком спешили. Наш снаряд прошел мимо, а немецкий фугас взорвался в дальнем конце окопа, разметал на куски одного из подносчиков, сбил нас взрывной волной. Нас спас уцелевший командир соседней зенитки. Пока мы поднимались, он выстрелил и попал в броню над пушкой. Оглушил экипаж. А мы от пережитого страха действовали как автоматы. Хоть и контуженые,

оглохшие, кровь из носа и ушей, но снаряды выпускали один за другим. Раздолбали, взорвали самоходку, и убежавшему немцу под ноги снаряд вцепили. Он метров пять прополз и замер, а рядом самоходка, как факел, горит. Никто из этого «артштурма» не уцелел. Весь фрицевский экипаж накрылся. А мы после боя для своих погибших братскую могилу копали. Какую по счету? Не вспомнишь.

В январе сорок пятого был взят Мемель. Позже его переименовали в Клайпеду, а как называется город сейчас, не знаю. Литовцы сделали все, чтобы исчезла память о наших солдатах, погибших в войне с фашизмом. В Мемеле мы опять вступили в бой с отступающими немецкими танками, бронетранспортерами, пехотой. Несли потери, хоронили товарищей.

Я был свидетелем, как из порта торопливо уходили последние корабли. Отход прикрывали эсминцы, возможно, крейсера (я не очень разбираюсь в классификации кораблей). Видел, как наши штурмовики сбрасывали тяжелые бомбы на транспорты, набитые войсками. «Илы» бросали тяжелые бомбы с небольшой высоты, почти в упор. Если один промахивался, то второй обязательно попадал. На моих глазах утонули пять или шесть немецких транспортов. Море было усеяно обломками, спасательными плотами, барахтающимися людьми. В ледяной воде Балтики они быстро погибали. А самолеты звеньями шли к горизонту, догонять другие транспорты. Потери на воде немцы несли огромные.

Мы снова рыли окопы для орудий, нам непрерывно подвозили снаряды. В тот период я уже отчетливо представлял конец войны. Наши бомбардировщики в сопровождении истребителей, волна за волной, группами по 50–60 самолетов летели на юг в сторону Германии. Самолеты шли с утра до вечера через каждые полтора-два часа. Я чувствовал гордость за нашу армию, представляя, что творится там, где самолеты сбрасывают свой смертоносный груз. Может, чувство мести не лучшее в человеке, но я не испытывал никакой жалости к людям, которые были обречены погибнуть под бомбами. Слишком много страшного я, девятнадцатилетний мальчишка, нагляделся на войне. Наверное, никогда не забыть, как в 1942 году за школьниками и женщинами гонялись «мессеры», когда мы рыли окопы.

Немецкие летчики пишут мемуары. Знаменитый ас фашистской Германии Эрих Хартман, обласканный Гитлером, а позже возведенный в «рыцари» некоторыми американскими историками, и прочие подобные ему герои, наверное, никогда не признались бы, что гонялись на своей мощной технике за детьми и женщинами. Развлекались? Или плюсовали к своей бухгалтерии якобы убитых русских солдат и командиров? Только военных среди нас не было. Для таких «рыцарей» мы были не более чем букашки. Раздавил и полетел дальше. И аппетит, наверное, хуже от этого не стал.

Но возвращусь к Мемелю. Наши самолеты шли добивать фашиста в его логове, как писали тогда газеты, но потери несли большие. Я снова был в разведке, все время следил за небом и заранее угадывал приближение наших возвращающихся самолетов. И моторы работали совсем по-другому, некоторые с перебоями. Шли уже не сплошным ровным строем, а сильно поредевшей группой. Тянулись поодиночке поврежденные машины. Зенитная артиллерия у немцев была сильная, и потери наши самолеты несли до самого конца войны. Я видел это своими глазами.

Ну, что еще добавить? Я прошел Прибалтику, там встретил Победу, как следует отметил ее с однополчанами. Как к нам относилось местное население? По-разному. В городах — неплохо, в селах — хуже. Помню, как уже после войны, в сорок шестом году, пошел в Каунас покупать сигареты. Недавно прошли выборы, итогами которых литовцы были, конечно, недовольны. Хозяин лавки, подавая мне папиросы, зло пробурчал:

— Убирались бы вы домой, в Россию!

Ну что ж, его мечта через 45 лет исполнилась.

Я же прослужил еще два года в Туркмении и в 1948 году демобилизовался в звании сержанта.

Наградami нас сильно не баловали. Получил я медаль «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и позже — орден Отечественной войны. Считаю, что особых подвигов не совершил, просто выполнял свой долг. А погибнуть мог десятки раз. Повезло. Осколки и пули пролетали мимо. Судьба. А может, крепко молилась за меня мать.

Как живу сейчас? В общем, нормально. Квартира со всеми удобствами, военная пенсия, льготы, как участнику войны. Сын отслужил в армии, ушел в отставку подполковником. Помогает нам. Может, не все нравится мне в современной жизни. Разбазаривание страны, преступность, воспитание молодежи. Но я уверен, что плохое всегда когда-то кончается, и Россия будет сильной и богатой, справедливой страной.

Связист, бронбойщик, пехота

Я был связистом, бронбойщиком, а после войны строил сталинский канал «Волго-Дон».

Шабалин С. М.

Степан Михайлович Шабалин — один из рядовых солдат Великой Отечественной. Война обернулась для него не только двумя тяжелыми ранениями, но и всеми тягестями службы рядового бойца Северо-Западного фронта. Он прокладывал под огнем связь в лесах и болотах. Отражал танковые атаки с бронбойным ружьем в руках. Сам не раз ходил в атаку, вступая врукопашную с врагом.

Тридцать лет он служил в пожарной части, закончив службу на скромной должности старшего сержанта. Я всегда уважал Степана Михайловича за доброту и рассудительность. Перед вами дорога рядового Шабалина через войну.

Родился в селе Гондарево, Глазовского района Удмуртской АССР, 28 января 1924 года. Отец и мама — колхозники. Детей в семье было пятеро. Четверо сыновей и дочь. Я был самым старшим. Закончил шесть классов и пошел работать в колхоз. Продолжать образование возможности не было. Зарботков не хватало.

Расскажу немного про наше довоенное житье-бытье. Денег в колхозе тогда не платили, а раз в год, осенью, мы получали в зависимости от «палочек-трудодней» и урожая оплату за весь год. В среднем на каждого из трех работников (отца, маму и меня) приходилось килограммов по 120–150 необмолоченного зерна, в основном ржи, и воз-два соломы для скота. Зимой колхоз тоже подбрасывал немного соломы. Вот и все зарботки.

Прожить на эти трудодни семье из 6–7 человек было невозможно. Помню, что половину своего приусадебного участка мы засевали ячменем, сажали много картошки (второй хлеб!), овощи: капусту, свеклу, репу, огурцы. Сушили связками грибы, которых в наших лесных краях хватало. Ну, а живности держали немного: корову, свинью, две-три овцы, десяток кур, трех-четыре гусей.

Больше не разрешали. Не хватало кормов, да и налоги били крепко. Корова отелится, а родители уже думают, куда теленка девать, потому что буквально через месяц явится учетчик, и придется за теленка платить налог, как за взрослую корову. По этой же причине и свиней до полного веса не выращивали. Мясо ели в основном по праздникам. На зиму резали пару овец. Отец делал подобие мешка из нутряного сала и набивал его кусочками соленой баранины. Мясо сохранялось несколько месяцев. Мама клала его вместе с жиром в суп или щи — считай, праздник!

Хлеб пекли в домашней печи. Вкусный, хороший хлеб. Но ближе к весне приходилось разбавлять ржаную муку ячменной, и хлеб становился жестким, невкусным. В общем, жили, как повсюду в России. Друг другу помогали, а замков в нашем селе в те годы отродясь на

двери домов не вешали. Если все куда-то уходят, палочку в щеколду вставят, вот и весь замок. И праздники отмечали, и молодежь на гулянки собиралась. Нормально жили, если не нить. Кстати, спиртным в селе не баловались. Выпивали в основном по праздникам, иногда в воскресенье, если работы немного было. Пили в основном брагу, реже — самогон и совсем редко водку.

Вспоминаю и думаю: нормальная жизнь была, если только тяготы да нехватки без конца не вспоминать. А тяготы нам еще предстояли. Такие, о которых и не гадали...

Война обрушилась внезапно. Мы, мальчишки, радовались, как дурачки, мечтали: будем фашистов бить, ордена зарабатывать. А матери навзрыд плакали. С первых дней взрослые почувствовали, что долгой и страшной будет война и многие с нее не вернуться. А вскоре пошли похорошки.

Меня должны были забрать в армию по возрасту в начале 1942 года, но я и еще несколько десятков ребят и мужиков из окрестных деревень работали на строительстве железнодорожного моста через реку Сэпыч. Я возил на подводе гальку, песок, продукты, суп, кашу в термосах. Считался нужным работником, хоть и стремился на фронт. Мост был важным военным объектом.

В армию я был призван, как значится в моей красноармейской книжке, 9 октября 1942 года. Может, эти месяцы и спасли мне жизнь. Сколько моих ровесников погибли в страшной мясорубке сорок второго года, во время бездарного наступления под Харьковом маршала-героя Тимошенко в компании с будущим главой страны Хрущевым. И позже сотнями тысяч погибали солдаты и командиры во время отступления на юг, к Дону, к Кавказу, в битве за Сталинград.

В ноябре 1942 года наш эшелон прибыл в город Свердловск (ныне Екатеринбург). Нас стали учить на связистов. Скажу, что учеба была организована хорошо. Мы, две учебные роты, занимали двухэтажную казарму. В шесть — подъем, зарядка, завтрак и до обеда занятия в поле или учебном классе. Учились премудростям полевой телефонной связи, без которой не может существовать ни одно подразделение.

Вроде простая вещь — стоят столбы вдоль дороги, на них изоляторы и нити проводов. Но не так все просто оказалось, когда сами за работу взялись. Теорию прошли, давай практику! Пилы, топоры, ломы, кирки, лопаты. Лес большой, выбирай нужную сосну, ошкуривай. Помню, первый столб поставили, а сержант, командир отделения, его плечом поддел и свалил. Надо яму глубже рыть, второй столб-подпорку проволокой прикрутить и трамбовкой изо всех сил мерзлую почву уплотнять.

Мороз под тридцать, а от нас пар валит. Кажись, нормально. Кажись...

— А ну, качните, — скомандовал сержант.

Качнули. Как гнилой зуб, наш столб шатается, а у нас сил нет. Темнеет.

— Ладно, одевайтесь. Завтра не уйдете, пока как следует не сделаете.

Вот так и учились. Протянули линию. Теперь изоляторы ввинчивать. Кто из мальчишек не помнит, как электрики на «кошках» по гладкому столбу взбираются? Полминуты — и он наверху. А у нас слабо получается. Соскальзываем, пыхтим. Кто нос разобьет, кто метров с четырех шмякнется. Ведут бедолагу в санчасть. Залеживаться не давали. Через день-два снова лезь. Потом учились в мерзлое дерево изоляторы ввинчивать, тянуть линию. Движок на две роты имелся. Учились контактной сварке. Ну, и полевую связь постигали. Катушка с полпуда на спине, и дуй вперед. Обрыв! Зачищай лежачие концы и дальше иди. Или ползи. Смотря какая задача и где ты по учебному плану находишься. На «передовой» только ползком.

Два раза в неделю — стрелковая подготовка. Винтовку Мосина, нашу знаменитую трехлинейку, мы изучили до винтика. Пару раз в месяц ходили на стрельбище. Обычно выдавали по три патрона. Большинство ребят стреляли и владели штыком неплохо. Никакого другого оружия мы не изучали. Уже на фронте я познакомился с автоматом ППШ, пулеметом Дегтярева, трофейными автоматами.

Кормили хоть и однообразно, но голодными мы не ходили. На завтрак — картошка или

суп, ломоть хлеба и сладкий чай. На обед — щи, суп с кусочками мяса или консервированной рыбой и каша: перловая, ячменная, пшенная. Ну и ужин — суп или каша, чай.

Очень много времени тратили на изучение уставов. Там надо было многое запоминать, зазубривать наизусть. А мы даже название уставов забывали. С утра учеба вроде ничего шла, а если после обеда, то засыпали. Один носом клюнул, второй, глядишь, уже полвзвода спит, аж похрапывают. Вдруг громкая команда:

— Взвод, смирно!

Мы вскакиваем сонные и выслушиваем нотацию, что без уставов ни одна армия существовать не может. Но преподаватели не злые были. Обычно без нарядов обходилось. Выговорят и просят:

— Не спите, ребята! Не дай бог начальство заявится. Неприятностей не оберешься.

Мы понимали своих учителей. Большинство в возрасте, семейные, хватнули войну и снова на передовую не рвались. Если начальство увидит, что не справляется, могут с любым выпуском в маршевую роту включить. Из-за этого некоторые из шкуры лезли. Попозже расскажу, что получилось.

Занимались с нами строевой подготовкой (как мы ее не любили!), и, конечно, велась постоянная политучеба. Много вопросов возникало у нас, простых деревенских парней: почему отступили до Волги, почему немцы столько городов взяли? Но политработников не зря в армии держали. На все имелось объяснение. И вероломство Гитлера, и происки буржуазии. А главное: «Наше дело правое — мы победим!» А тут как раз победа под Сталинградом. Десятки освобожденных городов, разгромленная и взятая в плен 6-я немецкая армия во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Фраза «разгром немцев под Сталинградом» мелькала на страницах всех газет, в кинохронике, которую нам показывали. Гитлер на Волге крепкую оплеуху получил. Не зря три дня траур по всей Германии справляли. Мы искренне радовались нашему мощному наступлению, смертоносному огню «катюш», огненные стрелы которых застилали все небо. И знаменитые «тридцатьчетверки» мчались вперед, поднимая клубы снежной пыли, и колонны оборванных немецких пленников гнали на восток.

Если вспомнить учебу, то учили и воспитывали нас крепко. За эти пять месяцев мы почувствовали себя солдатами. Одни караулы чего стоили! Винтовка со штыком, десять патронов, пароль, отзыв. Лес, темнота, мороз трещит, а ты ходишь с трехлинейкой на изготовку и несешь полную ответственность за склады со снаряжением, боеприпасами, продовольствием. За безопасность своих товарищей, спавших в казарме.

Не знаю, как где, но у нас случаев сна на посту не было. О таком даже подумать боялись. Понимали, что это не зубрежка уставов, а самая настоящая боевая служба. Хотя всякое случалось. Был в учебке ушлый лейтенант, ко всем придирался. А его взводу мы не завидовали. То в столовую по три раза гоняет, мол, поют в строю плохо, то строевой в свободное время заставлял свой взвод заниматься. Хотел, чтобы начальники его старательность оценили.

Однажды ночью лейтенант заговорил зубы караульному и отобрал обманом винтовку. Невелика заслуга деревенскому парню лапши на уши навесить. Вызвал дежурного, поднял шум, крепко досталось начальнику караула и командиру взвода, где состоял курсант. Но командиру учебного полка, пожилому полковнику, кажется, это не понравилось. Курсанту вlepили суток трое «губы» и объявили строгий выговор на комсомольском собрании. А лейтенанта полковник якобы не только не похвалил за служебное рвение, а выговорил, вроде того: «Нельзя с молодыми бойцами такие штучки затевать. Они на посту, а оружие не игрушка».

Как в воду глядел полковник. Спустя недели две разводящий сержант, проверяя посты, перепутал отзыв. Вместо слова «затвор» сказал «курок» или что-то вроде этого. Красноармеец, крепко накрученный на бдительность и видевший позор своего товарища, передернул затвор и заставил разводящего со сменщиком брякнуться лицом в снег. Сержант

стал выкрикивать правильный отзыв, но возле его шапки раскачивался начищенный трехгранный штык. Вызвали начальника караула, да не сразу его нашли. Взбешенный на салагу сержант пытался вскочить, но ударил предупредительный выстрел. В общем, шума было куда больше, чем в первый раз. А того лейтенанта, который своими хитростями всю кашу заварил, с первой же группой выпускников отправили из учебного полка в другое место.

Всякое за пять месяцев случалось. Но больше по мелочам. То драка из-за какой-то ерунды, то старую шинель на новую поменяют. Впрочем, нового у нас ничего не было. Все обмундирование — б/у. Потертые шинели и гимнастерки, некоторые даже с заштопанными дырками от пуль и осколков. Ботинки поношенные, с обмотками. Но белье выдавали двойное, хорошие трехпалые рукавицы и гоняли так, что мы от холода не страдали.

Ребят многих я долго помнил, но время свое берет, имена и фамилии подзабыл. Тем более раскидали нас по разным местам.

В апреле 1943 года мы закончили учебу. Пять месяцев учились. Вот ведь какая непростая штука — связь. Позже, на фронте, мы это хорошо поняли. Пять-шесть месяцев артиллеристов и танкистов учат. Тем, кто постарше и с образованием, присвоили сержантские звания, а большинство выпустили рядовыми, как и меня.

Я попал в отдельный батальон связи, недалеко от Ленинграда. Часто меняя дислокацию, мы оставались в основном в 5–10 километрах от линии фронта. Работы для нас было много. Порой ночь и две не спали. Прикорнешь на пару часов, вот и весь сон. Кроме знакомых телефонных столбов, занимались установкой и обслуживанием шестовой связи («шестовки»). Если объяснить проще, изготавливали двухметровые кольца с металлическими наконечниками, с изоляторами наверху, и крепко втыкали их в землю в безлесной и болотистой местности строго по азимуту. Как я понимал, обеспечивали систему связи между полками, дивизиями, отдельными подразделениями.

Что можно вспомнить из того периода? В январе сорок третьего года была прорвана блокада Ленинграда, но ожесточенные бои на нашем, северо-западном направлении шли непрерывно. Обстрел передовых и вспомогательных частей шел постоянно. Не говоря о многочисленных немецких полевых пушках, по нас вели огонь и шестидюймовки, и 173-миллиметровые дальнобойные орудия, швыряющие снаряды весом 70 килограммов.

Мы несли постоянные потери. Конечно, не такие, как на передовой, но ощутимые. Многочисленные линии связи, которые мы обслуживали, часто нарушались во время обстрелов. Обычно по двое или по трое с винтовками, гранатами, инструментом, запасом кабеля мы шли искать повреждения. И вдоль дорог, и в лес, и в болото.

Особенно напряженно чувствуешь себя среди замерзших пустынных болот или в глухом лесу. Немецкие группы нередко просачивались через линию фронта, погибали наши связисты, некоторые пропадали без вести. Идешь и настороженно смотришь по сторонам с винтовкой на изготовку. Мальчишки ведь! Мне всего девятнадцать в январе сорок третьего стукнуло.

Помню, однажды, в конце весны, когда снега почти не осталось, послали двух связистов восстановить замолкшую связь. Время идет, а они не возвращаются. Послали командира отделения и меня. Углубились в лес и видим два тела. Наши! Мы их по катушкам на спине угадали. Лежат неподвижно, на подтаявшем снегу пятна крови. Мы сначала подумали, что на засаду ребята нарвались. Сняли винтовки с предохранителей, патроны уже в стволе, гранаты приготовили и вертим головами по сторонам, ищем немцев. Тихо вокруг. Подождали минут пять, пальнули пару раз в кусты и осторожно приблизились к убитым.

Трупы уже заоченели. Меня словно обухом по голове. На фронте еще новичок, не привык к смерти. А тут сразу двое ребят из нашего взвода. Запомнил белые бескровные лица, у одного обмотка размоталась, и серой трехметровой лентой тянется. Осмотрелись кругом, поняли, что попали они под артобстрел. В лесах много подразделений стояло, ну, немцы и долбили, когда по данным воздушной разведки, а когда и наугад. Три воронки уже

талой водой заполненные, а четвертый снаряд в сосну ударил, метрах в двадцати от наших.

Одного погибшего я хорошо знал, Василием звали. Из-под Костромы. Осколок попал ему в затылок. Из шапки торчали пропитанные кровью лохмотья. Другой боец, чернявый, маленький, получил несколько ранений. Пытался ползти, да так и замер навечно. Мы срастили перебитый провод, забрали документы, оружие и поплелись в роту. Молча. Погибших на следующий день похоронили.

Одновременно мы учились, осваивали новую технику. Однажды после учений возвращались голодные. Почти бежали в сторону полевой кухни. А в тот период из Ленинграда по пробитому «коридору» выводили гражданское население. Смотрим, стоит у нашей кухни длинная очередь изможденных людей: мужчины, женщины, дети. Подставляют кастрюльки, котелки. Наш повар черпаком наливает им мясной суп — наш обед. Посмотрели мы на этих усталых, голодных людей, и взводный скомандовал:

— Пошли назад. Чего глаза лупить? Пусть люди едят. Вон тощие какие.

С кормежкой под голодным Ленинградом туго было. Всегда есть хотелось. Зимой все перемороженное: картошка, капуста. Бывало, из убитых лошадей похлебку варили. Варишь ее час, второй, пена темная идет, а мясо, как резина. Ребята голодные, торопят «повара»:

— Давай быстрее! Горячо сыро не бывает.

Однажды с жадности отделением бак из-под молока, полный такого старого мяса, съели. Без хлеба, соли. Когда, не жуя, последние куски заталкивали, испугались — вдруг заворот кишок случится. Обошлось. Болели мы тогда редко. А столько мяса больше никогда не доставалось. Если что добудем, старшина поделит на крошечные порции, чтобы всем хватило. Запиваем для сытости кипятком, да еще если по самокрутке... Хорошо!

В конце сорок третьего года, в один из дней, война показала нам, чего стоят наши жизни. На рассвете немцы бомбили автоколонну. Нас подняли по тревоге. Отправились группой во главе с взводным лейтенантом. Убитых и раненых нам уже достаточно довелось увидеть. Но здесь мы просто опешили. Страшную картину увидели. На укатанной зимней дороге на расстоянии примерно километра стояли наши «полуторки» и ЗИС-5. Штук пятнадцать, не меньше. Одни догорали, воняя резиной. Другие были разбиты вдреизг прямыми попаданиями: мотор да рама оставались. Разнесенные в щепки деревянные кабины, кузова и колеса разбросаны вокруг. Из снега то рука, то нога торчит. Здесь я впервые узнал, как пахнет сторовшая человеческая плоть. Из ЗИС-5 труп шофера вытаскивают, а он черный, обугленный, чуть больше метра. На сожженном лице белые зубы скалятся. Жутко.

Двое водителей, поотчаяннее, в сосняк через поле рванули. От одной машины обломки вокруг воронки остались, а второй повезло. Шофер и людей вывез, и машину спас. Так нам рассказывали. А самолетов было штук девять. Хватило, чтобы колонну раздолбать и смыться, пока наши «яки» прилетели.

Выжившие укатили в сторону фронта, раненых тоже увезли. Возле не до конца разбитых машин суетились ремонтники: откручивали колеса, разбирали моторы. Десяток бойцов расширяли кирками и лопатами большую воронку, а на обочине дороги лежали погибшие. Много. Два длинных ряда мертвых — человек восемьдесят, а может, сто. Некоторые тела сильно обгорели, у кого-то руки-ноги оторваны. Повздыхали. Вот она, жизнь солдатская.

Лейтенант нам долго рот разевать не дал. У нас свое дело. Взялись за ремонт связи. Столбы почти не пострадали, если не считать нескольких шербин от осколков. Но провода во многих местах были перебиты осколками. «Кошки», то бишь когти для лазания по столбам, мы уже освоили хорошо. За полминуты на столб взлетали. Исправили повреждения, проверили связь. Работает. Лейтенант забрал большую часть бойцов, а сержанту и троим (в том числе мне) приказал проверить участок связи в лесу. Там что-то барахлило.

Ребята в село двинулись, а мы, четверо, зашагали в лес. День был не очень холодный, но ветреный. Мела поземка. Шли молча, подавленные жуткой картиной, увиденной на

дороге. Может, поэтому и немцы нас не услышали. А первым их увидел боец по кличке Лесник. Высокий, длиннорукий, лучше всех лазавший по столбам. Местность вокруг была болотистая, березки, осины. Лесник топтал тропу впереди всех. Вдруг повернулся и бросился к сержанту. Зашептал:

— Немцы... четверо, кажись.

Мы залегли кучкой, осторожно, чтобы не звякать, передернули затворы. Снегу было сантиметров сорок. Зарылись мы, одни головы торчат да стволы винтовок. Немцы впереди или наша разведка, мы еще не были уверены. До них было метров сто пятьдесят. Шли они тоже четверо, поперек нашего пути, и скоро должны были сблизиться метров до восьмидесяти. По характерному покрою белых курток, стволам автоматов мы поняли — точно немцы. Сержант собрал несколько гранат и сунул Леснику. Тот рукастый, далеко умел их швырять. Скомандовал:

— Ползи вон туда. Только быстрее. Кинешь гранаты, когда мы начнем стрелять.

Парень кивнул и пополз, оттопыривая зад. Быстро полз, как бульдозер снег разгребал. Я бы так не смог. А мы, трое, выждав несколько минут, залпом ударили по немцам. Если можно назвать залпом нестройный треск трех винтовок. Попали в кого, неизвестно. Немцы мгновенно исчезли среди бугорков и осин. И сразу автоматы затрещали. Сначала длинные очереди, потом короче, но частые. Сержант вовремя команду подал. Сто с лишним метров для немецких автоматов расстояние немалое. Пули идут вразброс, хотя и густо.

— Бей по вспышкам! — услышал я команду.

Выпустил одну обойму, зарядил другую. Разрывная пуля по ветке в метре от меня звонко лопнула. Щеку обожгло. Я невольно головой в снег сунулся. И тут четыре гранатных взрыва — один за другим. Ветки сверху посыпались. А Лесник уже бьет из винтовки, с фланга. И мы лупим, только обоймы менять успеваем. Разглядел я, как двое немцев своего под руки тащат, а четвертый, как горохом, по нас очередями сыпет, своих прикрывает.

Боец рядом со мной вскрикнул:

— Ой, мама... больно!

Я было к нему сунулся, а сержант рявкнул:

— Стреляй! И целься лучше.

В общем, длился весь бой минут десять. Выпустил я свой запас, тридцать пять патронов. Винтовка пустая и подсумок пустой. Потом вспомнил про обойму в левом нагрудном кармане. Вытащил ее и еще пару раз пальнул.

А про обойму в кармане отдельно поясню. Все знают, что солдаты смертные медальоны не любили. Считалось нехорошей приметой свои данные и адрес писать. Вроде как к смерти приготовился. А в роте у нас еще примета была. Все старались левый карман чем-нибудь набить. Книжку красноармейскую с комсомольским билетом, зеркальце металлическое, портсигар — у кого есть. А кто, как я, одну-две обоймы сунет. Понимаем, что защита от пули или осколка слабенькая. Только на войне во все поверишь. И в Бога, которого, как нам говорили, нет. И в чертей.

Закончился бой. Все Лесника хвалят. Он, рискуя жизнью, подполз к немцам и гранатами смял, оглушил их. Кого-то ранил. Потом, вспоминая этот бой, я понимал, что четыре автомата нас бы, в конце концов, достали. Спасибо сержанту, что навязал бой на довольно большом расстоянии, на котором немецкие МП-40, с их максимальной прицельностью 200 метров, значительно теряли свою эффективность. А немца, возможно, тяжело ранил наш сержант. Для трехлинейки полтора метра — ерунда. Ну, и сыграло свою роль, что это был наш тыл и немцы торопились уйти.

Нашему пареньку пуля пробила ступню, раздробила несколько мелких косточек. Перевязали мы его и под мышки потащили домой. По дороге разболтались, расхвалились, что дали немцам жару. Мы хоть и связь, но фрицам-разведчикам не уступим! Улепетывали вовсю. Ну и накаркали. Несчастливый для нас тот день оказался.

На голоса, не слишком разбираясь, ударили по нас из своего же «максима». Пока мы кричали, матерились да, лежа в снегу, шапками со звездами махали, пулеметчики пол-ленты

выпустили. Когда разобрались, подошли, у нас один связист уже доходит, весь белый, и огромное кровавое пятно парит. Две пули в живот угодило. Здесь же и умер. Сержант, старший из пулеметчиков, сказал, что ошибка вышла. Сначала немецкие автоматы стреляли, потом мы появились. Думали, что немцы наступают. До передовой всего три километра. Едва до кулаков не дошло, потом успокоились, перекурили это дело.

Сержант-пулеметчик из боевого охранения стал просить, чтобы мы молчали. Загремит под трибунал, а у него трое детей. Скажите своему начальству, мол, погибший в бою, от немецких пуль скончался. И тело тащить никуда не надо. Пулеметчики похоронят его, как положено. Мы согласились, тем более нам в помощь сержант своего бойца дал — раненого довести. Вот такой несчастливый выдался день. А паренек с пробитой ступней подхватил инфекцию, перенес несколько операций и месяца через три был направлен в тыловое подразделение. В обоз, как тогда говорили.

Часто мы дежурили на временных узлах связи. Наш батальон охватывал телефонными проводами десятки километров. Раций было мало, всего несколько штук. Главная нагрузка ложилась на телефонную связь. Имелись крупные узлы связи при штабах, на артиллерийских позициях, а были промежуточные узлы. Землянка с нарами и печкой, несколько человек связистов во главе с сержантом. Такая группа, время от времени меняясь, обслуживала определенный участок.

Если кто думает, что жизнь в такой землянке, в стороне от передовой и подальше от начальства, штука приятная, то он глубоко ошибается. Я однажды на таком узле связи с месяц пробыл. Нас четверо было. Крошечная землянка, стол для аппаратов и земляные нары, на которых кое-как умещались трое. Ну, один человек возле аппарата постоянно дежурил. Менялись каждые два часа. Еще требовалось на посту стоять, чтобы фрицы врасплох не застали. Но с постом у нас не очень получалось.

Во-первых, кто-то раз в сутки за махоркой и харчами ходил. Это километров шестнадцать в два конца. По лесу, по болоту, протаптывая в снегу тропу. После такой прогулки с ног валишься. Мороз — плохо, а оттепель — еще хуже. Мы хвойные ветки на полу землянки через день меняли. Вода по щиколотку, а то и выше. Касками и котелками выгребали. А она со стен постоянно струится. Ночью спишь, вдруг под тобой оседает кусок земляных нар. Шлеп в воду! И ты следом. Все вскакивают. Начинаем сушиться, нары укреплять. Однажды пурга двое суток не стихала. Голодные сидели, но сержант никому не разрешил за едой идти. Нельзя. Заблудишься, замерзнешь.

И связь пропала. Сержант сам хотел идти, потом раздумал. Ему было положено на узле постоянно находиться. Послал парня, который вроде из местных был, из города Сольцы. Пошел по проводу и пропал. Сержант меня с собой взял, пошли сольцевского парня искать. Кричали, стреляли, наконец нашли. Он провод из рук выпустил и сразу ориентировку потерял. Отморозил пальцы на ногах, уши, нос. Когда пурга утихла, я его повел в батальон. Весь опухший, кожа клочьями лезет, из-под нее кровь. В санбат отправили, а замены не дали.

Ну, я думал, что хоть харчей за те дни подкинут, а мне — котелок каши и хлеба полбуханки. Старшина объясняет, что нет подвоза. Я пригрозил, что пойду к ротному. Он еще один котелок перловки насыпал. Не досыта, но наелись. Зима сорок третьего — сорок четвертого голодной была. Ленинград еще в окружении находился.

Однажды, когда мы сильно голодали, сержант предложил выгрести, у кого что есть ценное, чтобы обменять на еду. Вывернули карманы, вещмешки. А что у солдата ценного? Наскрести денег, рублей семьдесят, запасное полотенце, четвертушку мыла, еще чего-то по мелочам. Наш старшой сходил в деревню. Но там голодали не меньше, чем мы. Принес штук десять вареных картошек и кусок соленой трески. Картошку мы смяли в момент, а рыбу покромсали на куски и запихали в три котелка. Едва дождались, пока вода закипит и рыба слегка проварится, принялись жадно запихивать в рот горячие, очень соленые волокна, да еще запивали горьким от соли бульоном.

Сержант сильно не наваливался, видать, в деревне подкормился, а нам сделалось плохо.

Отравились солью. Рвало и несло нас, как паршивых щенят. В животе печет, перед глазами мутится. Я догадался, поставил на печку котелки, нагрели воды и тушили эту боль в кишках теплой водой. Промучились всю ночь, а потом упали и заснули. Отошли. Соленую рыбу надо в двух водах варить. Я это знал, но с голодухи забыл. Вот так, без обстрела и пуль, чуть не пропали.

В настоящий переплет наш батальон попал в разгар январских и февральских боев 1944 года. Шел прорыв укреплений, которые немцы за два с лишним года возвели вокруг Ленинграда. 14 января началась мощная артиллерийская подготовка. В ней кроме сухопутной артиллерии приняли участие корабли Балтийского флота. Мы не знали масштабов происходящего, но такого грохота я еще не слышал. Стояла пасмурная погода, авиации в небе не было. Стоял сплошной шелест высоко летящих снарядов, и следом мощные взрывы. Наступление в условиях лесной и болотистой местности шло тяжело.

Я видел огромные разбитые доты, похожие на плоские коробки. Мы влезли в один из них, раздолбанный и расколотый тяжелыми снарядами. Лобовая железобетонная стена была толщиной метра два. Все усеяно большими и мелкими щербинами. Большинство снарядов укрепления не брали. Дело решили 203-миллиметровые гаубицы. В одной из амбразур торчал длинный ствол исковерканной немецкой пушки. Несмотря на мороз, сильно пахло мертвечиной, видимо, после оттепели. Трупы немцев лежали повсюду. Многие разутые. Запомнился открытый люк в подвал. Броневая плита, повисшая на разбитых петлях, темнота, запах горелой взрывчатки и разлагающихся трупов.

Тела наших бойцов частично были похоронены, но несколько раз мы натыкались на целые поля, усеянные погибшими красноармейцами. В этом вопросе, как и в кровопролитных лобовых атаках, сказывалось явное пренебрежение к солдатским жизням. Ну, ладно, в дни наступления не до погибших было. Но ведь многие павшие оставались лежать в северных лесах целые десятилетия! Маршалы и генералы уже издали свои героические мемуары, вздыхая, повторяли про трудную солдатскую долю, а тела погибших растаскивали хищники, содержимое карманов давно обшарили мародеры. До сих пор благодаря следопытам-школьникам да студентам извлекают из безвестности солдат той войны. Многих, хоть и безымянными, но в братских могилах хоронят. Ну ладно, отвлекся я. Возвращаюсь снова к январю сорок четвертого года.

Стояли на лесных дорогах и полянах сгоревшие «тридцатьчетверки». Башни у некоторых лежали рядом, вырванные взрывом боеприпасов. Только в одном месте мы насчитали семнадцать сгоревших танков. Ну, и немцам доставалось. Торчали из-под снега разбитые, раздавленные гусеницами пушки разных калибров, лежали трупы. Здесь, в этих лесах, следуя в боевых порядках, наш взвод влетел в засаду.

Пулеметчик из замаскированного окопа первыми же очередями срезал троих или четверых, шагавших впереди. Застучали автоматы. Немцев было человек десять-двенадцать. Заслон на просеке, среди которой угадывалась дорога. Зимой здесь не ездили, но пехота или лыжники могли пройти, вот фрицы и оставили прикрытие. Мы залегли и сразу открыли ответный огонь. Пусть наугад, не высывая голов, но отпор дали. Автоматами половина бойцов была вооружена, и взвод сыпал густо, не жалея патронов. Мы уже давно не были теми неопытными новичками, которых привезли сюда восемь месяцев назад. Ребят скольких похоронили, многому научились, а злости и решимости у нас в избытке хватало.

Вот ты меня спросишь, как мы с пленными поступали? Я тебе встречный вопрос задам. Как ты поступишь, когда двое-трое твоих дружков мертвые лежат, еще один перебитые ноги тащит и вопит от боли в голос. Его добивают, а он ползет, жить хочет, и от каждого нового попадания вскрикивает. Сердце в комок от этих криков сжимается. Бил я из ППШ, уже не наугад, а целясь и переползая. И ребята стреляли из винтовок и автоматов. Жаль, что пулемета у нас не было. Против МГ-42, да еще из укрытия, трудно воевать. Взводный меня позвал, рукав полушубка вспорот, ладонь в засохшей крови.

— Степан, беги к пехоте. Они неподалеку. Проси помощь. «Максим» желателен.

Я пополз, потом побежал. Искать подмогу. Пехоту не нашел, а встретил минометчиков.

Сидят, свои трубы к елкам прислонили, курят. Рассказал им ситуацию. Они отвечают, мол, мины кончились. Ждут подвоза. И мне советуют:

— Обойдите фрицев да шагайте дальше. Кому надо, добьют.

— Ну и пошли к... матери! — выругался я. — Они уже наших человек пять побили, раненому ноги по кускам рвут. В живых мы их все равно не оставим, а вы валяйтесь, елки хреном оббивайте!

Закинул автомат за спину и назад зашагал. Вот, мол, я какой парень! Наплевать на вас. Минометчики меня окликают:

— Постой! Сколько там немцев?

— С десятков, может, и больше. Но у них пулемет. Близо не подпускают. А то бы мы их гранатами закидали.

— Мы да вы! — передразнил меня пожилой минометчик. — Не торопись. Надо подумать.

Посоветовались. Оказалось, у них на два миномета всего две мины остались. Но решили нам помочь. Показывай дорогу! Четверо со мной пошли, взвалив на плечи трубу и прочие железяки. Треск пулемета был слышен издали, наши отвечали короткими очередями и редкими выстрелами — связисты большой боезапас редко брали. И без него хватает груза. Близо минометчики подходить не стали. Я с командиром расчета пополз к нашим. Невеселое дело. Старшего сержанта, помкомвзвода, пулей в голову убило, пока я за помощью ходил. Еще четыре тела, в том числе скончавшийся бедолага с переломанными ногами, на поляне лежат. Застывшие уже. А немцы продолжают стрелять. Им всю войну патронов почему-то хватало. У нашего лейтенанта глаза красные, выпученные. У взвода своя задача, а нас немцы зажали. Можно было обойти засаду, оставив убитых.

Только все злые были и рвались отомстить за погибших товарищей. Лейтенант тоже настроился уничтожить немцев. Сержант-минометчик, оценив ситуацию, сказал:

— Надо бодягу быстрее кончать. Мы выпускаем обе мины. Вторая взрывается — вы все вперед. А там как бог даст.

— Другого выхода нет, — согласился лейтенант. Снял полушубок и перетянулся портупеей прямо на гимнастерку, не глядя на мороз. — Атакуем с огнем, патронов не жалейте. В траншее гадов прикладами и штыками добьем.

Мы дружно сбросили шинели, подпоясались брезентовыми ремнями. Подвесили гранаты и почувствовали себя в бою. Все насупленные, сосредоточенные. У меня в диске патронов штук тридцать осталось, не больше. Зато две «лимонки» и трофейный кинжал. Держитесь, сволочи!

Минометчики так себе оказались. Одну мину послали хрен знает куда. Вторая рванула тоже с перелетом, но уже ближе к траншее. Особого эффекта от взрывов не было. Земля мерзлая. Полыхнуло пламя, столб снега и сосновой хвои. Только немцы секунды потеряли, ожидая третью и четвертую мины. У них такого не бывало, чтобы минометы с двумя минами на позицию ставили.

Взвод впервые поднялся в настоящую, не учебную атаку. Стреляли, орали, матерились. Ударил пулемет, но волна уже накатывала на бруствер. Немецкие пулеметчики, не успев задрать ствол, рубанули кого-то по ногам. Фрицы не бежали, упрямо держались. Часть их мы положили последними патронами из опустевших дисков, магазинов и добивали прикладами, штыками, ножами.

Здоровенный, долговязый Лесник ударил стволом винтовки без штыка в лицо одного из немцев. Безжалостный удар был так силен, что ствол вместе с мушкой насквозь пронзил голову и застрял. Связист, матерясь, уперся сапогом в плечо уже умирающего немца, но винтовку выдернуть не смог.

Мелькали моменты рукопашной схватки, в которой я оказался первый раз. И этого раза мне хватило, чтобы понять — в бою убежать нельзя. Убегающего все равно добьют. У немцев не выдержали нервы. Замолк пулемет, они увидели, с какой злобой обычным стволом проткнули насквозь голову их товарищу, как рвут, обрушиваясь на них, страшные азиаты.

Они видели нашего взводного в окровавленной гимнастерке, вращающего над головой, как дубинку, автомат с выпавшим диском. Немцы хотели отступить, прикрываясь огнем, но было поздно. Нас было больше, может, мы казались им лавиной, и немцы побежали.

Я всадил очередь в спину вымахнувшему из траншеи немцу. Он упал, приподнялся, и я снова нажал на спуск. Сдвоенно отстучала короткая очередь, кончились патроны. Я стащил фрица в траншею и несколько раз ударил прикладом. Потом кинулся вместе со всеми догонять убежавших, даже не сообразив подобрать автомат убитого фрица — мой был пуст и мог служить лишь как дубинка. Пытавшихся спастись немцев добивали штыками, прикладами. Кто-то рубанул саперной лопаткой. Каска, звякнув, выдержала удар, но боец продолжал молотить скрученным лезвием лопаты по шее и плечам. Немец все же вырвался. Наш лейтенант (ведь забыл его фамилию!) выстрелил из ТТ раза четыре подряд, и фриц свалился, как тряпичная кукла, на подломившихся ногах. Один уже вбежал между елями, почти исчез, но очередь догнала его. А другой боец, подскочив, добил штыком.

Я думаю, что сумел уйти один, максимум двое немцев. Остальные восемь остались лежать в траншее и на истоптанной поляне. Связисты уже собирали автоматы, отстегивали массивные кинжалы в кожаных ножнах, трясли найденные ранцы. Минометчики тоже принимали участие. Имеют право! Своими двумя минами они нам помогли. Но немцы и в сорок четвертом воевали с не меньшим ожесточением. За восемь немецких трупов, трофейный пулемет и автоматы мы заплатили пятью жизнями. Еще шестеро были ранены. Немцы дорого брали за любую победу над нами. Помню, что молодому парню, моему ровеснику, очередь в упор почти напрочь отбило ноги повыше щиколоток. Кровь мы остановили, думаю, паренек выжил, но вряд ли сохранил ступни.

Это был рядовой эпизод. Боевое столкновение. Нас особо не хвалили, хотя командир роты одобрил трофейный пулемет и не отказался от «парабеллума» в подарок. Сказал что-то мельком про награды, но никто ничего не получил. Обычный бой, пусть и первый для большинства. За что награждать? Награждали тех, кто руководил прорывом блокады. Возле штаба увидел молодого полковника в кубанке и расстегнутой шинели. Смеялся, что-то рассказывая заместителям, а на груди сверкали и «Красное Знамя», и «Отечественная война», и что-то еще. Целый иконостас. Как таких храбрых полковников не награждать?

Нашему взводу, можно сказать, повезло. И рота большие потери не понесла. А вот первой роте крепко досталось. Попали под отступающие танки. Из девяноста человек три десятка уцелело. И командира роты на гусеницы намотало. Едва опознали. В возрасте капитан, бывший учитель. Глянул я еще раз на храброго полковника и с неожиданной злобой подумал: «Ты, наверное, тухлую конину не жрал и в землянке не спал, опустив ноги по колено в воду!» Сам не знаю, что на меня нашло. Плюнул и зашагал по своим делам. Нервы.

27 января 1944 года была окончательно ликвидирована блокада Ленинграда. Но тяжелые бои вокруг города продолжались. 265-я, 372-я стрелковые дивизии и 5-й партизанский полк около двух недель сражались в окружении, сдерживая контрудар немцев. В этой мешанине наступающих и отбивающихся частей принимал участие и наш батальон связи. 12 февраля был освобожден город Луга.

Запомнилась ночная бомбежка под Лугой. В небольшом поселке разместился штаб дивизии, еще какое-то начальство. Учитывая близость фронта, усилили караулы. Мы вырыли траншею на своем участке и ночами по очереди несли боевое охранение вместе с комендантским взводом и пехотными взводами.

Февраль сорок четвертого. Сильный мороз. За день намотались, устали. Но куда денешься. Шлепаем валенками, руки за пазухой греем. А в некоторых домах из закрытых окон свет пробивается. Патефон играет, женщины смеются. Что-то отмечают. Может, наши успехи под Ленинградом. Немцы были отброшены от города, понесся большие потери.

И вдруг гул самолетных моторов. Ударили зенитки, а на село посыпались бомбы. Кто успевал, выскакивали из домов и бежали прочь. К нам в траншею прыгнули несколько девушек из медсанбата. А село горит, дома от взрывов разлетаются. Один из зенитных

снарядов попал в немецкий бомбардировщик. Я видел взрыв, огромная тень промелькнула над головой, но самолет упрямо тянул над лесом, к своим. Не знаю, разбился он или нет.

На рассвете разбирали завалы, собирали тела погибших. Те, кто выскочил из огненного кольца или спрятался в траншеях, опоясывающих поселок, — выжили. Но многие залегли в снегу, не рискуя бежать, видимые, как на ладони, под светящимися бомбами и ракетами. Почти все они погибли или получили тяжелые ранения. Никто уже не завидовал вечернему веселью. Из нашего взвода три человека были сильно контужены и отправлены в санбат. А всего в батальоне были убиты и ранены более тридцати человек.

Говоря о людских потерях, скажу, что они были, конечно, несравнимо меньше, чем на передовой, но достаточно ощутимы. В январе погибли две трети личного состава первой роты, наша вторая рота потеряла двадцать человек, и вот новые погибшие. Из нашего взвода при бомбежке никого не убило, но один боец был ранен осколком, а трое контужены. Из этих четверых в батальон вернулся только один.

Хотя стояли сильные морозы, обмороженных у нас было мало. Постоянно бегали. А вот весной и осенью, когда в болотах ледяная жижа, многие простуживались. Кто своими средствами лечился, но немало с воспалением легких отправили в госпиталь. Из-за плохого питания многие страдали «куриной слепотой». В сумерках ничего не видели. Несколько человек, в том числе и я, попали в госпиталь. Лечение простое, побольше витаминов да сон. Вместе с кашей нам давали печень трески. Когда-то эта штука станет довольно дорогим удовольствием, а тогда мы съедали свои порции неохотно. Поили киселем из моршки. Эту штуку мы любили, и, когда дежурили на кухне, нам выдавали по лишней порции. В палатках и землянках, где мы жили, всегда кипятили хвойный отвар, и санитар строго следил, чтобы каждый выпивал кружку этого горького, но довольно эффективного средства против цинги.

Недели через три я вернулся в свой батальон. Взводный был у нас новый — старого перевели в другую часть на повышение. Мы часто его вспоминали. Решительный, справедливый командир. Дали нам нового лейтенанта, худого, очкастого, из бывших блокадников. Грамотный, закончил институт. Мужик он был неплохой, но у нас с ним как-то сразу не сложились отношения. Во взводе я уже считался стариком. Ребята устроили встречу, нашли спирта, до полуночи не спали, делились новостями, вспоминали погибших ребят.

Взводному это не понравилось. А тут как раз делали штатную перестановку. Требовался командир отделения. Лейтенант вызвал меня, как кандидата в командиры, но разговор у нас не получился. Он сказал, что мне не хватает дисциплины, выпивку устроил. Наверное, лейтенант правильное замечание сделал, но солдата надо понимать. А взводный раздудился, начал воспитывать. Меня заело. Он в батальоне всего неделю, а я уже год. В боях участвовал, к медали представлен. Короче, в сержанты я не попал. Дисциплина не та, образование малое, да и молодой еще. Может, оно и правильно. Связь — служба особая, техническая, здесь в командиры, как правило, ребят постарше, пограмотнее ставили. Ну и хрен с тобой! Проживу рядовым. А на душе кошки скребли. Я считался бойцом дисциплинированным, меня часто в пример другим ставили, а тут этот неприятный разговор.

Время от времени от нас забирали по несколько человек на передовую, где требовались опытные связисты. А однажды пришла команда отправить на передний край сто пятьдесят человек. Пять укомплектованных взводов с сержантами.

Наверху не сильно задумывались, что во всем батальоне (три линейных роты и вспомогательные подразделения) едва наберется полторы сотни опытных связистов. Но приказ есть приказ. Начали собираться. Днем привели замену: блокадных мальчишек лет восемнадцати, раненых, выписавшихся из госпиталей, пожилых (так мы их считали!) мужиков лет за сорок. Наше начальство всполошилось. До этого связь содержалась в порядке, а что смогут новички? Проверили их. Большинство и понятия о постановке связи не имеют. О шестовой связи, «шестовке», контактной сварке и не слыхали никогда. А ямы в мерзлой земле долбить для столбов, на «кошках» карабкаться и на высоте изоляторы

ввинчивать? Нечего и говорить.

Посмотрел начальник связи дивизии на эту нестройную шеренгу и только рукой махнул. Понял, что полки останутся без связи. А приказ выполнять надо. Скомандовал:

— Командиру каждой роты выделить по двадцать связистов. И к ним этих... помощников, которые покрепче.

Подчистили и тыловиков. Тех, кто связью раньше занимался, а потом «придурились» и в писаря да в обоз всякими хитростями перебрались. Набрали, как приказали, полтораста человек. Сержантов тоже не хватало, некоторым сразу звания присвоили. Ушел и мой новый командир взвода, хоть мог остаться. Совестливый, честный был мужик. Сказал так:

— Я в тылу насиделся. Пора и мне долги отдавать. — Меня по плечу потрепал. — А ты, Степан, оставайся. Учи моих земляков.

На передний край люди подавленные уходили. Знали, что трудно там выжить. Но почти никто не уклонялся. Кое-кто из «придурков», тыловиков, хитрить было начал, но никого слушать не стали. Больной? Там, на передке, вылечишься. Всем собираться! Проводили мы ребят. Ушли они сразу, еще до ночи. Старшина всех на дорогу хорошо покормил, налил по сто пятьдесят граммов. До свидания, братцы! Или, скорее, прощайте.

А вскоре ушел на передовую и я. На фронте нередко бывает, что по приказу сверху срочно меняешь свою специальность на другую, не связанную с предыдущей. Понадобилось укомплектовать несколько рот противотанковых ружей, и в начале июня сорок четвертого года попал я на краткосрочные курсы стрелков ПТР.

Прошли месячную подготовку. Помню, что наряду с тренировками по уничтожению танков мы часто стреляли по вражеским «амбразурам». К длинному тяжелому противотанковому ружью я привык довольно быстро. Из трех пуль, как правило, двумя попадал в амбразуру, где находился «вражеский пулемет». Тренироваться с ПТР не простое дело, очень сильная отдача. И чтобы попасть, надо крепко вжимать приклад в плечо. Один из офицеров взялся за ПТР и, прижимая приклад не слишком сильно, нажал на спуск. Отдачей его отбросило к другой стенке траншеи, а пуля улетела неизвестно куда.

Учеба проходила быстрыми темпами. Почти не занимались ненавистой строевой подготовкой, химической защитой и прочей ерундой. Политзанятия только не забывали. Проводились регулярно. На фронтах наши войска активно наступали. В мае освободили Севастополь. Шло большое наступление в Белоруссии. 3 июля освободили Минск. Белорусы шумно радовались, а вместе с ними и мы. Хорошие ребята. Их в нашем учебном взводе трое или четверо было. Простые, смешливые. Многие о своих семьях с лета сорок первого ничего не знали. Вот они немцев по-настоящему ненавидели. Кстати, моим вторым номером был вначале белорус Шумак Василь. С ним вместе и на передовую попали. К тому времени он сам командиром расчета стал.

В наших северо-западных краях тоже развернулось крупное наступление. 30 июня освободили Петрозаводск. Шли бои в Финляндии, на Карельском перешейке, между Ладожским и Онежскими озерами. Нашу противотанковую роту закрепили за стрелковым полком, разбросав по батальонам. В каждом по 7–8 расчетов. Конечно, противотанковые ружья для лета сорок четвертого года были слабым оружием против немецких танков. Где-нибудь в украинских степях, на открытой местности, ими можно было только дразнить усиленные немецкие танки Т-4, не говоря уже о «тиграх» и «пантерах».

Но в лесах северо-запада, где бои шли порой нос к носу, наши двухметровые ружья с патронами калибра 14,5 мм чего-то стоили. В этом я вскоре убедился. Как и понял — жизнь солдата на передовой такая короткая, что большинство просто счастливы, когда об этом не догадываются. Страшная была война. Трудно передать ее сущность словами. «Афганцы» и те, кто позже воевал в Чечне, меня поймут. А остальные... не уверен.

Рота, куда попали два расчета ПТР, мой и Шумака, насчитывала сорок с небольшим человек. Командовал ей старший лейтенант Рудько, низкорослый жилистый мужичок со шрамом через всю скулу и вставными железными зубами. На гимнастерке висели две медали

«За боевые заслуги» и были пришиты четыре ленточки за ранения. Как я узнал позже, старший лейтенант Рудько воевал с сорок второго года и, по его словам, «ему крепко везло». Был три раза тяжело ранен, но осколки, перебивая кости и кромсая тело, не добрались ни до сердца, ни до кишок. Эти места бывший рабочий часового завода из Челябинска вполне обоснованно считал уязвимыми. Даже больше, чем голова. Потому что в голову Рудько уже попадало. Один раз вскрыло каску, как консервную банку, и вырвало кусок кожи размером с ладонь, вместе с волосами. Череп слегка треснул, но выдержал, а черепная кость затянулась новой кожей с мягкими белыми волосами. И в подбородок попадал минометный осколок, выкрошив половину нижних зубов. Зубы приняли на себя удар осколка, не пустив его дальше к горлу, и Рудько, отлежав месяца три в госпитале, пришел в полк с новенькими железными зубами.

Все это, а также о своей семье рассказал нам с Шумаком старший лейтенант уже в первые дни. Он был искренне рад нашему приходу. Роту крепко потрепали в боях. Подмога, в виде двух сержантов с противотанковыми ружьями и помощниками, существенно увеличивала боеспособность роты. Людей у Рудько катастрофически не хватало, а ПТРов не было вообще.

Рота занимала полосу обороны метров четыреста. Я подумал, что, наверное, начальство специально отмеряло по десять метров на человека. Но оказалось, что недели три назад, пока я учился, здесь шли бои. Атаки сменялись обороной. Приходило пополнение, снова атаковали, отступали под сильным огнем, пока полк окончательно не выдохся. Закопали в братских могилах с полтысячи погибших мальчишек: рядовых, сержантов, лейтенантов, и начальство временно угомонилось. Уже некого было гнать на убой. Сотни трупов остались лежать на «нейтралке», перед позициями полка. Невозможно их было вытащить в белые северные ночи, когда солнце не заходило круглые сутки. Тела истлевали, распространяя тошнотворную вонь.

Подвыпивший старлей, прошедший огонь и воду, не скрывая материл командование, угробившее почем зря массу людей. От него я узнал, что закопали в могилы, оставили на нейтральной полосе и отвезли в медсанбат (сколько их там еще умерло!) в два раза больше людей, чем насчитывается сейчас в полку. До немцев, где ближе, где дальше, но недалеко. Метров триста. Мин понатыкано, снайперы круглые сутки добычу выслеживают. И вместе с минометами сильно портят настроение пулеметы из дзота и двух бронеколпаков. Я и Шумак в ответ на теплый прием обещали с пулеметами разобраться.

Кроме Рудько в роте насчитывался единственный офицер — младший лейтенант, «шестимесячный», как их называли. Парень он был смелый, но совсем зеленый. Всего восемнадцать лет. Двумя другими взводами командовали сержанты из старослужащих. Как я понял, на сержантов, в том числе и нас, больше всего надеялся старший лейтенант. Из-за недостатков командиров отделений он закрепил за мной и Шумаком по два-три бойца. Вроде как отделения. Мы не возражали.

Так началась наша жизнь на новом месте. С утра пораньше мы оборудовали позиции. Основные и запасные. Пока копали, нанюхались мертвечины с затянутой туманом «нейтралки». Траншеи были неглубокие, копнешь ниже — вода. Поэтому дно было забросано еловыми ветками, а брустверы казались излишне высокими и не слишком надежными. Кроме нескольких землянок хозяйственный Рудько оборудовал два блиндажа, перекрыв их бревнами и железяками, снятыми с подбитой техники. Сверху все было присыпано землей. Блиндажи получились такими же низкими, как траншеи, в рост не встанешь. А выдержать они могли максимум мину «восьмидесятку» да трехдюймовый снаряд на излете. Но вслух я ничего не сказал. Зачем себе и людям портить настроение.

В роте Рудько мы пробыли больше месяца. За спиной у нас копошились саперы, наводя мосты и гати через болота. На нашем участке тоже готовилось наступление, сосредотачивались войска. Немцы бомбили и обстреливали тылы из дальнобойных орудий. Почти каждый день мы наблюдали воздушные бои. Как правило, шли они на большой высоте. Трудно было разобрать, кто кого сбил. Однажды подстреленный, дымящийся

бомбардировщик «Хейнкель-111», покрытый, как гадюка, камуфляжными серыми узорами, прошел у нас над головами. Мы орали и стреляли в него из всех стволов. Он был крепко побит. Нижняя застекленная кабина была разворочена, а из дыры торчало то ли кресло, то ли тело пулеметчика. Пушка с огромным размахом крыльев огрызалась огнем из четырех или пяти пулеметов. Мы с Шумаком тоже пальнули раза по три. Вроде попали. Попадали в него и остальные, но тяжелый бомбардировщик тянул к своим. Уже над немецкими позициями его догнали два «яка» и подожгли. «Хейнкель» рухнул вниз, никто из экипажа выпрыгнуть не успел.

Впервые за полтора года войны я находился так близко от немцев. Успел изучить некоторые их привычки. Одна из них — непереносимое желание мстить за своих убитых. В день, когда сбили «Хейнкель», я удачно вклепил несколько пуль из ПТР в амбразуру дзота. Видать, кого-то хорошо зацепил. Шумак обстрелял бронеколпак. Хотя немцы прикрыли амбразуру задвижкой, но тяжелые пули, вылетающие из нашей «кочерги» со скоростью 980 метров в секунду, просадили задвижку и тоже кого-то достали. Немцы ответили огнем из минометов. Напарник Шумака был убит наповал, еще три человека в роте получили ранения. Рудько дал команду больше не стрелять:

— А то совсем без людей останемся.

Только без стрельбы не получилось. Немцы выбивали у нас бойцов одного за другим. На рассвете обязательно давал о себе знать снайпер. Расстояние большое, оптика у фрицев сильная. То одного бойца подстережет, то другого. То сразу несколько пулеметов начинали стегать трассерами. Помню, что за первую неделю мы человек шесть закопали и около десятка в санбат отправили. Пустые окопы. Один человек на двадцать шагов. Старшина обе ротные повозки сторожил и за харчами ездил, а возчики с винтовками в окопах сидели.

Рудько разозлился. Мы с Шумаком и единственным помощником на двоих, отошли за окопы в ельник, чтобы огонь на своих не наводить, и давай по дзоту бронебойно-зажигательными лупить. Патронов у нас хватало. Хоть дзот землей влажной засыпан, но пули и землю и бревна пробивали. Пошел дым, что-то затрещало, взорвалось, наверное, гранаты. Сгорел дзот. Вернее, обгорел да от взрывов сел на крышу. Немцы, которые тушить пытались и раненых вытаскивали, тоже под огонь попали. В роте два «максима» и «дегтярей» штук пять имелось, не говоря уже об автоматах. Люди убывали, а оружие оставалось.

По нас из минометов ударили, а комбат дал свою поддержку. Тоже минометный взвод немцев стал минами забрасывать. Целая война! Но уgomонили фрицев. С неделю тихо было, и снайпер куда-то делся. Нас хоть и мало, но мы уверенно себя чувствовали. Один паренек из Саратова по-немецки хорошо матерился. По утрам им кричал, а нам переводил:

— Вы, пидоры, войну просрали. Еще снайпера притащите, «катюши» вызовем!

Да с бруствера трассирующей очередью для убедительности как врежет. Немцев угрозами не испугаешь, но людей они своих берегли. Если видят, что в ответ мины сыпятся, лучше переждут.

Василь Шумак, хороший парень, родом из-под Молодечно. Мы над его разговором подсмеивались, дразнили: «Мокрой тряпкой по голому бруху!» Он не обижался, смеялся. Все ждал письма от родных. Из Белоруссии уже начали письма приходить.

Если говорить о привычках немцев, много слышал об их пунктуальности. Мол, по часам воюют. Действительно, завтрак, обед у них строго по расписанию, но насчет войны по часам наши сильно преувеличивают. Немец хитрый и сильный враг. Ночью воевать они не любили, однако стерегли свои позиции четко. Дважды в этом убедился. Один раз, когда паренек неосторожно из-за бруствера с сигаркой высунулся, его пулеметная очередь мгновенно срезала. Две пули в лицо угодили — все мозги по окопу раскидало.

В другой раз через нашу траншею пошли в немецкий тыл разведчики. До половины «нейтралки» доползли, а потом немцы их высветили ракетами и ударили из пулеметов. Мы разведчиков поддержали огнем. Я раз восемь по вспышкам из ПТР выстрелил. Видели, как разведчики копошились, раненых пытались вытащить. Насчет этого они молодцы, не

бросают друг друга. Из шести человек только один на рассвете выполз. Весь в крови, грязью облепленный. Руки, шея прострелены. Мы его перевязали, отправили в тыл.

Потом началось наступление, но наш стрелковый полк в нем не участвовал. Людей почти не осталось. Полк отправили на переформировку, а нашу роту противотанковых ружей закрепили за другим полком. Здесь нам крепко досталось. С месяц не выходили из боев. Однажды два танка на позицию прорвались и давай крушить гусеницами траншею. Крутнется на одной гусенице да на другой — от пулеметного расчета или бойцов в окопе лишь кровавое пятно на взрытой земле остается.

По-разному люди себя вели. Некоторые убегали. Их снарядами или из пулеметов доставали. Командир разбитой противотанковой батареи одну «сорокапятку» наладил, успел раза три выстрелить, подбил танк. Его вместе с пушкой снарядами на куски разорвало. А по танку — это был тяжелый Т-4 с усиленной броней — я пять или шесть пуль выпустил. Расстояние хоть и небольшое, но мои пули броню не пробивали. В бензобак метил, но танк с бортов листами брони был прикрыт. Дострелялся я до того, что меня приметили, и с подбитого танка ударили из пулеметов. Едва с напарником успели в траншею нырнуть. Пули так густо шли, что бруствер смели и наше ружье исковеркали.

Танк все же бутылками с горючей смесью подожгли. Хоть и враги немцы, но жутко было слышать, как кричали горевшие заживо танкисты. По земле катались, пытались пламя сбить. Разве собьешь! Я с этой штукой знакомился. Не зря его «коктейлем Молотова» фрицы прозвали. Горючая масса к телу липнет, насквозь прожигает. Танкистов из автоматов добились, второй танк, когда отходил, под огонь самоходок попал. У тех пушки серьезные, 100-миллиметровые. Взорвали и этот танк. А мы убитых в воронку стаскивали. Неуютное место для погибших товарищей, вода кругом. Но выбирать не приходилось. Положили в два ряда и закопали, шинелями сверху прикрыв. А тех, которых танк в землю вмял, так в окопах и оставили. Сил и времени не хватило нормально похоронить.

Взамен разбитого ружья мне новое дали, а я рассчитывал, что меня обратно в связь переведут.

Но решили, что с противотанковым ружьем я нужнее. Вообще, до поры мне везло. Осенью сильные бои шли. Василя Шумака тяжело ранило. Осколками перебило ногу. Я его сам перевязывал и шиной кости скреплял. Попрощались. Я ему позавидовал. В госпитале минимум два-три месяца пролежит. А там, глядишь, и войне конец. Наступали наши войска активно, но и немцы дрались отчаянно. Не думал я, что война еще до мая сорок пятого будет длиться и меня два раза успеют ранить.

В декабре у нас вышла передышка. Жили в маленькой лесной деревне. Отмылись в баньке, спали под крышей. Хоть и набивалось в каждый дом человек по сорок, зато в тепле. Ночью по нужде встанешь, когда вернешься, твое место уже занято. Опять распахнешь ребят, наслушаешься матюков и тут же опять засыпаешь. Если бы кормили лучше, считай, курорт. Но кормили в тылу всегда хреново. Все переморожено. Душили перловкой и утром и вечером, а на обед — суп с запахом тушенки. Иногда конину в кашу клали, пока пережуеть, зубы ломить начинает. Правда, хлеба хватало. Отдохнули, и снова на передовую.

11 января 1945 года наша рота заняла позиции на переднем крае. Подровняли траншею, ниши для стрельбы и боеприпасов. Новым помощником у меня был рядовой Оганесян, веселый, хороший парень. У обоих в нишах лежали по 3–4 гранаты. Противотанковые и РГД. А в брезентовых сумках я и Оганесян имели по двадцать увесистых патронов для противотанковых ружей. Это не считая карабинов и штук по сто патронов к ним. Вооружены мы были хорошо.

Опишу немного передовую, которая была перед нами. Никаких рядов колючей проволоки или других сооружений я не видел. Ровное поле с редкими деревьями и островками кустарника. Поле было заминировано, а до немецких траншей — около километра. Уже в первые дни мы снова начали нести потери, от снайперов. Они выползали на «нейтралку», выбирали укрытие, хорошо маскировались и редкими одиночными выстрелами били наповал (реже ранили) неосторожно высунувшихся офицеров или бойцов.

Охотились, конечно, больше за офицерами, пулеметными и противотанковыми расчетами. Пару раз пули пролетали совсем близко от меня. Значит, и я попал кому-то на прицел, но немец промахнулся.

Время от времени немцы напоминали о себе, кроме выстрелов снайперов, минометным обстрелом или выпущенными снарядами, но сильно нас не доставали. Во-первых, им сразу же отвечала наша артиллерия, а во-вторых, было не до нас. Неподалеку вели мощное наступление наши войска. По слухам, вот-вот должны были перейти в наступление и мы.

И действительно, в окопах мы пробыли считанные дни. Рано утром 14 января «катюши» и артиллерия начали артподготовку. «Катюши» отстрелялись быстро, выпустив несколько десятков огненных ревущих стрел, и сразу исчезли, уходя от немецкой авиации. А орудия продолжали долбить вражескую оборону, над которой висела пелена дыма, огня, что-то взлетало в воздух. Ночью саперы сделали проходы в минных полях, и, когда артиллерия смолкла, полк пошел в атаку, в том числе и наша рота. Часть немецких огневых точек была подавлена, но остальные вели сильный огонь. В цепи наступающих разрывались мины, со всех концов неслись пулеметные трассы. Вокруг меня падали бойцы, но я продолжал бежать, выбиваясь из сил. Знал, чем быстрее преодолею открытое поле, тем больше шансов уцелеть.

Меня ранило в первой немецкой траншее. Кто-то наступил на прыгающую мину-«лягушку». Штука очень опасная. Весит четыре килограмма. Достаточно задеть еле заметную проволочку, вышибной заряд подбрасывает мину вверх. Она взрывается на высоте груди человека, разбрасывая в радиусе полусотен метров множество осколков. Взорвись она рядом со мной, исковеркала бы все тело. Но мне «повезло». Несколько осколков ударили в мякоть правой ноги, повредили колено. Удар был настолько сильный, что я сразу свалился.

Ребята меня наскоро перевязали, а я остался сидеть на льду, на дне траншеи, ждать санитаров. ПТР у меня забрали, карабин я поставил рядом, а под ноги положил две противотанковые гранаты. Отогнул усики, чтобы легче чеку выдернуть, и сижу. И вот здесь, в этой траншее, увидел я свою смерть глаза в глаза.

На бруствере появился немец в длинной шинели и, спокойно прицелившись в меня, нажал на спуск. Все как в замедленном кино. Вместо выстрела — щелчок. Немец передернул затвор. Кувыряясь, вылетела стреляная гильза. Его винтовка была пустая. Видимо, в горячке боя он расстрелял всю обойму. Я отчетливо увидел блестящую пружину, подающую патроны. Немец потянулся к подсумку за новой обоймой. Не видел он, наверное, в измученном окровавленном мальчишке большой опасности. А я дотянулся до гранаты и, выдернув чеку, бросил гранату в немца. Он успел шарахнуться назад.

Порция взрывчатки, способная разорвать гусеницу танка, грохнула с такой силой, что я оглох. Кстати, правое ухо до сих пор от того близкого взрыва слышит плохо.

Подобрал я карабин, оставшуюся гранату, кое-как вылез из траншеи. Оглянулся на бесформенный труп немца и пошел искать санитарную роту. Через час меня уже везли на подводе в санбат, а затем направили в госпиталь, в город Мариендорф. Врачи сделали одну, вторую операцию. Понемногу стал ходить, но некоторые осколки извлекли спустя лет двадцать, уже в волгоградской больнице.

После госпиталя, в начале марта, я был направлен в другой полк в качестве автоматчика. Снова шло наступление. Мы двигались у немцев по пятам, вступали в мелкие бои. Помню, как глупо чуть не погиб благодаря своей и чужой жадности. В одном из занятых немецких городков ребята набрали разных трофеев. В разбитом магазине чего только не было: и ткани, и обувь, и одежда. Трое или четверо солдат хорошо вещмешки набили. А один парень из Средней Азии затолкал в вещмешок отрез яркого панбархата.

— Войне скоро конец! Матери и сестрам подарок привезу.

Мне приглянулся немецкий котелок с плотной складной крышкой. Насыпал я в него сахарин (других продуктов не нашел), защелкнул крышку и в вещмешок сунул. А вскоре начался бой. Залегли, ведем огонь. А у парня с панбархатом вещмешок, как горб у верблюда на спине. Издалека видно. Немецкий пулеметчик по нему пристрелялся. Ключья из мешка

полетели, а потом сам боец дернулся и затих. Убили. Кого-то еще так же подстрелили, а меня по мешку словно палкой ударили. Позже развязал я свой «сидор». Там вещей всего-то ничего. Пуля как специально этот котелок выбрала, пробила насквозь. И коробку с патронами зацепила. Вытряхнул я рассыпавшийся сахарин, котелок с дыркой и с десяток порванных, сплюснутых патронов к моему ППШ и зарекся в вещмешок лишнее класть.

Только недолго я провоевал. 22 марта 1945 года заняли мы позицию, и нам объявили, что предстоит атака. Вскоре началась артподготовка, и затем команда: «Вперед!» Не помню, как ворвались в первую траншею, все в горячке, под свист пуль и осколков. Едва не в упор наткнулся на немца. Он на секунду замешкался, я с ходу выпустил в него автоматную очередь. Тут мгновения все решают. Зевнул бы я, так и остался бы лежать в чужой земле, за тысячи километров от своей родной деревни.

Со всех сторон стрельба, крики, мат, гранаты взрываются. Погибают и наши, и немцы. Обидно в конце войны умирать. Да и опыт какой-никакой у меня накопился. Только успевал ловить на мушку или прямо с ходу бил по немцам. Трех или четверых уничтожил. Получайте, гады, за всех погибших товарищей!

И тут меня снова ранило. Немцы уже убегали, и по нас открыла огонь их минометная батарея. Рвануло рядом, вспышка, звон в ушах, и лежу я опять на земле. На этот раз несколько осколков попали в левую голень. Кое-как сел, размотал обмотку. Кто-то из командиров приостановился:

- Сильно тебя, Степан?
- Да нет. Кость, кажись, целая.
- Сможешь сам перевязать?
- Смогу.
- Перевязывайся, я санитаров пришлю.

Ну, перетянул рану, сижу жду. Автомат, гранаты наготове. Холодно, сыро, и кровь сквозь повязку сочится. Поднялся и побрел сам помощь искать. Нашел палку, ковылял кое-как, но шел. Заблудился и только к вечеру набрел на медсанбат — спасибо бойцы дорогу подсказали. Ну, а потом, оказав помощь, отправили в госпиталь.

Забегая вперед, скажу, что попал я не в свой санбат. После боя меня искали, не нашли и решили, что я погиб. Отправили на родину похоронку. Ну, вскоре разобрались, но история с похоронкой аукнулась мне лет через пять, когда я уже служил в системе МВД и работал на строительстве Волго-Донского канала Сталинградской области. Вызывают меня в штаб и говорят:

- К тебе земляк из Гондарево приехал.

Я обрадовался. Обнимает меня какой-то незнакомый мужчина, улыбается. Завязался разговор.

- Тебе, Степан, привет от Ильи Круглова. Я удивился:
- Илья еще перед войной умер! Путаешь ты что-то, земляк.

А «земляк», не смущаясь, лепит еще какую-то несурезицу. Учителей неправильно называет, других соседей путает. Я не выдержал:

— Какой это земляк! Он не из нашей деревни. С ним разобраться надо, несет всякую чушь.

А через день мне объяснили, что это со мной чекисты разбирались. Дело в том, что многие бывшие полицаи в конце войны добывали документы погибших бойцов и по ним жили подальше от родных мест. Под такое подозрение попал и я.

В общем, прошел проверку.

Но вернусь к 1945 году. Подходил к концу апрель, я выздоравливал. И война заканчивалась. Меня определили в маршевую роту и готовили к выписке. Хотя я знал, что бои уже в Берлине идут, а было не по себе. Смотрел на своих соседей по палате. Кто с сорок четвертого воюет, кто с конца сорок третьего. Фронтовиков сорок второго года — очень мало, а сорок первого — вообще ни одного. Начисто подмела их война, единицы уцелели.

Я и по себе знал, какая короткая жизнь солдата в бою. Фронтовики арифметику войны хорошо знали. Сидим, бывало, в госпитале, в курилке, разговариваем, а судьба почти у всех одинаковая. Жестокая и страшная штука — бой. Один паренек, весь перевязанный, рассказывает: только из окопа вылез, выпрямиться не успел, а его взрывом в тот же окоп сбросило, осколками издырявленного. Другой и сотни шагов не пробежал — попал под пулеметную очередь. Спасибо санитары перевязали да вытащили, а то бы кровью истек.

Скажу откровенно — мне везло. Долгое время наши роты связи работали во втором эшелоне. У кого какая судьба. Послали бы раньше на передовую — может, и не было бы нашего разговора. Но могу сказать, что солдатский долг выполнял честно. И когда в бой послали, в воронках не отсиживался, от пуль не бегал. Потому и получал свою порцию вражеского железа. Мало кто под таким огнем выживал. А немцы в сорок пятом воевали с ожесточением. Боялись, что начнем мы мстить за те страдания и смерть, что они в Россию принесли. И чего греха таить, мстили им крепко.

Перед самой выпиской из госпиталя прилетела долгожданная весть — победа! Радость, конечно, великая. Достали спирта, вина, обед нам хороший приготовили, и отметили день Победы как следует. Помню, стрельба кругом, колокола звонят. Обнимаемся!

Многое, что происходило со мной на войне, я начал осмысливать по-другому спустя 10–20 лет после ее окончания. Война ведь такая штука, она на всю жизнь в человеке остается.

Как люди относились к смерти? Привыкнуть к ней было невозможно. Люди, глядя, как гибнут вокруг друзья-однополчане, испытывали страх. По-настоящему я воевал на передовой с июля сорок четвертого. Здесь каждый день кого-то убивали. Летом того года люди уже конец войны видели, да еще пропаганда подогревала. Больше писали об успешных наступлениях, а не о том, как мы, скажем, у Балтики по полгода на одном месте топтались.

Многие были уверены (судили по громким статьям, да и сами хотели верить), что война вот-вот кончится. Через пару или тройку месяцев. И, конечно, хотели дожить до победы. Остерегались, не торопились вперед лезть. Это нормальное человеческое поведение. Видел я и бесшабашных людей. На мой взгляд, от долгой войны у них что-то сдвигалось в голове. Разве нас врачи или психологи проверяли? «Сдвинутые» могли и на бруствер среди бела дня влезть или нужду справлять, отойдя метров десяток от окопа, где его немец свободно из пулемета мог достать.

Был такой солдат у Рудько, Михаилом звали. Он с сорок второго воевал. Его, как и старшего лейтенанта, раза четыре ранило и контузило. Но если ротный в своем уме оставался, то Михаил как-то опустил плечо, плюнул на все. Его насильно бриться, умываться заставляли. Долговязый такой, вечно обросший. Рассказывал, что после войны всех вдов в деревне перепробует, пока не выберет, на ком жениться.

— А чего не девок? — поддевали его.

— С ними возиться, — подумав, отвечал Михаил, — а вдовам терять нечего.

— Тогда не дури, если хочешь бабу увидеть.

— Наплявать!

Я с Михаилом пытался раз-другой заговорить, а говорить не о чем. Начинаешь спрашивать, как тут дела обстояли год назад, а он на тебя не смотрит. Сам начинаешь рассказывать, а он не слушает. Брякнет что-то вроде: «Два дня в брюхе урчит» или «Штаны на коленях продрались, когда же новые дадут». Поднимется, и пошел по траншее, не пригибаясь. На смерть нельзя плевать. Вот так однажды шел, очередь немцы дали, и завалился Михаил в грязь. Глаза открыл и закрыл. Как будто не было человека.

Еще одного бойца вспоминаю, младшего сержанта. Тоже долго воевал. Две медали имел. Он был пулеметчиком, но когда после госпиталя его ставили первым номером на «максим», наотрез отказался. «Я в пулеметах не разбираюсь!» У тебя же в красноармейской книжке написано, что пулеметчик.

— Ошиблись. Я при лошадях все время был.

— Чего брешешь? — не выдерживал командир. — Младший сержант, а при лошадях. Иди к пулемету или под трибунал.

Наотрез тот сержант отказывался. И сутки в пустой землянке под стражей просидел, и угрозы выслушивал. Потом кое-как согласился вторым номером к ручному пулемету встать. Что, ротный не сумел его заставить? А вот не сумел. Под трибунал вполне мог отдать за невыполнение приказа, а «максим» принятый заставить не смог. Правда, это не у Рудько в роте было, тот умел общий язык с солдатами найти. Причины упрямства младшего сержанта я понимал. «Максим» — это головная боль для немцев. Машина сильная, дальнобойная, но громоздкая. Когда огонь открывает, фрицы всегда его старались уничтожить. При большом количестве минометов им это часто удавалось. Особенно если расчет не успевал четырехпудовый «максим» на запасную позицию перетащить.

У меня на глазах два раза «максимы» разбивало. Один раз мина в пулеметное гнездо влетела. Первый и второй номера искромсало до неузнаваемости. Второй раз — из автоматической «собаки», была у немцев такая пушка, калибра 37 миллиметров. Она стреляла, как лаяла. Сволочная вещь, скорострельная. В пулемет два или три снаряда угодили. Одного пулеметчика наповал, а второго всего осколками издырявило. До санбата довели, а дальше не знаю как. Поэтому тот сержант, как черт от ладана, от «максима» шарахался. Хотя должность почетной считалась. Если пулеметчик месяц-два повоюет, то наверняка с медалью (реже с орденом) ходит.

Сержант потом за первого номера у «Дегтярева» стал. Трусом его не называли, но чувствовалось, что очень выжить хочет. Осторожно, с умом воевал. Когда я по второму ранению убыл, он жив был. Лет под тридцать, семью имел, может, и вернулся к жене-детям.

Небрежно относились к своей жизни люди, которые уже все потеряли. В сорок четвертом многие уже знали о судьбе своих близких. Послушаешь, сам жить не захочешь. У кого жену с детьми бомбой завалило, у кого сразу три брата погибли. Такие трагедии, не приведи бог. Они пленных не брали. У нас снайперов, по сравнению с немцами, всегда мало было. Один парень, родню потерявший, почти каждый день на «нейтралку» вылезал. Стрелял метко. Редко когда «пустым» возвращался. Ротный его отпускал. Убитые немцы роте в зачет шли, а убить врага далеко не каждый мог. Я не раз замечал, как большинство молодняка стреляли. Затвор дергают и посылают пули куда попало.

Многие до самой гибели так и не научились целиться.

В судьбу почти все верили. Только считали, что судьбе надо немного помогать. Вот хотя бы в нашем батальоне связи. Вспоминаю обычай — в левый карман что-то металлическое класть. Рассказывали, что какого-то бойца отцовский портсигар от осколка спас. Чушь все это! Один шанс из тысячи. Когда осколок на излете, он и так тебе ничего не сделает, если, конечно, в глаз или висок не попадет. А если ближе, то обычный осколок с трехкопеечную монету винтовочный ствол перешибал и все в тело вминал, аж ребра лопались. После такого удара мало кто выживал. Тут никакой портсигар или винтовочные обоймы не спасут.

Но судьба есть. В этом я уверен. Когда меня, раненого, немец добить хотел, кто мог подумать, что у него винтовка не заряжена. Фрицы народ аккуратный, с пустым оружием не полезут. Да и любой солдат в бою следит за своим оружием. А тут полз на меня без единого патрона. Такие случаи очень редко бывают. И я как знал, гранату наготове держал, даже усики отогнул. Значит, предчувствовал.

И до этого случай был, когда мы хорошую позицию под подбитым танком заняли. Я вертелся, крутился. Вроде надежное укрытие, а душа не на месте. Напарник бурчал, когда я приказал менять позицию. Заняли пустой окоп, расширили его, а в танк через час немцы снаряд вlepили. Он хоть и сгоревший был, но не до конца. Зачадил, разгорелся. Если бы мы там остались, как караси бы изжарились или снарядом убило. С одной стороны, судьба, а с другой — у меня опыт уже имелся. Не занимать слишком заметную позицию. Танк, как таракан на белой стене, выделялся. По нему бы все равно шарахнули. Это и заставило меня

уйти и в земляной окопчик спрятаться.

Или взять старшего лейтенанта Рудько. По всем статьям, не дожить ему до победы. Бесшабашный, отчаянный. Водочку любил, да начальство его подхваливало. Сражался он храбро, но бойцов старался беречь. Не зря нам с Шумаком запретил немцев из ПТРов дразнить. А ведь дожил до Победы, отвоевав три года. Сам я, правда, его не встречал, но осенью сорок пятого однополчанина встретил. Он мне рассказал, что Рудько батальоном командует, капитана получил.

Насчет других однополчан? Встретил в шестидесятых одного из батальона связи. Он уже какой-то пост занимал, а я сержантом в пожарной охране ходил. Начал хвалиться, особенно когда выпили за встречу. Обещал меня пристроить. Я трезво на вещи смотрю и ответил, что недавно лишь восьмилетку одолел! Куда мне прыгать! Он еще больше расхвалился. Я вижу, потерял человек чувство меры. Допили бутылку и разошлись. Он телефон мне забыл оставить, а я и спрашивать не стал. Меня работа в пожарной части устраивала. Коллектив дружный, начальник меня уважал, отпуск давал, когда я просил, премиями не обижал. Хотя какие тогда премии? Двадцать-тридцать рублей.

Еще одного парня встретил, Волкова Андрея. Тоже из батальона связи. Тот попроще, обрадовался мне. Отметим как следует встречу. Потом переписывались. Андрюха в Саратове жил, а в Волгоград к родне приезжал. Собирались снова встретиться — не успели. Умер он в начале девяностых.

Как отношусь к нынешней литературе и фильмам о войне? Я не великий читатель, но одну книгу за месяц-полтора осиливаю. Когда в пожарке работал, то вообще глотал все без разбору. Тогда книги добрее были, но брехливые. Пусть меня извинит товарищ Главный маршал, но когда я его воспоминания прочитал, то удивился. Словно учебник истории. Перечисление великих операций, взятых городов, как капитуляцию принимали. Разве война из этого состояла? Принято все на Сталина валить. Но разве Сталин заставлял наши истребители возле границы рядами выстраивать, чтобы их в один день всех сожгли?

Начальный период войны я не видел. Иначе бы до нашего разговора не дожил. Но под Ленинградом насмотрелся героических наступлений генералов. До девяностых годов только их мемуары и печатали. Хотя бы одному ротному командиру или комбату дали правду сказать? Нет, конечно. Хорошие писатели Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, они лейтенантами воевали, но им тоже всю правду не давали рассказывать.

Сейчас много выходит воспоминаний простых участников войны. Правильное и нужное дело. Они не врут. Чего им врать, как и мне? Красоваться не перед кем. Нам ведь хочется, чтобы дети и внуки знали, как все на самом деле происходило. А насчет фильмов? Запомнился мне «Ленинград». Суровый, правдивый фильм. А боевики, вроде «Разведчиков», просто обидно смотреть. Опять немцы дураки, суеются, кричат не по делу. И косим мы их целыми рядами. Немца непросто было уничтожить. А сломать всю его армию с техникой, за которой мы едва поспевали, вообще огромное дело. Только какой ценой это заплачено! Огромной. Ну, ладно, закончим с войной. Хватит про нее.

Что сказать о своей послевоенной жизни? В 1947 году демобилизовался, вернулся в родное село. Братьев не узнать: кто подросток, а кто совсем взрослым стал. Сестра Рая — замужем. Пожил немного дома. Вдруг снова призывают. Прошел медкомиссию, и направили меня в Сталинград. Там как раз строился Волго-Донской канал. Приметил меня полковник Васин и перетянул к себе в войска МВД, в охрану лагеря.

— Мне фронтовики нужны. Сам знаешь, какая стройка важная. Жилье дам, питание у нас нормальное.

А лагеря вдоль строящегося канала цепочкой шли. Я запомнил Калачевский, Бекетовский, Красноармейский. Полковник Васин Калачевским лагерем командовал. В общем, я согласился и четыре года — с 1948 по 1952-й — работал с осужденными (их тогда называли «зэка») на строительстве Волго-Донского канала, который знает каждый. Можно сказать, был хоть и косвенным, но участником «исторической стройки». Канал назывался

тогда именем Сталина. Сразу отмету в сторону все басни, которые ходили, что творился на стройке беспредел, поножовщина среди заключенных, в карты друг друга проигрывали, трупы в бетон заливали.

Не было такого. Хотя случалось всякое. Но дисциплину мы держали жестко. Полковник Васин на своем большом участке (да и многие другие начальники), понимая важность стройки, которая была на контроле у И. В. Сталина, больше нажимал на заинтересованность осужденных. Все знали, что по окончании строительства многих освободят по амнистии. Некоторые освобождались за хорошую работу и раньше.

Чтобы наладить порядок, Васин договорился со своим начальством. Осужденных с большими сроками — убийц, грабителей, матерых воров, направленных к нам, — мы тут же сажали в вагоны и переправляли в колонии подальше к северу. Знали, что толку от них не будет. А взамен получали «бытовиков», крестьян, воров с небольшими сроками. Они, а особенно мужики из деревень, работали на совесть. Подгонять не приходилось. Знали, что зарабатывают свободу. Земляные и бетонные работы — очень тяжелы. Но стройка продвигалась быстро. И кормили осужденных, по меркам послевоенного времени, неплохо.

Но заключенные есть заключенные! Такой случай припоминаю. В конце рабочего дня собрали на стройзоне, то бишь возле котлована, рабочую смену. Одного человека не досчитываемся. У заключенных круговая порука, молчат. Обыскали все закутки, канавы, щели — пусто. Неужели сбежал? Это же ЧП на всю стройку. Но по каким-то признакам наши оперативники догадывались — здесь не побег. Васин примчался на своем «газике», оглядел строй заключенных, переговорил с бригадирами. Без результата.

— Ах так, зычье недобитое! Всем стоять, пока пропавший не найдется.

Запустил матом в три этажа и укатил. А шеренга заключенных по четыре человека в ряд стоит час, второй. Осень была. Ветер с пылью, холодно. Охранники голодные, злые. Зэки тоже едва на ногах держатся, но молчат. Противоборство — кто кого. Некоторые заключенные, послабее, на землю пытались присесть. Их пинками поднимают. Автоматы и винтовки наготове. В общем, часа три продержались заключенные. Потом паханы незаметно команду дали, выходят двое зэков:

— Мы попробуем найти. Кажись, видели, куда он пошел.

— Ну, идите, — разрешил старший конвоя.

Знает, что никуда они не денутся. С трех грузовиков прожектора все, как днем, освещают. Принесли тело, опустили на землю. В общем, какие-то свои счеты. Убили и мертвеца под камни спрятали, которыми котлован обкладывали. Заставили их труп до лагеря на руках нести. Потом разбирались, кого-то судили, кого-то в другие лагеря перевели. Подобные случаи редкостью были. Хотя несчастных случаев хватало, как и на любой стройке. Кто в котлован свалится, шею ломает. Кто под удар электротока попадет. Концы трудно найти. Я про другое хочу рассказать.

Никогда не думал, что спустя три года мне придется столкнуться со своими бывшими врагами, немцами. Их в 1948–1952 годах работало на строительстве стокилометрового канала «Волго-Дон» большое количество. Сколько — сказать не могу, тогда все засекречивали, но количество военнопленных исчислялось тысячами.

Они содержались отдельно от заключенных, в специальных лагерях. Кто бывал в наших краях, видел поселки, построенные немцами вдоль канала. Добротные дома, с островерхими крышами, аккуратные ограды, асфальт. Названия поселков такие: «Один-Три», «Четыре-Пять», «Шесть-Девять». Это по нумерации шлюзов, возле которых они располагаются. Есть еще поселок Ильевка, все не упомяну. Шестьдесят лет прошло, а поселки держатся. Качественно и аккуратно немцы строили.

Мне приходилось с немцами иногда общаться. В 1948–1949 годах, когда создавалась Германская Демократическая Республика (ГДР), многих освобождали. Оставляли работать осужденных за военные преступления: расстрелы советских пленных и мирных жителей, мародерство, насилие.

Они себя несправедливо обиженными считали. Мол, из других стран уже пленных

отпустили, а их все держат. Что характерно, виновными себя никто не считал. Мол, была обычная война, а они простые солдаты или офицеры. Немцы словно начисто забыли, что пришли на нашу землю с оружием, чтобы завоевать ее, сделать нас рабами.

Ну ладно, не нравились вам «большевики». Но ведь это не повод наши города бомбить, деревни сжигать, убивать всех подряд. Это объяснить им было невозможно. Общались мы чисто по рабочим вопросам, на другие темы разговаривать запрещалось. Но иногда прорывало. Они по-русски уже неплохо понимали. Бригадиры их с нашивками «КС» (команда самообороны) кивали, соглашаясь со всем. Они на скорое освобождение надеялись.

А другие? Крепкие, здоровые мужики со злыми глазами. Смотрел я на них и думал, какой опасный у нас был враг. Они и в послевоенные годы побеги совершали, оружие захватывали. Далекое, конечно, не убегали. Ловили их быстро. Но ориентировки о побегах я неоднократно читал. Кстати, не так плохо их кормили. Я, ради любопытства, на листочке записал дневную норму: 400 граммов ржаного хлеба, 100 граммов крупы, 100 граммов рыбы, 20 — растительного масла, 20 — сахара. Под Ленинградом в сорок третьем мы и того часто не получали. Сейчас, спустя много лет, я к немцам спокойно отношусь. Им тоже досталось. Война добра никому не приносит.

Когда стройка закончилась, я с благодарностью за службу и хорошей характеристикой пошел в военизированную пожарную часть № 7, которые входили тогда в систему МВД, и отслужил 32 года. Ушел на пенсию в 1984 году в звании «старший сержант». То, что высоко по службе не продвинулся, — не переживаю. В коллективе меня уважали.

Уж сколько лет прошло, а иногда навещаю в свою старую пожарную часть, где мне каждый гвоздь знаком.

С женой, Марией Александровной, прожили с 1950 по 2003 год. Больше полвека. И неплохо прожили. Похоронил ее после тяжелой болезни. Вырастили двух сыновей и дочь. Все трое нормально работают, у всех семьи. Имею четырех внуков, правнуки пошли...

Награды? Орден Отечественной войны, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», ну, и послевоенные, за добросовестную службу.

Разведка особого назначения

Мы готовились к штурму. Тоскливо было осознавать, что идут последние недели войны, но этот штурм оборвет жизнь многих из нас. Может, и мою...

Баринев А. Д.

Этот рассказ о моем старшем коллеге по перу, журналисте, фронтовике Анатолии Денисовиче Бариневе. Он ушел добровольцем на войну, имея бронь, будучи студентом знаменитого Театрального училища имени Щепкина. Он мог учиться, закончить его и работать в тылу по любимой специальности. И тем не менее, Анатолий Баринев сделал свой выбор. Закончив специальные курсы, воевал в одной из дивизий Эстонского национального корпуса.

Он занимался разведкой переднего края противника, изучал передвижение вражеских войск и расположение главных позиций. Участвовал в боях за освобождение Великих Лук, Нарвы, побережья и островов Балтики. Был тяжело контужен, а в холодных болотах под Ленинградом получил болезнь легких, сделавшую его инвалидом и заставившую навсегда распрощаться с театральной сценой. Он стал журналистом, прожил долгую жизнь и не жалеет о своем выборе, сделанном в сорок первом году.

Я родился в 1916 году в селе Терса, Вольского уезда, Саратовской губернии. Отец, как и дед, был потомственным лесничим. Мама — домохозяйка. Детей было трое — я самый младший. Закончив семилетку в городе Балаково, поступил в ФЗУ на отделение судомехаников. Три года работал на волжских пароходах, ходил от Горького до Сталинграда

и Астрахани. Хотелось продолжить учебу, и в 1936 году поступил на рабфак при Саратовском педагогическом институте. Учился неплохо, много читал. Особенно любил Толстого, Тургенева, Чехова, Помяловского, Шолохова. Зачитывался произведениями Бориса Лавренева, а фильм «Сорок первый», еще немой, снятый без звука, смотрел несколько раз.

Жили в общежитии. Как успевающий на «хорошо» и «отлично», получал повышенную стипендию — 115 рублей. Сумма для конца тридцатых годов приличная. Обед в студенческой столовой стоил 50 копеек. Булочка со стаканом молока — 12–15 копеек. Экономить мы не умели и, когда деньги подходили к концу, переходили на «диету» — крендель за пять копеек и стакан газировки без сиропа.

Учился я три года, но полученное среднее образование не удовлетворяло меня. После окончания рабфака я поехал в Москву, где поступил в знаменитое Театральное училище имени Щепкина при Академическом Малом театре. До сих пор удивляюсь, как сумел без связей с первого раза поступить в такое знаменитое училище (оно приравнивалось к институту). Помогли хорошие преподаватели в Саратове, Балакове плюс упрямство и огромное желание стать актером.

Война обрушилась внезапно. Только что писали в газетах о дружбе с Германией, а уже немецкие войска взяли Брест и Минск. Нас, студентов, мобилизовали на оборонительные работы. Студенты нашего училища и еще нескольких институтов строили с июля 1941 года укрепления на Десне в Смоленской области.

Работали одни ребята. Рыли противотанковые рвы, траншеи, строили дзоты. Норма — восемь кубических метров земли на человека, как раз от темна до темна и, конечно, без выходных. Ночевали в сараях, палатках, на сене. Утром просыпаешься, а руки часто не разгибаются. Трешь их о росистую холодную траву, начинают отходить. А дружок мой, помню, даже мочился на пальцы — никак не разгибались. Тяжело.

А кому на войне легко?

Кормили нас неплохо. Каша пшенная, ячневая или перловая. Часто давали гречку. На обед — мясной суп или борщ, часто с тушенкой. На второе — каша, а ближе к августу — картошка. Кусочек-два мяса, сладкий чай. Не голодали. Но с одеждой было тяжело. Выдавали только рукавицы, и через месяц мы ходили, как оборванцы. Сами штопали, чинили брюки, обувь. Удивляюсь, как до сентября выдержали.

А на восток день и ночь шли немецкие самолеты. Небольшими группами по 10–15 штук. На нас «обращали внимание» на обратном пути. И хотя из нас никто не носил военной формы или оружия, «рыцари Геринга» на это плевали. Бей любого! Сыпали остатки бомб, строчили из пулеметов, а мы гурьбой сбивались в заранее вырытые щели. Нашей группе повезло, убитых и раненых не было. Но на других участках хоронили ребят лет по семнадцать-двадцать, увозили в госпитали раненых.

Однажды пришлось стать свидетелем трагического эпизода, который врезался в память. Перегоняли шесть наших транспортных самолетов. Какой марки, не знаю, но с широкими крыльями и явно не боевые. Их стали догонять «мессершмитты», тоже шесть самолетов. Наши шли низко и медленно над землей, но сразу стали набирать высоту. Скрылись в облаках, однако «мессеры» легко их догнали.

Хотя бой шел довольно далеко от нас, непрерывный треск пулеметов мы слышали хорошо. Потом из облаков стали падать горящие, как факелы, куски фюзеляжей, крылья, моторы. Парашютов не видели. Уцелел ли кто из наших транспортников, не знаю. Вскоре «мессеры» низко над землей пронеслись в обратном направлении двумя группами: два и четыре немецких истребителя. Сердце сжималось от ненависти к этим гадам. Хотя бы один пулемет нам!

Кстати, забегая вперед, скажу, что на фронте, видя воздушные бои, а особенно наши горящие самолеты, мы, забывая о собственной безопасности, били по «мессерам» из пистолетов и автоматов. Такой сильной была ненависть.

Много шло беженцев, гнали стада коров, овец. Отступали наши части. Бойцы и командиры — измученные, усталые. Шли пешком, с винтовками, скатками. Помню, мы привели в траншею обессиленного капитана лет сорока. Напоили водой, чем-то подкормили. Спрашивали, как там, на фронте?

— Прет немец... трудно остановить. Но ничего, сволочи, они свое получают. А меня черта с два живым возьмут! Один патрон остался.

Он вынул из кобуры наган и крутнул барабан, в котором действительно оставался один патрон. Из короткого разговора с капитаном мы поняли, что его подразделение вело бой, многие погибли, остальные по дороге попали под бомбежку, и капитан искал свою отступающую часть.

Пробыл он с нами минут двадцать. Попил еще воды и заторопился к дороге. Отступавшие солдаты выглядели, конечно, измученными, угрюмыми. Но, вспоминая июльские и августовские дни сорок первого года, скажу откровенно и даже с гордостью: я не видел паники или безнадежности. Шли солдаты и командиры из разбитых полков, батальонов, батарей, но эти люди не были побеждены. Они шли на восток, отступали, но видели впереди какой-то рубеж, на котором остановятся и будут дальше воевать.

Нашим приходилось туго. Помню такой эпизод. Закончив один из участков оборонительных сооружений, мы сдавали его военным. Приехали штук пять «полторок» с командирами и бойцами. Глядим, бойцы без оружия. А до линии фронта километров двести, а то и меньше. Спрашиваем:

— Как же без оружия воевать будете?

— Как положено, так и будем, — ответил один из командиров. — Завтра винтовки и пулеметы подвезут.

Запомнился и другой эпизод. Закончив строительство закрытых оружейных окопов, мы помогали артиллеристам подкатывать к амбразурам и устанавливать полевые орудия, всего 10–12 штук. Я с удивлением увидел несколько громоздких старых по виду пушек, с толстыми стволами, на деревянных колесах, обтянутых шинами. Присмотревшись, разглядел на лафете выбитый в металле год выпуска — 1898. Да, наверняка немало повидала в жизни эта старушка, и не от хорошей жизни она будет отбивать немецкие танки. И все же чувствовали, что наша армия, отброшенная внезапным ударом немцев, без боев не отступает и сопротивление крепнет.

Уже в начале сентября, собираясь в обратный путь в Москву, мы увидели, как к колодцу подъехали три или четыре легковые «эмки». Вышли несколько командиров и водители. Напились холодной воды. Потом командиры отошли в сторону. С небольшого пригорка осматривали в бинокль местность, негромко переговаривались. Кто-то из студентов сказал мне, показывая на высокого военного в легкой кожаной куртке:

— Это генерал Качалов. Не слыхал о нем?

Позже я узнал, что командующий армией Качалов, уже воевавший и награжденный орденами, возглавит в здешних местах оборону и погибнет в бою, в горящем танке, не давая немцам прорваться. Генерал Качалов будет долго считаться пропавшим без вести, и лишь спустя годы станет известна судьба этого отважного и талантливого военачальника.

В Москву мы вернулись в конце сентября. Уже шли бомбежки.

Мы продолжали учиться, а ночами дежурили на крышах, гасили «зажигалки», которые бросали немецкие самолеты. Хотя говорили, что к Москве прорывается один самолет из ста, а остальных отгоняют или сбивают, Москву бомбили довольно часто. По слухам, одна или две бомбы попали в Кремль, но говорить об этом вслух никто бы не решился. Вообще разрушений было немного. Видел ли я, как падали сбитые немецкие самолеты? Нет, лично я не видел. Утверждали, что их обломками усеяны подступы к Москве. Так или по-другому — не знаю. Ползли слухи, что правительство эвакуировано в какой-то дальний город. Я не видел в этом ничего особенного. Главное, в Москве остался Сталин, а значит, город не

сдадут.

Видел я и растерянно мечущихся людей, выкрики тех, кто боялся прихода немцев, или, наоборот, тех, кто ждал их. В целом скажу, что Москва напоминала крепко сжатую пружину. Молчаливые суровые патрули, деловито проверяющие документы. С ними даже в разговор вступать не хотелось. Какие разговоры? Короткое внимательное изучение документов и — «Вы свободны!». Ладони под козырек. Видел и задержанных, которых куда-то молча вели. Те тоже молчали. Разбираться будут в комендатурах.

В октябре 1941 года театр и училище эвакуировали в Челябинск, куда мы добирались на эшелоне со всем нашим учебным имуществом целый месяц. Мне было двадцать пять лет. Я видел, как у военкоматов толпятся школьники, мальчишки 16–17 лет. Было не по себе, что люди воюют, а я здоровый, крепкий парень, кандидат в члены партии, постигаю актерское мастерство. Я записался в декабре в коммунистический батальон, формировавшийся для направления в Керчь и Новороссийск. Уже собрался, пошел попрощаться с ребятами, и тут меня перехватил художественный руководитель театра Илья Яковлевич Судаков. Они стояли вместе с Николаем Семеновичем Патоличевым, тогда работавшего первым секретарем Челябинского обкома КПСС.

— Ты куда собрался? — спросил Судаков, увидев вещмешок за спиной.

— На фронт, — ответил я.

Кто такой Патоличев, я не знал.

— Тебя кто отпускал? — наседали художественный руководитель. — Вам что, просто так отсрочку дают?

Патоличев, выслушав нас и видя мою настойчивость, прекратил спор и сказал, что меня вызовут в военный отдел обкома. Таким образом, в коммунистический батальон я не попал. Много позже я узнаю трагическую судьбу десанта, особенно его первой волны.

Переброска войск через Керченский пролив проводилась в семибальный шторм. Несмотря на сильный ветер, немецкие самолеты топили одно судно за другим. В основном это были небольшие сейнеры, деревянные рыбацкие шхуны и фелюги. Такое судно можно было потопить прицельной очередью крупнокалиберных пулеметов и авиационных пушек. И все же десантники овладели восточной частью Керченского полуострова, продвинувшись более чем на сто километров. Были освобождены Керчь и Феодосия. После разгрома немцев под Москвой это была еще одна крупная победа. К сожалению, летом сорок второго немцы вновь овладеют Керченским полуостровом.

Через неделю меня действительно вызвали в обком, и я несколько часов заполнял подробнейшую анкету о себе, родителях, родственниках. Не знал, что и думать. В разведку, что ли, готовят?

На свои вопросы ответа я не получил, а спустя три месяца, в апреле 1942 года, был направлен в Свердловск на специальные курсы. Там я понял, почему меня так тщательно проверяли. Мы изучали топографию, спецсвязь, кодирование военных карт, специальные пароли, переговорные таблицы и всю остальную премудрость, обеспечивающую скрытое управление войсками.

Неплохо была организована боевая подготовка. Мы изучали не только винтовку Мосина, но и автоматы ППШ и ППД, пистолеты ТТ и наган. Правда, стрельб проводилось немного. Я довольно успешно поражал цели из винтовки. Раза три стреляли из автомата ППШ. Автоматическое оружие требовало иного подхода. Первый раз я запустил все пять пуль «в молоко». Инструктор терпеливо объяснял технику стрельбы. Запомнилось, что стрелять надо короткими очередями, а слишком длинные очереди — «перевод патронов» и могут привести к отказу оружия. Второй и третий раз я отстрелялся на «хорошо». В будущем мне это очень пригодилось. Но стрелять по-настоящему я научился лишь на фронте. На курсах выдавали слишком мало патронов. До стрельбы из пистолета мы не дошли, а из нагана на единственных стрельбах я кое-как выбил «тройку».

Кормили так себе, но сильно не голодали. Каша, хлеб и сладкий чай на завтрак. Через

день кусочек сливочного масла. На обед неплохие щи или суп и снова каша. Мяса почти не видно, но хоть запах есть. По воскресеньям нас старались подкормить получше: гречневая каша, иногда булочки к чаю.

На курсах учились ребята, как правило, закончившие девять-десять классов, техникум, кого-то взяли из институтов. Это накладывало отпечаток и на поведение, отношение к занятиям. Конечно, все мы были молодыми, любили дурачиться, но серьезных ЧП за все время не было.

Помню, на политзанятиях преподаватели хоть и не отступали от программы (Красная Армия всех сильнее, немцы одурачены, венгры, итальянцы — плохие солдаты), но явных глупостей старались избегать. Учитывали аудиторию. О крупной неудаче наших войск под Харьковом высказывались очень осторожно, предпочитая повторять ничего не говорящие сводки Информбюро. Не забывали цитировать статьи о том, как «подразделение капитана К. или майора Н. подбило сколько-то танков и уничтожило 100, а то и все 500 гитлеровцев». Таких заметок в газетах было великое множество. Если судить по ним, от немецких дивизий пух и перья летели. Конечно, мы воспринимали это весьма скептически. Хотя в целом настроены были патриотично и рвались в бой. Просто не любили брехню. Но за правду в то время можно было легко попасть под трибунал. Когда вышел приказ № 227, политработники на все лады комментировали его (в нужном направлении!), подробно с нами изучали. Боевой жесткий приказ как руководство к действию. Ничего о героях сочинять не надо. «Ни шагу назад!» — куда яснее?

Учебу поджимали, учились с утра до вечера, и на месяц раньше срока, получив звание «младший лейтенант», я был направлен в Эстонский корпус, в 249-ю дивизию помощником начальника шифровального отдела.

Несколько слов об Эстонском национальном корпусе. Он был сформирован в 1941 году под Челябинском. Костяк его составляли эстонские коммунисты и добровольцы. Было много бойцов и других национальностей: русских, украинцев, белорусов, казахов. Всех не перечислишь. Зная о непростых отношениях прибалтов к Советскому Союзу, у многих, возможно, сразу возникнет вопрос: а как воевали эстонцы, которых в корпусе было больше половины.

Отвечу коротко. Воевали эстонцы храбро, как и другие бойцы. Будет лицемерием, если скажу, что эстонцы на «ура» встречали Советскую власть и присоединение Прибалтики к Советскому Союзу в 1940 году. Многие привыкли к своему укладу жизни, не принимали колхозы, часть прибалтов подверглись репрессиям, перед войной были высланы за Урал. Но большинство, взявшие винтовки и вступившие в Эстонский национальный корпус, понимали, что такое фашизм. Смерть, рабство, геноцид целых народов. Поэтому и сражались.

Буду всегда помнить грамотных, преданных своему делу командира корпуса генерал-лейтенанта Пэрна Лембита и командира нашей дивизии генерал-майора Ломбака. В оперативной группе на передовой, рядом с нами, делил опасность и умело руководил полковник Фельдман. Помню высокого жизнерадостного капитана, помощника начальника разведотдела Рудольфа Казари, погибшего в бою и похороненного с однополчанами Николаем Тропихиным, Николой Варченко, Федором Ковальчуком.

Рудольф Казари погиб в бою в декабре 1942 года, выбивая засевших в подвале немцев. Он шел впереди и был убит автоматной очередью.

Имелись и такие, кто не прочь был перейти на сторону немцев. И переходили. Но рассказы о массовом переходе к немцам — это неправда. У эстонцев своя гордость. Хотя обрабатывали их немцы крепко. И листовки бросали, и по радио на весь передний край выкрикивали призывы:

— Эстонцы! Переходите к нам. Завтра уже будете в Таллине!

Скрывать не буду, был случай, когда под Великими Луками рота, сагитированная своими командирами, пыталась перейти к немцам. Часть их при переходе была уничтожена,

кто-то сумел добраться до немцев, остальных судил трибунал. Судьба мне их неизвестна. Это случилось в конце сорок второго года. Сотни городов Советского Союза, Прибалтика, Украина, Белоруссия были под немцами. Бои шли на Волге. Не каждый верил тогда в победу. Переходили к немцам, пытаясь спасти свою жизнь, а кто и за тем, чтобы повернуть оружие против Красной Армии. О других случаях группового перехода к немцам я не слышал. И не хочется даже вспоминать, зная, сколько павших товарищей всех национальностей мы оставили в земле на пути к победе.

В октябре 1942 года нас перебрасывали под Москву. Темнота, стук колес. Несколько бойцов пели протяжную грустную песню на эстонском языке. Песня была знакома:

Мне часто вспоминается отчий дом,
И часто вижу сон о том,
Где отцовская крыша
Укрывала меня маленького.

Я с тоской слушал их. Второй год идет страшная война, и конца ей не видно. Вряд ли вернусь с нее живым.

Под Москвой пробыли недолго. В ноябре 1942 года нас перебросили на Калининский фронт. Калинин был уже освобожден, и нам предстояло, заменив понесшие огромные потери войска, выбивать немцев из других городов и поселков. Снова теплушка, стук колес, мерцает натопленная печка, а в приоткрытую дверь видны ночные заснеженные поля.

Перед отправкой каждый получил пластмассовый пенальчик и листок бумаги. Было приказано написать все данные о себе, адрес семьи. Смертный медальон. Многие бойцы тайком рвали бумажки и выкидывали. Считалось дурной приметой таскать эту посмертную штуку. Разговорился с соседом-офицером. Тоска, да еще вспомнил этот пенал, куда добросовестно вложил листок с адресом родителей.

— Выбрось ты его. Легче станет. Чего себя заранее хоронить? — посоветовал сосед по теплушке.

Подумал я и выбросил этот листок, а пустой пенал сунул опять в брючный карман. Я надеялся вернуться домой. Даже легче после этого стало.

Прибыли под Великие Луки. Город, занятый немецкими войсками, был взят в кольцо, и наша дивизия с первых дней окунулась в жестокие бои.

Основная моя работа проходила в составе оперативной группы штаба дивизии. Обычно нас было 10–15 человек, три-четыре автомашины, рация. Группу возглавлял кто-то из старших офицеров штаба дивизии. Мы координировали действия полков, держали шифрованную связь с руководством корпуса, армии. С оружием — автоматами, пистолетами, ручными гранатами — не расставались ни днем, ни ночью. Обязательно выставляли караул, а ночами — усиленный.

Мы хорошо понимали, что оперативная группа с ее кодами, шифрами, секретной информацией — ценная добыча для немецкой разведки, и были всегда настороже, не подпуская близко ни одного постороннего человека. О том, чтобы попасть в лапы немцам, и речи не было. Имелся четкий план действий в чрезвычайной ситуации — быстрое уничтожение всей секретной документации, а дальше... отстреливаться до конца, и если не подоспеет подмога — последняя пуля в себя. Штаб группы с радиостанцией и основной документацией находился обычно за передним краем наших войск, в неглубоком тылу. Но разведывательные группы по 2–3 человека, в сопровождении кого-то из офицеров линейных полков и батальонов, практически каждый день находились на передовой. Мы наблюдали за передвижением немецких войск, выявляли расположение артиллерии. Меняли дислокацию, изучали новые участки, забредая порой в тыл к немцам, так как в условиях болот и лесов сплошная линия фронта зачастую не существовала.

Ребята, которые помоложе, наблюдая за немцами, до которых порой было двести-триста метров, загорались:

— Давайте попробуем взять «языка»!

За «языков» в полковой разведке награждали орденами и медалями, но у нас была иная задача. Только оперативная разведка. Конечно, молодым хотелось активных действий, а нам часами приходилось сидеть в замаскированном окопчике, воронке (очень часто в воде). Лежали, не шевелясь, в высокой траве, под дождем или снегом. Помню, досталась полуразрушенная землянка. Насыпали гору земли, чтобы не по воде топтаться, и сидели по очереди возле узкой щели. Пусть холодно, но хотя бы не под открытым небом.

Немцы несли караульную службу четко. Малейшее движение или птица рядом взлетит, и сразу пулеметные очереди, мины. Хуже всего, если поддержки с тылу нет, и фрицы пойдут проверять, кто там шевелился. Тогда оставалась надежда только на себя. Автоматы, гранаты к бою, а дальше, как повезет. Иногда удавалось под огнем отползти. Порой разведгруппы гибли целиком.

Описывая деятельность наших групп на фронте, скажу, что хотя мы в атаку не ходили, но, находясь на передовой, попадали под бомбежки и артобстрел наравне с другими. И товарищей хоронили, и раненых эвакуировали. И сталкивались в бесчисленных наступлениях, операциях, отходах порой чуть не в лоб с немцами. В бой нам ввязываться запрещалось, но бывали ситуации, когда и командиры, и солдаты брались за оружие, отбиваясь от немцев, которые обнаружили нас. У меня, как и других, всегда имелся запас патронов и гранат. И пополнять их приходилось довольно часто.

От древнего русского города Великие Луки, основанного в 1066 году и с давних пор бывшего одним из форпостов нашей столицы, до Москвы было километров четыреста с небольшим. Мощной, хорошо оснащенной немецкой группировкой командовал опытный и далеко не опереточный немецкий генерал Засс (в карикатурном виде немецких генералов частенько показывали в наших старых военных фильмах). Бои шли жестокие. Окруженный, разрушенный город командование Вермахта приказало держать до конца. День и ночь на Великие Луки шли немецкие транспортные самолеты под прикрытием истребителей с боеприпасами, одеждой, продовольствием и всем необходимым для обороны города.

Здесь я впервые наблюдал массивную работу нашей зенитной артиллерии. Небо было усеяно ватными, вроде безобидными издавека, разрывами зенитных снарядов. Несколько раз видел прямые попадания. Яркая вспышка, взрыв, и несущийся к земле огненный клубок. Часть самолетов, получая повреждения, сбрасывали груз куда попало. Медленно опускались огромные мешки с парашютами или падали в снег без парашютов. Теряя высоту, транспортники и бомбардировщики оказывались под огнем пулеметов, винтовок и автоматов. Потери немецкой авиации были большие.

Груз, предназначенный для окруженных немцев, нередко попадал к нам. Консервы, сигареты, одежда. Помню, я впервые увидел обычные сейчас целлофановые мешочки. В них находились небольшие буханки хлеба и стояла дата выпечки — 1938 год. По существу, хлеб был законсервирован и вполне съедобен.

Нас сильно донимали вши, хотя имелись баньки и вошебойки. Мне досталось трофейное шелковое белье. Эти насекомые, изводившие нас укусами, соскальзывали вниз и буквально хрустели в сапогах. Но это мелочи быта, к которым мы привыкали так же, как к холоду, обстрелам и недоеданию.

Однажды наша небольшая группа, находясь в октябре 1943 года на рекогносцировке, попала под огонь тяжелых орудий и минометов. Мы забрались слишком далеко на нейтральную полосу. Фрицы рассудили, что мы высматриваем в оптику их позиции не зря, и сделали все возможное, чтобы не выпустить нас живыми. Мы полезли в болото. Снаряды крошили хилые заросли берез и осин, вздымали фонтаны ила и мутной жижи. Осколок пролетел в метре от головы, перерубив надвое осину. Я невольно присел, хотя брели и так по пояс в воде. Следующий взрыв опрокинул меня в воду. Нашарил выбитый из рук автомат и

побрел дальше.

Четыре часа провели мы в болоте. От осколков я спасся, но пребывание в ледяной воде едва не добило меня. Через день с высокой температурой попал в госпиталь. Началось воспаление легких, появились туберкулезные очаги. Через какое-то время госпиталь эвакуировали, а меня и капитана-разведчика оставили в доме под присмотром медсестры. Оба мы были нетранспортабельны. Отлежав два с половиной месяца, я понемногу вылечился и вернулся в свою дивизию.

Ледяная болотная вода основательно подкосила здоровье. Давали знать о себе застуженные легкие, суставы. После госпиталя меня отправили в санаторий, но и это не совсем помогло. Отлежав после войны с осложнениями несколько раз в госпитале, я получил вторую группу инвалидности по болезни, перенесенной на фронте.

А весной сорок третьего года я узнал от медсестры, что мой товарищ, капитан-разведчик, умер. Сколько раз бывал под пулями и снарядами, участвовал в опасных операциях, но это проклятое болото убило его.

Я вернулся в свою дивизию в январе 1943 года. Понесшая тяжелые потери в течение нескольких месяцев до мая 1943 года дивизия находилась на переформировании. Мы получали пополнение, приводили в порядок технику, вооружение, получали новое снаряжение. Затем снова наступление и затяжные многомесячные бои. Через Чудское озеро и реку Эмайгы переправились вместе две дивизии нашего корпуса: 249-я и 7-я. Конечно, под огнем немцев.

Точно такая же оперативная группа 7-й дивизии попала под разрыв тяжелого снаряда и полностью погибла. Примерно через полчаса мы проезжали мимо этого места. Огромная воронка, обломки догорающих разбитых машин, останки наших товарищей. Полчаса назад они были еще живы, смеялись, верили в будущее. В одну секунду их не стало.

Весной сорок четвертого года произошел случай, который надолго врезался мне в память. Немцев уже отбросили от Ленинграда. Продолжались сильные бои. Группа из пяти человек — майор, старший лейтенант-топограф, я и два сержанта — была направлена на рекогносцировку. Положение на участке нашей дивизии складывалось неопределенное. В одних местах полки и батальоны вырвались вперед, в других — отражали немецкие контратаки.

Майор Дунаев был мне не очень хорошо знаком, он прибыл в дивизию месяца четыре назад. Но человек был опытный. Воевал, имел ранение. Старший лейтенант-топограф (фамилии не помню, звали Борис) умудрился всю войну пробыть в тылу, преподавал в училище, а затем был направлен в наш корпус. Военного опыта у него практически не было, для него этот выезд являлся как бы стажировкой. Два сержанта, наши помощники и охрана, были ребята тертые. Я с ними ходил не первый раз.

Приехали на «виллисе» в полк. Командира только что увезли, он был контужен при бомбежке. Начальник штаба сказал, что полк удерживает позиции, и предложил нам пообедать, но майор Дунаев, чем-то раздраженный, резко отказался. Сделал замечание, что командиры и бойцы ходят небритые, грязные. Штабные-то все начищенные, блестящие, а те, кто на передовой, каждому снаряду кланяются — иначе не выживешь. В чистых сапогах там недолго проходишь.

Начштаба полка дал нам сопровождающего, и мы пошли на передовую. «Виллис» и одного сержанта-водителя пришлось оставить. Лейтенант, который нас сопровождал, местность знал неплохо, но Дунаев вертел по-своему. Когда в одном месте лейтенант сказал, что поляна простреливается, Дунаев усмехнулся:

— Если всего бояться, то до Берлина никогда не дойдем.

Кто такой Дунаев и кто такой лейтенант из полка?

Дунаев руководил отделом, имел два ордена, а лейтенант, в стоптанных кирзачах, был взводным командиром, с нашивкой за ранение и без единой награды. Лейтенант промолчал,

и мы прошли поляну благополучно. Уже вслед немцы высыпали десяток мин, но мы укрылись в лесу, под защитой деревьев.

Осмотрели в бинокли передний край. У нас со старлеем один бинокль на двоих имелся. Он у меня его все время из рук выдергивал. Вежливо, но настойчиво. Ему передовая в новинку, он и немцев близко не видел, разве что пленных. Так передвигаясь, мы очутились на ничейной полосе. Здесь, в лесу, среди бесчисленных ручейков и болот, сплошной линии фронта не было. Дунаеву это не очень нравилось.

— А если противник отсюда ударит? Здесь целый батальон свободно просочиться может. Хотя бы взвод с пулеметами выставили. Безобразие!

Он к лейтенанту обращался за неимением более высокого полкового начальства. Тот помалкивал, поджав губы. С характером был парень. А я подумал, какой к чертям батальон! И наши и немцы вымотаны, потери огромные. Раньше чем через месяц силы никто не соберет. Да и не наступают одним батальоном. Какой с этого толк? А насчет взвода Дунаев явно хватил. Роты в полку насчитывали человек по сорок. Некем перекрывать. Хорошо хоть линию обороны кое-как держали. На эти торфяники, болота да островки сил не наберешь. Майор это не хуже других знал, но что-то указывать надо было. Начальство все же.

Сели перекурить. Я после болезни легких не курил. По утрам и так откашляться не мог. Дунаев с нашим старлеем «Беломором» задымили, сержант от командиров в стороне держался, а лейтенант стал сворачивать самокрутку.

— Бери папиросы, — протянул ему пачку майор.

— Спасибо, я к своей привык.

— Гордый, что ли?

— Не в этом дело, — через силу улыбнулся лейтенант. — Нам папиросы редко выдают. Так что курим махорку.

— Ну, к махорке не привыкнешь, — изобразил улыбку Дунаев. — Когда в сорок втором отступали, я махорку всю курил. До сих пор горечь во рту чувствую, когда самокрутки вспоминаю.

Лейтенант никак не отреагировал на откровения майора, а я подумал: «Кто же тебя в отступлении махоркой всю снабжал?» Когда отступают, сутками хлеба и махорки не видят. Уж это я хорошо знал. Ну, а Дунаев все к лейтенанту привязывался.

— Как фамилия?

Лейтенант встал, руки по швам, самокрутка дымится.

— Лейтенант Герасимов, командир стрелкового взвода. Сейчас временно исполняю обязанности адъютанта старшего при командире батальона.

— Почему временно? Мне кажется, из тебя хороший помощник комбату получится. Или опять в окопы рвешься?

— Чего туда рваться? — глянул в лицо Дунаеву лейтенант Герасимов. — Только на должность адъютанта и без меня желающих хватает. Отдохну недельку-другую, а там, глядишь, чьего-то сынка пришлют. А меня снова на взвод.

— Зовут тебя как?

— Иван, — коротко ответил лейтенант.

— Да садись ты, Иван, — поморщился майор. — Воюешь давно?

— С марта сорок третьего.

Про семью и остальное Дунаев спрашивать лейтенанта не стал. Только буркнул что-то вроде, мол, в штабах не отдыхают, а служат. Я чувствовал симпатию к этому лейтенанту, лет на семь моложе меня. Хотя я тоже считался «штабным», но, по сути, был обычной рабочей лошадью, которую пихали во все дырки. По крайней мере, хоть старшего лейтенанта присвоили. Кто пошустрее, прыгнули уже выше и орденами обвешались. В штабах вопросы наград проще решаются. Дружишь с начальством или кадровиками, принесешь им с передовой трофейный «парабеллум», часы, угостишь пару раз водкой с хорошей закуской — можно разговор насчет ордена заводить. У меня с этим делом не густо было, а многие сверкали к сорок четвертому году целым иконостасом. Конечно, Иван-взводный рано или

поздно орден получит, но чаще бывает поздно. Не доживают. Поэтому я воспринимал лейтенанта дружески. Как это нередко бывает, когда группу возглавляет решительный, но не знающий местности начальник, мы вляпались в неприятную ситуацию. Нет, на этот раз обошлось без обстрела тяжелыми снарядами и ныряния в ледяную воду. Но примерно в полдень мы вышли на горбатую гриву посреди разлившегося озера-болота. Лейтенант пытался доказать Дунаеву, что мы слишком углубились в сторону немецких позиций, но майор отмахнулся.

А дальше получилось вот что. На этой гриве, поросшей осинами, березами, кустарником, успевшими выпустить первые листья, мы столкнулись с немцами. Не в лоб. Иначе бы они нашу пятерку покروшили в момент. Мы их заметили в бинокль. Небольшой вездеход-амфибия, станковый пулемет в окопе. Мы заметили этот пост с расстояния метров ста двадцати. Хорошо, что не успели вымахнуть на открытую поляну. Немцы нас пока не видели. Но я не сомневался, что увидят, а скорее почувствуют.

Не я первый обратил внимание, что на войне человеческие чувства обостряются. Зрение, слух, даже какое-то шестое чувство появляется. Кто-то веткой хрустнет, кто-то кашляет в пилотку — и все. Пулемет на амфибии, пулемет в окопе. От нас через пять минут ничего не останется.

Немцев было человек восемь. Самое разумное было потихоньку отходить. Но немец (видимо, старший), взобравшись на вездеход, внимательно разглядывал озеро-болото, гриву и в любую секунду мог узреть нашу пятерку. Удивительно, что мы смогли подойти так близко незамеченными. Оставалось ждать. Вооружены мы были неплохо. У всех, кроме майора Дунаева, автоматы, по несколько запасных дисков или магазинов. У сержанта — три «лимонки», у нас с лейтенантом — по две. Дунаев и старлей-топограф гранаты с собой не взяли. Впрочем, в этот час это не имело значения. На сто двадцать метров гранату не бросишь, а два пулемета выметут в нашем крошечном леске все подчистую. И наверняка фрицы постараются взять кого-то живьем. Оставалось только ждать. Наблюдать за немцами в бинокль Дунаев запретил. Взял это на себя. Я лежал, как более опытный, рядом с ним.

— Слушай, Анатолий, — снизошел он до имени. — В плен попасть не должен никто. Если кого ранят, ты знаешь, что делать. Эти сволочи пытать умеют.

Я молча кивнул. В такой ситуации любыми способами выбивают показания и немцы и наши. Майор сложил все карты и документы в свою полевую сумку и отобрал у меня одну «лимонку». Уничтожить в случае необходимости. Я знал, что гранатой документы не уничтожишь. Их просто разорвет на части, которые можно восстановить. Впрочем, советских документов у немцев хватало, а карты не представляли особой ценности. Наши позиции на них обозначены не были. А личные документы после смерти мало что могли рассказать. Ну, вышли русские офицеры на рекогносцировку. Обычная работа. Только проделали они ее тяп-ляп и попались.

Мне стало не по себе. Ждать надо было до ночи, а потом вся надежда оставалась на лейтенанта. Сумеет ли он вывести нас. Кроме того, беспокоило то, что, плутая по островкам сухой земли, мы вышли на немецкий пост с северо-запада. Значит, возвращаться надо мимо них. Или отступить на запад, все глубже в немецкий тыл. От напряжения у меня разболелась голова и, что хуже всего, подступил кашель. Я давился, зажимая рот рукавом. Из глаз текли от напряжения слезы, а изо рта слюна. Я почти задохнулся, но кашлянуть означало то же самое, что выстрелить себе в висок из пистолета. А заодно и остальным. Перетерпел. Аж дурно стало. Приступ наконец прошел, и я долго не мог отдышаться. Дунаев посматривал на меня с заметной тревогой, даже с испугом. Взял с собой чахоточного, который всех погубит. Потом майор успокоился и даже похлопал меня по плечу. Молодец, мол. Сумел сдержаться.

Пока лежали под носом у немцев, я много чего вспомнил. И с родителями попрощаться успел, и все варианты спасения перебрал. Если днем начнем отходить, грива полукругом идет, а это значит, метров пятьсот мы под огнем будем. Шансов выйти — ноль целых, хрен десятых. А что до вечера сумеем в крошечном лесном островке незамеченными пролежать, в этом я очень сомневался.

Судьба есть. И жизнью зачастую управляет случайность. Высоко в небе прошли на запад две пары наших истребителей. Экипаж амфибии засуелся, и вскоре машина уехала. Спасибо хоть, что не мимо нас прошла. Немцев осталось четверо. Почти равные силы, если не считать их станкового пулемета «Зброевка-Брно». С одной стороны, можем и бой принять, а с другой — с чего начинать? Лезть в лоб на пулемет или пытаться ползти через гриву?

Оставшись без начальства, фрицы вылезли из окопа. Один зашагал в нашу сторону. Без оружия, без каски. Помочился, не доходя до леска, потянулся и не спеша вернулся к траншее.

Костерок у них задымил. Крошечный, почти бездымный. Еду готовили. Но фрицы беспечными никогда не были. Пулеметчик наготове сидел. Только шевельнись, и полетят в нашу сторону пули. Допустим, снимем мы его и даже успеем еще одного достать. Оставшиеся двое за пулемет встанут. Да что там двое! Одного достаточно. Металл у «Зброевки» качественный, ствол толстый, ребристый. Пуль шестьсот без перегрева свободно выпустит, если не всю тысячу. Выкосит наш лесок, травы не останется. Очень мало шансов этот пост уничтожить. Не зря они на бугорке позицию оборудовали, а перед ними сто с лишним метров открытого пространства. Пожалуй, имеется только один выход — ночью к траншее подобраться.

Только майские ночи в здешних краях мало чем от обычного дня отличаются. Белые ночи. Сумерки сгустятся, и все. Чем больше времени проходило, тем отчетливее я понимал, что без боя не обойдемся. А тут еще один немец, но уже с карабином на плече, вплотную к деревьям подошел. Повозился, подобрал несколько веток для костра. Я даже дышать перестал. Сейчас заметит! Не заметил. А я подумал, если еще раз кто-то к нам двинет, надо стрелять. Одного мы наверняка уложим, а остальных в четыре автомата очередями прижмем — и броском вперед. Свои соображения я шепотом изложил майору. По команде Дунаева к нам присоединился лейтенант Герасимов. Старлей Борис и сержант лежали в десяти шагах позади. Дунаев напомнил мне насчет раненых, которые не должны попасть в плен, а я, ощупав рукава бушлата, убедился, что они промокли насквозь. Как и брюки. Не заметил, когда ледяной влагой пропитался. Чего удивительного? Ладонью ковырнешь, ямка наполняется болотной жижей.

Мы все лежали наготове. Предохранители сняты. От напряжения сводило судорогой пальцы. Больше всего я боялся нажать случайно на спусковой крючок. Еще через час в нашу сторону двинулись сразу двое солдат. Может, за хворостом или по нужде. Солнце скатилось к горизонту, похолодало. Оба были в теплых камуфляжных куртках, один нес через плечо автомат. Что у второго было, я не разглядел, кажется, кобура на поясе. Как все повернулось бы, не знаю. Но к нам полз топограф, у которого не выдержали нервы. Да и мы, выбирая цель, поневоле делали какие-то движения.

Немцы что-то почувствовали и остановились, не доходя до нас метров тридцать. Вряд ли они думали, что под носом у них несколько часов сидят пятеро русских, но солдатская интуиция и осторожность сработали. Один снял с плеча автомат, а второй что-то крикнул своим, оставшимся на позиции. Пулеметчик скользнул в окоп, а другой немец, положив на колени автомат, остался сидеть на бруствере, глядя в нашу сторону. Это не был сигнал тревоги. Обычная настороженность, которая возникает и от возни уток на воде, и от шума летящего вдалеке самолета. Так или иначе, но медлить было нельзя.

Дунаев и я открыли огонь по стоявшим на поляне немцам, а взводный Герасимов — по тем двоим, в окопе. Все происходило одновременно, трудно было понять последовательность. У меня был немецкий автомат МП-40 с откидным прикладом. Мы с Дунаевым свалили обоих немцев первыми же очередями. Герасимов, кажется, зацепил пулеметчика. Сидевший на бруствере немец скатился вниз. Возможно, он тоже был ранен. Позади, хрустя сушняком, к нам бежали топограф и сержант. Сейчас мы кинемся все пятером и добьем тех двоих в окопе.

Но события приняли неожиданный оборот. Во-первых, оба ближних немца, которых

мы посчитали убитыми, вскочили и бросились убежать. Но не к окопу, а в разные стороны, стремясь уйти в низину, к воде, сообразив, что в спину мы их добьем сразу. Кто думает, что тридцать пять — сорок метров дистанция для автоматов снайперская, тот глубоко ошибается. Мы зацепили их крепко, но не уничтожили. И неудивительно. Нам мешали ветки, от которых пули рикошетили, а вылезать на открытое пространство было слишком опасно.

Я дал еще две очереди, свалил «своего» немца и тут же сменил магазин. Дунаев сделал ошибку, которая свойственна людям, мало стрелявшим из автоматов. Ни наши ППШ, ни немецкие МП не предназначены для непрерывной, почти пулеметной стрельбы. Майор ловил «своего» немца длинной, бесконечной очередью. Он его достал, и фриц свалился у воды, но автомат не выдержал очереди в полсотни патронов. Заклинило патрон в казеннике. А из окопа в нашу сторону гулко застучал массивный чешский пулемет «Зброевка-Брно». Закричал старший лейтенант. Я оглянулся. Он ворочался в трех шагах от меня и тянул на одной ноте приглушенный стон: «А-а-а!..»

Дунаев возился с заевшим автоматом. Герасимов, сержант и я стреляли по вспышкам пулемета. Майор неосторожно приподнялся, автомат вылетел из рук. Дунаев влип в землю, прижимая окровавленную правую руку. Пули — обычные, трассирующие, разрывные — сбивали ветки, лопались крошечными взрывами на стволах деревьев, вспыхивали шипящими огоньками на коре низкорослых берез.

— Гранаты... надо гранаты, — бормотал майор. — Что с Борисом?

С Борисом было хуже некуда. Две пули пробили правый бок, развалив печень, изо рта текла кровь с зеленью. Жить ему оставалось немного. А насчет гранат? Как ни исхитришься, а сто с лишним метров открытого пространства не преодолешь. Мы и так стреляли, не поднимая голов. Пуля выбила диск в автомате взводного. Он отстегнул запасной с пояса умирающего топографа.

— Сержант, ползи! — почти выкрикнул Дунаев. — Мы прикроем.

Куда ползти? На смерть? Но майор рассуждал масштабами батальонов и полков. Что ему какой-то сержант, прошедший ранения, обреченную пехоту и случайно попавший в охрану штаба дивизии, где надеялся выжить.

— Не надо сержанта, — сказал я. — Мы попробуем снять пулеметчика.

Не получилось. Немец вставил вторую ленту и в ответ на наши короткие очереди запустил новый веер разномастных пуль. Сгнившая ветка, толщиной с кисть руки, шлепнулась мне на голову, разодрав щеку. Лейтенанту пробило мякоть плеча ниже погона. Пули с хлопаньем прошли тело несчастного Бориса-топографа и подкинули вверх планшет майора, чудом не задев «лимонку», которой он собирался взорвать наши ценные документы. Сержант с тоской посмотрел на меня, снял бушлат. На груди поблескивали две медали «За боевые заслуги» и две нашивки за ранения. Может, он рассчитывал, я еще раз скажу майору, что ползти бесполезно. Но я сказал другое:

— Ползи вдоль берега, там уклон.

Парень кивнул. Он знал это. Знал и другое — пулемет достанет его и у кромки воды. Он сумел проползти метров пятьдесят, пока мы с лейтенантом стреляли по окопу, тщетно пытаясь выцелить торчавшую каску пулеметчика и отвлечь его внимание. Сержанта ударило по ногам, он скорчился клубком, вокруг плясали фонтанчики мха и бурой болотной земли, шевелили уже мертвое тело.

Но, кажется, в этот момент лейтенант Иван Герасимов сумел оглушить немца одиночным выстрелом. Пулемет замолчал, и мы с Герасимовым бросились вперед, непрерывно стреляя. У меня закончились в автомате патроны. Я отшвырнул его и выдернул из кобуры свой старый потертый ТТ, прошедший со мной болота, долгую лежку с застуженными легкими в лесном домике. Он был моей последней надеждой, когда мы остались одни с капитаном-разведчиком и медсестрой посреди ничейного леса, и вот сейчас должен был выручить меня. Мы взлетели на бруствер. Пулеметчик возился на дне окопа,

зажимая окровавленную голову. Второй номер пристраивал на раненой руке автомат. Мы застрелили обоих в упор.

Обычно спокойный, Дунаев суетился. Возможно, сказывалось ранение. У него было пробито предплечье и ладонь. Наскоро перевязав, мы убедились, что старший лейтенант и сержант мертвы. Их тела по приказу майора мы бросили в болото. Наскоро обшарили карманы трех убитых рядовых Вермахта и старшего унтер-офицера. Забрали документы, два автомата, пистолет. Затвор пулемета ловко выдернул лейтенант Герасимов и швырнул далеко в воду.

Мы очень торопились и едва не забыли драгоценную сумку майора с картами и моей «лимонкой». Немного поспорив, решили возвращаться тем же путем, хотя он вел на запад. Доверились лейтенанту, которого в спешке забыли перевязать. Перемотали рану на ходу. К своим вернулись под утро. Я подробно описываю этот эпизод, потому что наше начальство подняло шум. Как же, пропала оперативная группа штаба дивизии! Дунаев, предчувствуя будущее разбирательство, приказал нам говорить все, как было. За исключением двух «мелочей». Мы вовсе не заблудились, а вышли, проводя подробную рекогносцировку, на передовой немецкий пост, выставленный совсем недавно. И сидение на гриве длилось не пять часов, а всего полтора. Сколько надо, чтобы подготовиться и уничтожить пост.

Майор Дунаев за успешную рекогносцировку, решительное уничтожение поста противника и свое героическое ранение получил орден Отечественной войны 1-й степени, вторая у него уже имелась. Погибшего невезучего топографа обошли. В полку он пробыл недолго, и его толком не знали. Погибший сержант получил посмертно медаль «За отвагу». Лейтенант Герасимов, спасший всю группу, также получил «Отвагу» и был утвержден старшим адъютантом батальона. Меня награждать не стали, рассудив, что орден и две медали — вполне достаточно за четырех убитых фрицев. Мне объявили благодарность от имени командира, дивизии, кусочек плотной бумаги с лозунгом вверху «Смерть немецким оккупантам», подписями и печатью. Благодарность я бережно спрятал в свою полевую сумку.

Майора Дунаева после выписки из госпиталя куда-то перевели с повышением. Я служил с ним недолго. Это был опытный и далеко не трусливый офицер. Почему я не говорю «смелый»? Не знаю. После всего у меня остался какой-то неприятный осадок, который быстро рассеяла продолжавшаяся война. Чего не случается на фронте?

Летом сорок четвертого года корпус брал город Нарву, сильно укрепленный узел сопротивления немецких войск. Наши части были оснащены тяжелыми орудиями, минометами, танками и самоходными орудиями. С воздуха нас активно поддерживала авиация. В тот период командование уже отходило от тактики лобовых ударов, которые приносили большие потери. Приходили шифровки с прямым указанием: «Людей беречь!» Мощные укрепления Нарвы были разбиты авиацией и огнем тяжелых орудий. Конечно, были потери, но сравнительно меньше, чем в других операциях.

Здесь я снова видел смелость и трусость. Смелыми я не мог не гордиться. А трусость? Слишком многозначное слово для войны. Хоть и призывали беречь людей, но приказы взять тот или иной пункт никто не отменял.

Пехотная рота, преодолев три четверти расстояния, уже выходила на рубежи, но из каменных блиндажей и подвалов (доты были разбиты) ударили пулеметы и десятки автоматов. Минометы, поставленные почти вертикально, обрушили такое количество мин, что все утонуло в одной клубящейся туче огненных всплесков, дыма и падающих с неба осколков металла, камня, кусков оружия и человеческих тел. И все это полосовали сверкающие трассы длинных очередей. В дыму мелькнул капитан, размахивающий пистолетом. И тут же исчез, превращенный в ничто мощным взрывом. Убегал боец, неся перед собой перебитую в нескольких местах руку. Пилотка была натянута глубоко на уши, а отбеленная солнцем гимнастерка — густо испятнана кровью.

Бежали назад и другие бойцы. Молодняк и опытные фронтовики. Они знали, что на

полосе, которую вспахивают заградительным огнем тяжелые мины, спасенья нет. Большинство оружие не бросили. Капитан, мой начальник, не хотел лишаться шифровальщика, но штабные, повыше рангом, отступили, а остальных кинули в бой. Пускать меня в атакующие ряды капитан также не решился. И в сорок четвертом достаточно наших бойцов и командиров попадали в плен. Если возьмут меня с моим знанием шифров и кодов, капитан, самое малое, отделается штрафбатом.

— Иди к минометчикам, — принял, наконец, он решение.

В минометах я не разбирался. Знал лишь, что там уже повыбило офицеров и мой командирский опыт пригодится. Когда, подхватив автомат, я, пригнувшись, побежал в сторону минометной роты, капитан вдруг крикнул:

— Иди в тыл... если хочешь.

Последние слова меня подхлестнули. Уйти в этой ситуации в тыл означало навсегда прослыть трусом. И я пошел к минометчикам.

Рота 82-миллиметровых минометов состояла из двух огневых взводов, по пять «самоваров» в каждом. Я ввалился в окопы первого взвода. Из пяти минометов стреляли два. Еще два были разбиты. А возле третьего копошился взводный, крепкий жизнерадостный карел Осипов, и еще один боец. Эстонский корпус был крепко разбавлен жителями прибалтийских районов, в том числе карелами. Кстати, воевали они очень неплохо. Осипов мне обрадовался и сообщил, что в миномете застряли две мины. Я невольно отшатнулся. Если они рванут, мало кто в окопе уцелеет.

Но Осипов свое дело знал. Наклонив трубу, поймал в широченную ладонь одну, затем вторую мину. Такое порой встречается в горячке боя. Когда произведен выстрел, наводчик должен обязательно выкрикнуть слово «Выстрел!». Только тогда заряжающий опускает следующую мину. Но если кто-то прозевает и мина опускается в ствол, когда оттуда не вылетела предыдущая, то в пяти случаях из шести происходит взрыв сразу обеих мин. Две мины — это семь килограммов взрывчатки и железа. Хватит, чтобы, рванув в узкой минометной трубе, уничтожить весь расчет.

— Продолжай! — скомандовал Осип и закурил, наблюдая, как сержант бережно опускает мину в ствол. — Выстрел! Ты мне в помощь, Анатолий?

— Вроде того.

— Это хорошо. У меня всего два сержанта остались.

— Убитых много?

— Вон в отсечном ровике трое лежат. Еще троих ночью похоронили и в санбат человек семь отправили. Почти все тяжелые. Вчера снарядами долбили, а сегодня пулеметы донимают.

Я оглядел в бинокль торчавшие, как гнилые зубы, обломки серых каменных укреплений, затянутых дымом. До них было чуть больше километра. В бойницах и среди развалин мерцали пулеметные вспышки. Где-то позади ухала батарея 122-миллиметровых гаубиц. Видимо, из-за нехватки снарядов стреляли с перерывами. Большинство взрывов было не видно. Видимо, гаубицы глушили немецкие орудия за стеной. Пулеметный огонь за тысячу сто метров для нас был не слишком опасен. Большое рассеивание пуль. Но бойцы передвигались пригнувшись.

Примерно с высоты второго этажа пробивались звуки крупнокалиберного «машингевера». Этот представлял реальную опасность. Из окопчика, чуть впереди взвода, бил в сторону развалин МГ-42.

— Толку мало, — сказал Осип, — зато душу греет. Взяли с запасным стволом и с запасом патронов на неделю. Пулеметчик, правда, слабый.

Осипов, недавно получивший младшего лейтенанта и орден Красной Звезды, вопросительно поглядывал на меня. И он и я знали, что стрельба из МГ на такое расстояние эффекта не принесет. Пошарив под ногами, карел достал фляжку:

— Трофейный ром есть. Хлебнем.

— Давай.

Хлебнув рому, запили его теплой водой. Карел объяснил мне, что немцы с утра два раза контратаковали. Метров на шестьсот подошли, ближе не пустили. Это был намек на пулемет.

— Первый номер сюда присылай, — сказал он. — Ящичным поставлю.

В окоп прыгнул чумазый боец. Доложил, что привез мины. Машину поставил в ложбине, так как сильно стреляют, а «студер» издалека видно.

— Конечно, аж вон с той стены, — зловредно согласился младший лейтенант. — Или помогай ящики таскать, или подгоняй машину поближе.

Для любого водителя разгружать машину занятие унижительное. Не абы какой шофер, а водитель американского «студебеккера», который не каждому доверяют. Но минометная позиция выглядела страшновато. Воронки от прямых попаданий, скрученная разорванная труба, тела погибших бойцов, накрытые плащ-палатками. Ткань торчала колом от засохшей крови, а над ней жужжали крупные мухи. Сомнения водителя разрешил прилетевший снаряд, рванувший метрах в сорока от окопа.

Вместе с тремя бойцами он побежал разгружать машину, а я сменил в небольшом окопе ефрейтора-пулеметчика. Вторым номером со мной остался очень низкорослый боец лет восемнадцати, с круглой, как колобок, головой и конопатым лицом. Бойца звали Никита, а на передовую он прибыл с пополнением дней восемь назад. Прежде всего я проверил пулемет. Ефрейтор содержал его в свинячем состоянии. Немецкая техника этого не любила, и я быстро прочистил казенник, заодно научив Никиту, как снимать затвор и менять ствол.

— Ловко это у вас получается, товарищ старший лейтенант, — оценил мои знания боец Никита.

Я заправил металлическую ленту и дал пару очередей в сторону немецких позиций. Потом мы расширили, углубили окоп, работая по очереди киркой и саперной лопаткой. Оборудовали запасную позицию, которая была завалена близким взрывом. Патронов действительно хватало, и лент к пулемету тоже. Зато не было еды. Никита сообщил, что кормили рано утром, в темноте. А что ел — непонятно. Обещали привезти обед. В полевой сумке у меня лежала плоская банка наваги в масле, но я решил ее поберечь. Если возьмат боеприпасы, то привезут и обед.

Позиция у нас была неплохая, на пологом бугорке. Сохранилась кое-где трава. Наши роты застряли метрах в трехстах перед немецкими позициями. С развалин их давно бы перебили, но разгуляться фрицам не давал артиллерийский огонь. Кроме гаубиц и нашей минометной роты неподалеку вели огонь трехдюймовые пушки ЗИС-3. Хотя они были защищены окопами, но большие прямоугольные щиты виднелись издалека. Пушки хорошие, мощные. От отдачи орудия даже подпрыгивали. Я насчитал семь пушек, наверное, остатки дивизиона, в котором по штату числилось двенадцать стволов.

Я осмотрел в бинокль передний край и выбрал место, откуда неподалеку друг от друга пульсировали пулеметные вспышки. Развернул МГ в их сторону. Кнопка предохранителя, расположенная на рукоятке, мягко щелкнула. Передернул затвор и дал пристрелочную очередь. За неполных два года на фронте мне приходилось стрелять из МГ-42. Но пулеметчик из меня оказался неважный. Сейчас, стараясь не повторять ошибок, я бил очередями по пять-семь патронов. Достаточно было увлечься и подержать палец на спусковом крючке чуть дольше, как скорострельная машина выбрасывала сразу два десятка пуль. Сошки подскакивали, а пули разлетались куда попало.

Ничего не скажешь, пулемет немцы изобрели мощный. Тысяча двести выстрелов в минуту. Хотя такого темпа не выдержит ни один ствол. Я расстрелял ленту, и мы сменили позицию. Пристроившись на запасной, снова открыл огонь. Каждая третья-четвертая пуля оказалась трассирующей. Я видел, как они тянутся к каменным обломкам, но погасить вспышки чужих, спрятанных в укрытиях пулеметов было просто нереально. Разве что, если по теории вероятности, одна-две из сотен пуль найдут свою цель. Наши трассеры кому-то надоели. Зашуршал один, второй снаряд. Потом ахнули сразу три или четыре. Ближайший — в полусотне шагов.

Я бросился на дно окопа, сдернув следом пулемет. Батарея 105-миллиметровых гаубиц

перенесла огонь на противотанковые ЗИС-3, и я осторожно высунул голову. Каску носить не любил, считая, что толку от нее нет, только слышать мешает. Беглый огонь с закрытых позиций размалывал остатки дивизиона. Крайняя к нам пушка подскочила, уткнувшись стволом в землю. Как в замедленном фильме, отлетела станина, еще какие-то железяки. Орудие, качнувшись на стволе, перевернулось. К нам бежал артиллерист в серой нательной рубашке. Через его голову перелетело оторванное колесо. Артиллерист, видно, из бывалых фронтовиков, скатился в воронку. Если бы не упал, следующий взрыв, ударивший между нами и дивизионом, изрешетил бы его осколками.

К нам в окоп посыпались комья земли, звякнула о цинк какая-то скоба. Снаряды падали минут двадцать, может, всего пять. Во время обстрела время течет совсем по-другому. Самый ближний снаряд разорвался в двадцати метрах от окопа. Земля ощутимо вздрогнула. На позиции дивизиона, вернее, его остатков, сдетонировали боеприпасы. Рвануло крепко. Нас встряхнуло с такой силой, что я влетел головой в нишу, и в глазах заплясали искры. Я испугался, что сломана шея, но, ощупав позвонки, убедился, что она крутится. Обвалилась стенка окопа. Никиту засыпало по пояс буро-желтым песчаником пополам с глиной.

Наши гаубицы усилили огонь, к ним присоединились другие стволы. Я высунулся из окопа. От семи противотанковых орудий ЗИС-3 осталось всего три штуки. Но они упрямо молотили по немецким позициям. Взлетели несколько зеленых ракет, зашевелилась залегшая пехота. Я снова открыл огонь из своего пулемета. Никита оказался сноровистым и умелым помощником. Ленты он набивал с удивительной быстротой. Очередная атака захлебнулась, временно замолчали орудия и гаубицы. Даже минометы нашего взвода замолчали. Никита вызвался сбегать узнать, как дела и привезли ли еду.

Бежать было всего метров пятьдесят, но маленького солдата все же успел обстрелять крупнокалиберный пулемет. Никита нырнул за бруствер, а я со злости дал несколько очередей в ответ. Никита вернулся через полчаса с котелком перловки и четвертушкой хлеба. Подмигнул, положил передо мной булькнувшую фляжку. Сообщил, что взводный прислал водки.

— Сто граммов мне и сто пятьдесят — вам. Надо бы выпить!

Я был другого мнения. Во время боя как раз пить не надо. От страха и напряжения люди столько глупостей делают, а если еще глаза зальют! Мне было двадцать восемь лет, почти старик для Никиты. Но, пошевелив скрюченными от напряжения пальцами, неожиданно сглотнул слюну:

— Наливай.

Каша оказалась сухой и почти не пахла мясом. Хлеб пополам с ячменем, язык об остяки проколешь. Я вспомнил про банку с навагой. Никита ловко вскрыл жестянку трофейным ножом, понюхал содержимое, лизнул крышку.

— Надо ее с кашей смешать. Жирно и вкусно будет.

Я не возражал. Перловка получилась вполне съедобной, мы подмели полный котелок, а Никита еще насухо вытер корочкой дно. Напились воды, и я пристроился было вздремнуть. Но мой напарник оказался слишком разговорчивым. Во-первых, он рассказал мне про свою семью. Никита был родом из Пензенской области. В начале войны пропали без вести отец и дядька, потом под Курском убили старшего брата, а сестра померла от родов и «воспаления нутра».

— Холода стояли за тридцать, а ей рожать вздумалось. Померла Зина. Теперь у матери я остался и младшая сестренка.

Я выслушал это из вежливости, почти засыпая. Но Никита, хватив сто граммов (слава богу, что не налил ему больше!), стал рассказывать о невесте и соседке-солдатке. С солдаткой он переспал, а невеста берегла себя до свадьбы.

— Во дура! Какие сейчас свадьбы? Боится, что я на ней не женюсь! Мое слово крепкое. А солдатка ничего. Года на четыре постарше. Вот я вам скажу, тарищ старший лейтенант, есть бабы, как бревно. А эта, разденешь ее, а она и так, и эдак. Даже днем не стеснялась. Такие штучки...

Мне стало противно. Никита был мальчишкой, лет на десять моложе меня. Ему хотелось выговориться, но я жестко обрезал его:

— Хватит все подряд нести. Невесты, солдатыки...

В общем, я его отчитал, а спать мне расхотелось. Никита понял, что молот лишнее. Бормотнул: «Мол, чего тут такого?», потом извинился, стал набивать патронами очередную ленту. Я обошел наш двойной окоп, соединенный канавкой, стал выгребать лопатой землю. А Никита заснул, прямо с коробкой на коленях. Он даже подхрапывал, пуская пузырьки слюны. Все мое раздражение мгновенно улетучилось. Может, я и не вспомнил бы тот летний день. Таких много наберется в моей жизни на войне, но дальнейшие события остались в памяти надолго.

В принципе тогда мы считали наше положение устойчивым. Советские войска пробивали оборону Нарвы. Несмотря на приказы «людей беречь», предотвратить гибель многих бойцов и командиров было невозможно. Кто считает, что немцы в сорок четвертом воевали хуже, чем в сорок первом, — глубоко заблуждается. Они дрались отчаянно, постоянно контратаковали, даже в тяжелых ситуациях.

Я вдруг обратил внимание, что снаряды стоявшей далеко позади гаубичной батареи шуршат прямо над головой. Батарея изменила угол огня градусов на пятьдесят или больше. И шапки высоких фугасных взрывов поднимались на левом фланге. Именно фугасных, а не осколочных. Потому что снаряды, поставленные на осколочное действие, мгновенно разлетаются при ударе о землю веером осколков. В голове мелькнуло: «Танки!» Я поднялся на бруствер, взялся за бинокль.

Обтекая город, прямо через наши позиции шли на большой скорости танки Т-4. Длинноствольные, с усиленной броней и боковыми щитами, они двигались, описывая зигзаги. Их было 10–12 штук и по крайней мере две «пантеры». Навесной огонь гаубиц не причинял им вреда. Три противотанковых орудия ЗИС-3, все, что осталось от дивизиона, торопливо разворачивались. Мы с Никитой, подхватив пулемет и ленты, побежали к минометчикам.

Осипов тоже глядел в бинокль на приближающиеся танки. За ними двигались несколько штурмовых орудий, бронетранспортеры и две четырехствольные зенитные установки. Неплохой кулак, чтобы врезать нам сбоку в челюсть! Главное, что его никто не ожидал.

Мы с Осиповым напряженно следили за стремительно приближающимся клином. Если мы окажемся на пути, нас просто сомнут, размажут походя с нашими минометами. Открыли огонь противотанковые пушки ЗИС-3. Танки, разворачиваясь к ним лобовой броней и меняя направление атаки, шли прямо на нас. Бойцы растерянно толпились вокруг. В воздухе почти ощутимо висел крик: «Бежать! Сейчас нас раздавят». Орудия подбили один танк, а в ответ шарахнули сразу три или четыре танка. Накрыли одну, а затем вторую пушку. Чаше стали падать гаубичные снаряды, но они танковую атаку не остановят.

— Тащи все, что есть! — скомандовал Осипов старшине. — Расчетам по местам.

Тот понял его и закивал головой. Появились штук шесть противотанковых гранат. «Ворошиловские килограммы» — так называли эти тяжеленные штуковины, малопригодные для уничтожения танков. Швырнуть ее можно было метров на пятнадцать, кто посильнее — на двадцать. Разве танки так близко подпустят? Да и попасть надо было точно под гусеницу или броском сзади на крышку трансмиссии.

Тем не менее, гранаты раздали бойцам понадежнее, а три миномета открыли огонь по танкам. Беспольный, но хоть отвлекающий бойцов от дурных мыслей. Гаубичный снаряд попал в борт танка. Броневые плиты, защищающие ходовую часть, разорвало в местах крепления, повышибало нижний ряд катков, и танк остановился. Завертел плоской башней, лоя цель, но его со второго выстрела подожгло противотанковое орудие — последнее из дивизиона.

«Ура!» — кричал кто-то. Потому что горели два фашистских танка, продолжала вести

огонь невесть как уцелевшая пушка ЗИС-3. Густо сыпались гаубичные снаряды, и, как автоматы, работали все три наши минометных расчета. Из тучи пыли выскочили четыре «доджа», с длинноствольными приземистыми 57-миллиметровыми пушками. Это были новые противотанковые орудия, которые, по слухам, крушили особыми снарядами любую броню. Пушки разворачивали под огнем очень быстро. Но прежде чем они открыли огонь, взлетел на воздух «додж», и перевернуло взрывом одну из пушек.

Получилось так, что дуэль между танками и батареей 57-миллиметровок шла через нашу позицию. Снаряды разных калибров с жутким воем проносились над головой. «Ура!» уже никто не кричал.

Вырвавшаяся вперед «пантера» была метрах в трехстах от нас. Я отчетливо различал ее скошенную под острыми углами броню и башню с огромной четырехметровой пушкой. Бронебойные снаряды рикошетили от брони, высекая снопы искр. Одна из болванок врезалась рядом с пушкой, брызнул целый фонтан раскаленных кусочков. Но «пантера» с короткой остановки разбила выстрелом 57-миллиметровку, а ее два пулемета подметали все вокруг.

Дело решило то самое последнее орудие ЗИС-3, перекошенное и, казалось, выведенное из строя. Оно закатило два снаряда в борт «пантеры». Пошел дым, из отверстий показалось пламя. Из люков начали выскакивать танкисты. Я вспомнил про пулемет и открыл огонь, зацепив механика-водителя, скатившегося по броне. Он пополз в сторону и ушел от моих пуль, прикрытый бугром. Обгоняя горящую «пантеру», следующий танк вел огонь по батарее, а один из пулеметов прошел веером по нашей позиции. Кто-то из бойцов вскрикнул. Сразу пять или шесть человек бросились убежать.

Снаряд, выпущенный этим или другим танком, разметал всю кучу, разбросав куски человеческих тел. Мы с Никитой забились в узкий ровик, к нам втиснулись Осипов и боец с окровавленной рукой. Ровик был неглубокий, и, если бы танк наехал на него, от нас остался бы фарш. Но танки обошли минометную позицию, не желая терять времени. Батарея 57-миллиметровок была раздавлена. Небольшой вездеход «додж», прятаясь поблизости, понесся прочь. Взрыв опрокинул его, он вспыхнул, как спичка. Старшина с противотанковой гранатой тщетно пытался втиснуться к нам. Двое бойцов метались по окопу. Их расстреляли из бронетранспортера, прошедшего совсем рядом.

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы командование не бросило навстречу немцам танковый батальон. Фрицы хорошо прошлись по нашим позициям. Возможно, навстречу им двигался такой же бронированный кулак. Но на дворе был сорок четвертый год, и знаменитые немецкие танковые клинья часто сталкивались с куда более мощной силой. Конечно, немцы, как всегда, дрались упорно. Мы насчитали потом семь наших сгоревших «тридцатьчетверок», не считая разбитой противотанковой батареи 57-миллиметровок и десятков погибших бойцов.

Но немецкую бронетанковую группу уничтожили почти полностью. Бой шел едва ли не у нас на головах. Кумулятивный снаряд мгновенно зажег и взорвал «тридцатьчетверку», сорванная башня валялась рядом, а из круглого отверстия с ревом вырывался столб огня. Горела солярка, промасленное тряпье, металл, человеческие тела. Немецкий Т-4 получил снаряд прямо в люк механика-водителя. Второй пробил броню рядом, и горящий бензин полыхнул изо всех щелей.

Мы выбрались из нашего ровика. Я разыскивал пулемет, пока не убедился, что там, где его оставил, дымится воронка. Подобрал карабин. Мы, уцелевшие, жались к стенкам окопа. В этом лязганье и грохоте взрывов, горящих кострах металла человеку нечего было делать. Посреди окопа одиноко торчал миномет, а рядом с ним лежал наводчик, весь в крови, как будто облитый с ног до головы темно-красной краской. И этот миномет даже отбрасывал тень от клонившегося к западу солнца. Разве в аду бывают тени?

Тяжелый транспортер «Ганомат», уходя от снарядов, уже дымившийся, влетел в низину. «Тридцатьчетверка» ударила по нему сверху из орудия. Угол наклона оказался недостаточный. Снаряд снес щиток с крупнокалиберным пулеметом над кабиной и взорвался

метрах в пяти впереди, разворотив двигатель. Танк пронесся мимо, а мы кинулись добивать бронетранспортер. Восемь-десять немцев спрыгивали через борта вниз и лезли через заднюю дверцу. Они были оглушены, иначе перебили бы нашу слабовооруженную минометную команду.

Почти у всех фрицев были автоматы, а на борту торчал еще один пулемет. Старшина, вырвавшийся вперед, бросил противотанковую гранату. Она взорвалась ближе к старшине, чем к бронетранспортеру. Его и бежавшего рядом Никиту швырнуло на землю взрывной волной. Я выстрелил из карабина в унтер-офицера с несколькими нашивками. Промаяхнул. Унтер поднимал автомат. Взводный Осипов торопливо высаживал обойму своего трофейного «парабеллума». Свалил унтер-офицера, еще одного солдата. Я, передернув затвор, выстрелил прямо в упор в крепкого рыжего немца, спрыгнувшего из задней двери. Он свалился мне под ноги. Следующего принял на штык минометчик и тут же упал, срезанный автоматной очередью. Высокий немец спокойно, как на учениях, расстрелял короткой очередью сержанта-наводчика, потом еще одного бойца. На него налетел, как коршун, наш боец в одной рубашке, ударил прикладом по голове. Приклад разлетелся на куски.

Действуя обломком карабина, он бил немца по лицу. В моем карабине кончились патроны, и я достал ТТ. Стрелять уже было некого. Подоспевшие минометчики из второго взвода добивали оставшихся немцев прикладами и сапогами. Из разбитой кабины вывалился контуженый водитель. К нему подскочили сразу трое и замолотили прикладами. Еще один минометчик пытался влезть в кучу-малу и врезаться фрицу. Не хватало места. Тогда он сунулся в открытую дверцу кабины и выстрелил в сидевшего там старшего машины, тоже раненого, а может, и мертвого.

Ко мне ковылял мой напарник Никита. Лицо представляло ужасное зрелище. Оно распухло, стало уже не коlobком, а как арбуз. Широкая рана опоясывала горло, скулы, из нее текла кровь. Маленький конопатый боец поддерживал голову и пытался что-то сказать. Он просил помощи. У меня мелькнула мысль, что его полоснули ножом и Никита делает последние шаги. Я силой положил Никиту на спину и оторвал пальцы от раны. Подошел старшина, тоже весь в крови, с выбитыми зубами, и шепеляво объяснил мне:

— Кашку сорвало... ремень шкуру порвал... не нашмерть.

Я понял, что противотанковая граната взрывной волной сорвала с него каску, а лопнувший ремешок разорвал, порезал кожу. Рана была неглубокая, но кровоточила сильно. Санитар, бинтуя конопатого помощника, сообщил, что у Никиты еще лопнула челюсть. Но жить будет!

— Медаль ему... может, орден, — доказывал старшина, хватая меня за гимнастерку.

Он был тоже контужен, и его увели. Вокруг лежали трупы: наши и немецкие. Наших было много. Снарядом убило командира роты, и Осипов принимал хозяйство: три уцелевших миномета и человек семнадцать бойцов. Бойцы, растащив трофеи, хлебнули рома и оживленно подравнивали окопы, подносили ящики с минами. Для погибших расширяли воронку и сколачивали деревянную пирамиду. На войне не принято долго горевать о погибших. Сегодня ты жив, а завтра тебя закапывают в такую же воронку.

— Тебе, Анатолий, наверное, в штаб надо? — неуверенно спросил Осипов.

— Могут остаться, — пожал я плечами.

— Ни к чему. Наши уже в городе, а мин кот наплакал. — Он помялся и попросил: — Ты там, в штабе, насчет наград напослужи, кому положено. У меня бойцы по полгода воюют, а ничем не отмечены.

Полгода — это очень большой срок для минометчиков. Я пообещал, что сообщу замполиту полка, с которым был в хороших отношениях.

— Ты список черкни, а награжденные, если что, потом оформим.

Сам Осипов владел карандашом коряво. Список составлял под диктовку боец из грамотных. Когда он выводил десятую фамилию, я выдернул листок:

— Стоп! Столько не пропускают.

Фамилии карела Осипова там не было, и я вписал ее сам. Замполит расспросил меня о бое, пробежал список. Провел черту, отделяя половину представленных. У него была хорошая память, и он размашисто внес от себя фамилию эстонца, единственного оставшегося в живых в минометной роте.

— Все, достаточно. Думаешь, ордена и медали ящиками привозят? Если на каждую роту по шесть-семь наград, это уже сотни полторы на полк получится.

Он загнулся. Может, хотел сказать, что и работников штаба надо наградить. Они тоже в стороне от операции не стояли. Я его понял и отправился к себе. Нарва была уже взята, кое-где стучали автоматные очереди и одиночные выстрелы. Выкуривали спрятавшихся немцев.

Сильные бои развернулись на островах Балтики, где размещались хорошо укрепленные немецкие гарнизоны. Помню, дивизия штурмовала остров Саарема. Пытались ворваться с ходу по двухкилометровой дамбе, но немцы успели взорвать ее в трех местах, буквально на наших глазах. Часть войск с тяжелой техникой остановилась, пехота пробивалась под огнем вперед. Саперы спешно заделывали огромные воронки, в которых плескалась вода. По узкой кромке уцелевшей дамбы двигались навстречу подводы с ранеными. Среди них увидел несколько знакомых лиц. На одной из подвод провезли тяжело раненную медсестру Валю Кикс, которая воевала в дивизии с 1942 года. Лицо ее было серое и безжизненное. Позже я узнал, что взрывом у нее были сильно повреждены кости таза. Командующий армией, увидев Валю, переговорил с врачами и приказал выделить санитарный самолет. Девушку эвакуировали в Ленинград. К сожалению, раны оказались смертельными, и Валя Кикс умерла.

Мы упорно пробивались через дамбу. По нас били с закрытых позиций немецкие орудия. Вода вокруг дамбы кипела от сплошных взрывов. Часть прорвавшихся войск остановилась под сильным огнем. Творилось что-то невообразимое. Несколько наших эскадрилий штурмовиков и бомбардировщиков пронесли в сторону немецких укреплений. Там загремели взрывы авиабомб. Артиллерия немцев замолчала, но буквально через полчаса после того, как вернулись на аэродром наши самолеты, налетели «лаптежники», немецкие штурмовики «Юнкерс-87», в сопровождении истребителей.

Вниз полетели контейнеры с небольшими бомбами-«лягушками». Контейнеры раскрывались на лету и выбрасывали десятки осколочных «лягушек». Когда эти сволочные бомбы ударялись о землю, срабатывал вышибной заряд. Бомбы рвались в воздухе пачками, словно молотил пулемет огромного калибра. Осколки и шрапнель летели сверху, и укрыться от них было трудно.

Бойцы, не слушая команд, металась под градом осколков, пытались добежать до кустов или небольшого соснового перелеска, но большинство погибли, убитые осколками. Я успел нырнуть в кювет. Со мной рядом лежал военный врач. У него не выдержали нервы, и он постоянно пытался встать. Врача пугало, что мы лежим на открытом месте, и он показывал на островок кустарника, который бы нас все равно не укрыл.

— Лежи, если жить хочешь! — кричал я, более опытный, но врач вырвался и побежал через поляну. Пробежал он шагов тридцать. Бомба рванула рядом с ним, и он повалился на траву. Осколки буквально изрешетили его. Остров мы взяли с большими потерями.

Октябрь сорок четвертого. Балтика, полуостров Сырве. Мы прорываем укрепление немцев. Война идет к концу. Сколько ее осталось? Считанные месяцы, а может, недели? Как не хочется умирать...

На подмогу к окруженным в укреплениях немецким войскам подошли корабли. Тяжелые крейсера, эсминцы, канонерские лодки бьют из орудий главного калибра. Я почти оглох от сплошного рева и грохота взрывов. Такого огня я, пожалуй, не видел за всю войну, хотя каждый бой кажется самым тяжелым.

Огромные снаряды разносят на куски автомашины, пушки, разбивают танки. Вверх взлетают стволы сосен, целые фонтаны огня, земли и останки человеческих тел. По

немецким кораблям бьют и наши дальнобойные орудия. Большими и малыми группами идут на штурмовку наши самолеты. Некоторые корабли горят. И в центре этой грохочущей дуэли — мы, живые люди. Секунда, и от тебя не останется ничего. Растворишься в огромной воронке, станешь сгоревшим прахом. И день, как назло, был солнечный. Яркий, теплый день.

Взрыв отбрасывает меня к стене чудом уцелевшего сарая. Что-то с силой бьет по голове, и я теряю сознание. Сколько пролежал, не знаю, но огонь не смолкает. Меня контузило комьями земли — спасла шапка. Из последних сил ползу к огромному валуну и без сил ложусь за ним. Осколки разлетаются сплошным веером. Несколько штук с силой бьют о камень, откалывая пластины древнего валуна. Я ощущаю даже мелкие осколки, а от крупных камень словно вздрагивает. Выдержит ли он?

Взрывы постепенно смолкают. Бьют уже в основном наши орудия, а немецкие корабли отходят в море. Какое-то судно горит, перевернувшись набок. Наши наступают, гоня немцев на песчаную косу к морю. Дальше им дороги нет. В одном, другом месте поднимаются белые флаги, но орудия и пулеметы в горячке боя продолжают крушить скопище военной техники и людей. Потом огонь смолкает. Тишина. Шатаюсь, выхожу из своего укрытия и бессильно опускаюсь, глядя на море. Ко мне идет кто-то из санитаров. Живой...

Вспоминая эпизоды войны, убеждаюсь, какую роль порой играет случайность. Многие вернувшиеся с войны так и говорят: «Мне повезло». Однажды крепко повезло и мне.

На переправе у Чудского озера скопилась масса техники. Все ждали своей очереди. Осень, в машине холодно, а ждать еще долго. Я увидел вдалеке костер и решил сбегать погреться возле огня. На полдороге вспомнил, что оставил в машине портсигар, и, развернувшись, побежал за ним, зная, что с куревом у всех туго. И когда снова поспешил к костру, услышал шелест падающего тяжелого снаряда. Снаряд взорвался у костра. Столб пламени, земли, горящих веток и разорванных человеческих тел. Много погибло и было ранено сбившихся погреться солдат и офицеров от этого шального снаряда. Меня спасла какая-то минута.

Можно сказать, что так же повезло и моему старому знакомому Осипову, командиру минометной батареи. Его представили к ордену Отечественной войны и вызвали в штаб полка. Пошли вместе с двумя кандидатами на награды и старшиной, недавно назначенным вместо выбывшего по ранению — с выбитыми зубами.

Шли не торопясь. Старшина, которому надоело нести пустой термос, навьючил его на бойца лет сорока пяти. Карел Осипов возмутился:

— Боец тебе в отцы годится, а ты на него термос вешаешь! Тяжело пустую посудину тащить? А ну, забирай обратно!

Старшина стал доказывать, что в армии существует субординация и не дело, когда рядовой шагает налегке, а старшина роты, средний командир, тащит термос. Боец, не желая портить отношения со старшиной, сгладил ситуацию:

— Мне даже так удобнее. Термос-то на лямках.

Осипов плюнул и продолжать спор не стал. Но ускорил шаг, демонстративно заговорив с сержантом. Старшина и двое бойцов с термосами немного отстали. Не заметили, как вышли на поляну с редкими осинами. Немцы ее пристреляли и с ходу пустили два осколочных снаряда небольшого калибра. Они взорвались за спинами старшины и двух бойцов с термосами. Одного бойца убило наповал, а старшину и пожилого кандидата на медаль ранило. Причем пожилого бойца защитил термос, приняв на себя несколько осколков. Но на войне счастье улыбается немногим и счастливые концы случаются редко. Осипов скомандовал лежать. Однако старшина и боец побежали — не выдержали нервы. Следующие четыре снаряда (немцы выпускали их по два) накрыли обоих.

На этот раз термос не защитил минометчика, так и не получившего свою медаль «За отвагу». Жест не удержит снарядные осколки. Старшина тоже погиб. Немцы выпустили еще десяток снарядов и затихли. Осипов вместе с сержантом осторожно выполз из зоны обстрела. Оглянувшись, командир роты заметил, что почти все снаряды легли с небольшим

недолетом. Не ускорь он тогда шаг после спора со старшиной, тоже попал бы под раздачу.

Эту историю Осипов рассказал мне на марше во время случайной встречи. Мне нравился спокойный и рассудительный карел. Я хорошо помнил, как умело он командовал в бою. Красивый орден Отечественной войны очень ему шел. Прощаясь, я искренне пожелал Осипову дожить до Победы. Верю, что дожил.

Сильные бои развернулись на острове Эзель. Остров был укреплен особенно сильно. Глубокие рвы, бетонные доты, блиндажи, огромные завалы сосен, которые не обойти. Все напичкано минами. Танками и тягачами растаскивали завалы, и все опять под огнем. Квадраты немцами были заранее пристреляны, и огонь даже с дальних позиций велся довольно точно. Не говоря уже о дотах, защищенных полутораметровым слоем железобетона, откуда чуть не в упор били автоматические пушки и крупнокалиберные пулеметы. Эти серые бетонные глыбы разбивали тяжелыми 152-миллиметровыми снарядами, подтаскивая орудия как можно ближе.

В боях за острова, а особенно за Эзель, мы понесли огромные потери и в людях, и в технике, но задачу свою выполнили. После 22 ноября 1944 года сильно поредевший корпус отвели на отдых и переформировку. На материк. Мы расположились возле местечка Клоога, под Таллинном. Получали пополнение, технику, учили прибывших новобранцев. В бой нас вводить не торопились, видно, хватало сил и без нашего корпуса, который практически несколько месяцев не выходил из боев.

Я с наслаждением сходил в баньку, попарился. Вместе с другими получил новое обмундирование. Хорошенько выспались. Достав спирта, помянули погибших товарищей. Мне с неделю пришлось ходить в санчасть, болели и кровоточили стертые ноги. Врач, знавший о моей болезни легких, долго простучивал грудь, слушал дыхание. На мой вопрос ничего определенного не ответил. Рекомендовал не застуживаться, пить чай с молоком и медом. Где только все это возьмешь? На предложение пройти обследование в госпитале я отказался. Я не ранен и не контужен. Не хватало, чтобы думали, будто я придуриваюсь.

Местные жители относились к нам настороженно, а порой и враждебно. До нас доходили слухи, что в других частях пропадали солдаты и офицеры. Караульная служба в дивизии была организована усиленно. Поодиночке за пределы частей выходить запрещалось.

В эти недели мне навсегда запомнился один эпизод. Нас привели в костел, где немцы перед уходом расстреляли большую группу гражданских людей. Кто они были, я не знаю. Но один из антифашистов рассказывал, что из костела вынесли много трупов женщин и детей. Расстреливали их торопливо, ожесточенно, в упор. От ударов разрывных пуль на светлых стенах остались многочисленные засохшие брызги и потеки крови. Пол был буквально залит кровью, его долго отмывали, но бурые следы так и остались. Как бы я хотел, чтобы тех фашистов привели сюда и ткнули мордой в эти страшные следы. Но ни в чьих мемуарах немецких «рыцарей» вы, конечно, не найдете ни одного слова об этом костеле и расстрелянных детях.

Неподалеку от Клооги находился крупный концлагерь. К нашему прибытию он был пуст. Местные жители рассказывали, что часть пленных угнали на запад, а большинство заставили разбирать железную дорогу. Рельсы увозили в Германию. После окончания работ все оставшиеся пленные были расстреляны. Ряды тел перекладывали шпалами и старательно сжигали. Показывали нам и ямы, куда закопали останки убитых. Позже с этими фактами разбиралась военная прокуратура и НКВД. В мемуарах немецких генералов и офицеров, которые мне неоднократно приходилось читать, вы не найдете ни слова об этом лагере, так же как и о массовых расстрелах в Бабьем Яре или детском лагере смерти Саласпилс. Вспомните слова песни над могилами погибших детей Саласпилса:

... на бетонную плиту положи свою конфету,
здесь когда-то лагерь был, лагерь смерти Саласпилс.

В мемуарах старательно перечисляются бои, взятые и оставленные города, полученные звания и награды. Но ни слова о массовых убийствах заложников, пленных и просто мирных жителей. Видно, не зря вечный ненавистник коммунистов Уинстон Черчилль отбросил временно в сторону всю свою ненависть к большевикам, увидев угрозу во много раз страшнее. Фашизм! И Англия воевала против Гитлера в союзе с Россией.

В конце февраля сорок пятого отдохнувший, хорошо подготовленный Эстонский корпус был переброшен в Курляндию, где шли сильнейшие бои с окруженной немецкой группировкой. Советская авиация непрерывно, волна за волной, шла в сторону немецких укреплений. Я видел группы бомбардировщиков, штурмовиков в сопровождении истребителей. Авиация сыграла большую роль в разгроме многочисленной немецкой группировки, засевшей в бетонных укреплениях, дотах, траншеях. Но и наши потери в воздухе были немалые.

Собранные в сплошную многорядную полосу зенитные дивизионы и батареи буквально испещряли небо шапками взрывов и густыми трассами 20-миллиметровок и тяжелых пулеметов. Я видел, как возвращаются со штурмовки наши поредевшие эскадрильи. Некоторые самолеты, сильно поврежденные, с трудом тянули над самыми соснами. Дотяните до аэродрома, ребята!

Немцы дрались упорно и ожесточенно, хотя всем было понятно, что войне приходит конец. На мой взгляд, играли в этом большую роль и крепкая дисциплина Вермахта, и широко развернутая Геббельсом пропаганда о том, что «дикие азиаты» не пощадят никого. Пытки, издевательства, расстрел, а в лучшем случае — Сибирь, откуда никто живым не возвращается. Многие немцы после всего, что натворили на оккупированных землях Советского Союза, в это верили.

Мы готовились к штурму. Тоскливо было сознавать, что идут последние недели войны, ярко светит мартовское солнце, но этот штурм оборвет жизнь многих из нас. Может, и мою...

Но неожиданно, уже перед вступлением дивизии в бой, немцы выкинули белый флаг. Капитуляция! Так для меня закончилась война.

Я воевал в исторических местах. Побережье Балтики никогда не было спокойным местом для России, начиная со времен Петра Первого. На островах и побережье сражались и гибли в Первую мировую войну наши прадеды. Моонзунд, Саарема, Эзель — это вехи нашей истории. Вспоминая их, известный писатель Валентин Пикуль оставил такие строки: «Смерть застала их здесь, и они доблестно погибли во славу Грядущего — ради нашего дня, читатель...»

Здесь высятся памятники нескольким поколениям российских воинов и моряков. Среди них есть знакомые мне имена погибших в 1944 году.

Я видел памятник «Русалка» в местечке Пирита. Он поставлен в честь русского крейсера «Русалка», который, выйдя в 1894 году из Ревеля в Петербург, бесследно исчез в холодных водах Балтики вместе со всем экипажем. Памятник вытесан из огромного камня в виде носа корабля, а над ним — скульптура русалки с поднятым над головой крестом. На памятнике выбиты имена всего экипажа погибшего крейсера. Вечная память вам, так же, как и тысячам другим, погибшим в 1917–1918 годах и в годы Великой Отечественной!

Что еще добавить? Имею награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны, несколько медалей. Но это не так важно. Главное, мы победили фашизм.

В 1959 году после демобилизации я приехал в Сталинград и, прожив в городе-герое почти полвека, считаю себя сталинградцем. Это мой родной город. Не могу забыть, как, бывая на Мамаевом кургане, читаю имена погибших за Сталинград. Тысячи имен, и у каждого была мать. Я видел мать Героя Советского Союза Рубена Ибаррури — Долорес Ибаррури. Моя мама умерла 18 мая 1945 года, так и не дождавись меня с войны.

...Иду по знакомой дорожке,
Вдали голубое крыльцо.
Я вижу в знакомом окошке
Твое дорогое лицо...

Это стихи о моей матери и, наверное, о тысячах других матерей, ждавших нас с войны.

Спецназ сорок второго

Мы прорывались ночью. Трассирующие пули проносились рядом. Одна из трасс прошла моего товарища, и он упал. Телогрейка на глазах пропитывалась черным. Меня потянули за руку. Быстрее! Ему уже не поможешь.

Полеев В. Г.

Василий Григорьевич Полеев ушел на фронт добровольцем в семнадцать лет. Получилось так, что мальчишкой он попал в 27-ю воздушно-десантную бригаду. Первое свое задание выполнял в группе опытных десантников, заброшенных в тыл врага, взрывая немецкий понтонный мост через Дон, а затем пробивался через линию фронта, снова в Сталинград.

О людях этой профессии, бойцах-десантниках, любят снимать фильмы, показывая их необыкновенные подвиги, сверхъестественное умение стрелять и сражаться.

Неоднократно встречаясь с Василием Григорьевичем Полеевым, я понял, что это не совсем так. Они были обычными солдатами, выполнявшими в самых сложных условиях свой долг. И все же я смело могу назвать их вполне современным, почетным словом «спецназ». Они были спецназовцами Великой Отечественной.

Я родился 26 мая 1925 года на Дону, в станице Потемкинской, Калачевского района, Сталинградской области. Места наши живописные, быстрая чистая река, поросшие лесом холмы на правом берегу, обширная пойма. Отец и мама работали в колхозе, детей в семье было трое: две сестры и я. Сестры были постарше.

Как все мальчишки, любил рыбалку. На Дону и сейчас рыбалка хорошая, а до войны — вообще отличная. Можно было увидеть рыбака, вытаскивающего из лодки сома килограммов на двадцать или здорового сазана с полпуда весом, и никто не удивлялся. Попадались крупные судаки, лещи, а вяленый синец и чехонь такие жирные, что на солнце просвечиваются.

В нашей мальчишечьей компании имелись свои любимые места. Обычно на перекатах, песчаных плесах. Ловили удочками, донками. Лучше всего клевало вечером, ночью или рано утром. Бывало, до конца сентября рыбалили. В этот период крупные судаки на малька хорошо брались. Разведем костер вечером на песке, сидим, что-то варим, разговариваем. Кое-кто уже покуривает. Взрослыми себя торопились почувствовать. Война нас быстро взрослыми сделала. Мне в мае сорок первого шестнадцать исполнилось. Я уже год работал в колхозе, закончив восемь классов. Летом собирался поступать в техникум, а какой там техникум, когда 22 июня немцы начали войну! Надежда на быстрый разгром врага не оправдалась. На фронте творилось что-то непонятное. Наши войска оставляли город за городом. Как и все, мы, мальчишки, переживали отступление Красной Армии.

В августе ушел на фронт отец. Из родни и знакомых тоже многих призвали. Женщины ходили растерянные, плакали, предчувствовали плохие вести. Посыпались осенью сообщения. В основном «пропал без вести», но много было и похоронок. Моя тетка так кричала, когда похоронка на сына, моего двоюродного брата, пришла! Ему и девятнадцати не исполнилось. Меня обняла и давай причитать: «Ой, Вася, какая судьба вам выпала!»

Выкрикивала что-то еще, себя не помня. Я испугался, вырвался и убежал. А войны я не

боялся. Матери как-то заикнулся, что добровольцем пойду. Она заплакала и уговорила меня глупостей не делать. Некоторые мальчишки ездили в район, записываться в армию. Кому отказали, а кому семнадцать исполнилось, взяли. Вроде в военные училища направили. Я им завидовал.

Когда под Москвой немцам нанесли хороший удар, я не сомневался, что скоро их погонят. Красная Армия всех сильнее! В мае сорок второго началось наступление на Харьков. Мощное и успешное поначалу. А потом радио замолчало. Не то чтобы совсем, а заговорили про отбитые контратаки немцев, перечисляли, сколько фашистов убито, сколько их танков и самолетов уничтожено. В то время мы о трагедии, которая под Харьковом произошла, не знали. Зато появилось в хуторе много беженцев. А в конце мая пришел черный день для нашей семьи. Почтальон принес похоронку на отца. Он погиб под Керчью.

Описывать нашу беду не надо. Какие тут слова подберешь? Мы жили дружно, отца любили. И вот нет его и никогда не будет. Когда я собрался в военкомат, мать на этот раз меня не отговаривала. Может, для кого-то удивительно звучит. Сейчас от армии пытаются уклониться, кто как может. А тогда настрой другой был. И еще такая деталь. Наши края казачьи, хотя слово «казак» с двадцатых годов означало едва ли не врага Советской власти. Веками сложилась традиция: как война, так казаки коней седлают. Хоть с плачем, но провожали мужей и сыновей на все войны.

Коня у меня не было. Добирался вместе с группой призывников пешком. Это было примерно в середине июня. В райцентре я соврал, что мне восемнадцать. Поначалу толком не проверили, а когда выяснилось, подошел ко мне лейтенант и велел собираться домой. «Куда я тебя дену? Приходи через пару месяцев — зачислим в училище, на танкиста или командира пехотного взвода». На танкиста я был учиться готов. Но домой он меня все же не отпустил, сказал, подумает. Я написал заявление, что прошу зачислить меня добровольцем в ряды Красной Армии, чтобы мстить за погибшего отца.

Поболтался еще дня четыре на призывном пункте. Харчи кончились, кормили раз в день жидким супом или кашей. Ходил голодный. Приезжали «покупатели». Уводили команды, а меня неожиданно заметил лейтенант с необычными эмблемами, который набирал людей в воздушно-десантную бригаду. Он рассказывал, что служба в воздушно-десантных войсках особая. Ребят берут смелых, которые будут действовать в составе парашютных десантов, драться с немцами в их тылу.

В сорок втором мало у кого имелись награды, а у лейтенанта блеснул орден Красной Звезды. Сопровождавший его высокий светловолосый старший сержант имел медаль «За отвагу». И еще, что я заметил, хоть и мальчишкой был. Мне показалось, что у них и вид другой был. Мускулистые, крепкие, хотя не сказать, что «амбалы». Словом, тертые ребята. Я полез в числе других записываться. А потом меня дернул за локоть мужчина лет тридцати и отозвал в сторону: «Ты парень молодой, мало в жизни понимаешь. В десант не иди, живыми оттуда не возвращаются».

Я сначала подумал, что провокация. Но мужчина, оглядываясь по сторонам, повторил, что лучше мне записаться в шоферы или радисты. Убеждал он меня с сочувствием, и я заколебался.

И все же я попал в команду, которую составлял лейтенант. Познакомился с сопровождавшим его старшим сержантом, разговорились. Сержанта звали Леонид Иванович Коваленко. Он выслушал мою нехитрую биографию и предложил: «Не раздумывай, иди к нам». До Сталинграда мы добирались пешком, переночевав в каком-то складе. Было полно мошки, в такую пору днем даже скотину стараются выгонять на луга реже. Наша команда, человек сто, представляла странное зрелище. Мало того, что одеты в рванье (все равно форму дадут!), да еще идем, размахивая руками, отгоняя мошкар. Поздно вечером пришли в Сталинград. По дороге троих или четверых недосчитались. Лейтенант с орденом сплюнул и сказал, что обойдемся без них. Это не бойцы.

— Так, что ли? — обратился он ко мне.

— Так точно, товарищ лейтенант! — бодро ответил я, хотя все лицо опухло от укусов

мошки.

— Зовут тебя как?

— Красноармеец Полеев. Василий Григорьевич.

— Наш парень, — поддержал меня Коваленко. — Отца у него под Керчью убили. Хочет мстить.

— Ты еще не красноармеец, — усмехнулся лейтенант. — Для этого присягу принять надо. Лет-то тебе сколько?

— Семнадцать с половиной, — ответил я, твердо уверенный, что из Сталинграда меня домой не отправят — слишком далеко.

В Сталинграде, на призывном пункте, нас покормили и в тот же день отправили на «полуторках» через паромную переправу в Среднюю Ахтубу, поселок километрах в тридцати от города. Потом отметились в штабе и снова пешком шагали целый день к месту расположения части.

Я мало знал, что представляла тогда 27-я воздушно-десантная бригада. Но то, что это была не совсем обычная часть, понял быстро. С месяц я провел в учебном батальоне. Нас переодели в сильно поношенное обмундирование, ботинки с обмотками. Когда сдавали нашу гражданскую одежду, ко мне подошел какой-то парень, оглядел мои гражданские башмаки, довольно крепкие, и предложил:

— Буханку хлеба за них хочешь?

— Их же сдать положено. В фонд обороны, — возразил я.

— На положено хрен заложено! Соглашайся.

Я согласился, потому что все время хотелось есть. Ботинки исчезли, а хлеб я, конечно, не получил. Вскоре этот обидный случай сгладился в памяти, потому что началась учеба. Обычно занятия проводились по взводам. Сорок человек, а во главе младший лейтенант или сержант. Жили мы в палатках среди живописной Волго-Ахтубинской поймы. Подъем, пробежка километра два, зарядка, завтрак, изучение уставов, строевая подготовка и так далее. Можно сказать, проходили курс молодого бойца. Но одновременно нас проверяли, как говорится, «на вшивость». Из взвода куда-то исчез курсант, который постоянно ныл, что «немцы прут и никак их не остановишь». Его не забрал особый отдел, а просто, как мы поняли, перевели в обычную часть.

Через неделю нам устроили кросс километров на восемь. Я едва выдержал. Спасли крепкие легкие, не отравленные табаком, и упрямство. Но еще двоих, «скапустившихся» на полдороге, тоже отчислили. Из-за чего-то убрали чернявого паренька. Якобы из-за национальности или из-за социального происхождения. Так потихоньку оставляли костяк, не сказать, чтобы самых крепких ребят, но упрямых и надежных. Через месяц подготовки человек двадцать, в том числе меня, перевели в военный городок. Снова разбили по взводам, и я неожиданно увидел старшего сержанта Коваленко. Он командовал взводом, и я упросил взять его к себе. Впрочем, уговаривать долго не пришлось. Коваленко, сразу узнав меня, спросил:

— Ну что, обкатали маленько? Выдержал?

— Нормально.

— Тогда пойдём со мной.

Было начало августа. Уже прочитали грозный приказ Верховного Главнокомандующего № 227 «Ни шагу назад». Мы приняли присягу. Шли ожесточенные бои в большой излучине Дона, откуда рукой подать до Сталинграда. Сводки Информбюро, как всегда, грешили туманными фразами. Я не знал, может, и нашу станицу оккупировали немцы. Шестого августа фашистские части взяли станцию Тингуту, менее чем в ста километрах от Сталинграда. Я представлял фашистов, сжигающих наш дом, расстреливающих мою родню. Однажды не спал всю ночь, даже тихо плакал, чтобы никто не слышал.

Утром начиналась учеба, и я брал себя в руки. Занятия носили уже другой характер.

Взводы по сравнению с учебным батальоном были меньшего состава, человек по двадцать пять. Почти исчезла строевая подготовка, меньше мучили уставами. По-прежнему делали по утрам долгие пробежки, но появились новые дисциплины. Каждый день по часу, разбившись на пары, изучали приемы рукопашного боя. Сержантов-преподавателей было двое. Один смуглый, жилистый, по фамилии Айдашев. Мы называли его «Айда». Конечно, за глаза.

Айдашев вел занятия очень жестко. Никто не любил быть у него спарринг-партнером. Он с такой силой шмякал о землю, что курсанты порой не могли долго прийти в себя. Если шли упражнения с учебным ножом или пистолетом, Айдашев безжалостно выворачивал руки, заставляя людей вскрикивать от боли. Однажды он нарвался на хорошо подготовленного парня. Тот не поддался и сам сбил с ног Айдашева. Сержант пришел в ярость и буквально измолотил парня. Мы возмутились, подняли шум. Пришел Коваленко, построил взвод и отчитал всех:

— Сержант Айдашев вас фашистов бить учит, а вы синяков испугались. Как же вы в бою себя поведете?

Но Леонид Иванович все же поговорил с инструктором, тот немного приумерил пыл. Хотя бы в нашем взводе. В других взводах он действовал по-прежнему. Второй инструктор, наш, русский, из борцов, был душевнее, хотя заставлял нас проводить приемы в полную силу:

— Никаких касаний. Девочек будете гладить! Резкий удар. Вот так!

И кто-то из нас катился по траве, а деревянный нож или пистолет летел в другую сторону. Мы старались, понимая, что это важно. Однажды один из парней сломал кисть руки. Его отправили в санбат. Разбираться, кто прав, кто виноват, не стали.

Кормили нас неплохо. Каждое утро, кроме каши и хлеба, — кусочек масла. На обед хороший суп, каша с мясом. Вокруг было много садов и плантаций. Я-то привык к помидорам, а те, кто с севера, прямо объедались ими. Хватало и яблок, которые мы приносили в гимнастерках, завязав воротник и рукава. Сторожа нас не гоняли, только просили не ломать стебли и ветви. Начальство предупреждало: если схватим дизентерию, будет расценено как членовредительство. Обходилось! Пока молодые, все впрок шло.

Много занимались боевой подготовкой. Изучали винтовку, ручной пулемет, автоматы. Коваленко учил нас разбирать и собирать немецкий автомат МП-40. Нам он нравился. Коваленко сразу предупреждал, что это оружие ближнего боя и все автоматы рассчитаны на стрельбу короткими очередями. Проводились стрельбы из пистолетов ТТ, наганов. Из ТТ я попадал точнее. Чтобы метко управляться с наганом, нужны навыки и сильные пальцы. У пистолета после каждого выстрела курок взводится автоматически, а чтобы выстрелить из нагана, надо приложить дополнительное усилие для взведения курка и лишь затем стрелять. На стрельбище мы иногда хитрили, незаметно взводя курок перед первым выстрелом. Это помогало попасть в цель, но последующие выстрелы уходили в края мишени или «в молоко».

Леонид Иванович Коваленко относился ко мне хорошо. Я был самым младшим во взводе. И, если быть объективным, во многом уступал другим курсантам. Хотя в неразберихе сорок второго года в воздушно-десантную бригаду брали порой случайных людей, но в основном ребята были проверенные, прошедшие отбор. Я подружился с Федей Марковым, бывшим киномехаником из-под Куйбышева. Он был худощавый, среднего роста, но хорошо развит физически. Крутил на турнике «солнце» — залюбуешься. Когда я спросил, где он так научился, ответил, что в его прежней части старшина был въедливый. Заставлял после ужина на турнике и брусьях заниматься.

— А у меня руки тренированные. Знаешь, сколько коробка с кинолентами весит?

Я не знал, и Федя сообщил, что две коробки тянут двадцать четыре килограмма. Приходилось таскать на себе и за десять, и за пятнадцать километров. Я любил кино и завидовал Феде, интересовался, где учат на киномеханика.

— Ерунда все это, ручку крутить да ленты склеивать. Человек должен настоящую профессию иметь. Я просто перед армией подрабатывал. А вообще-то моряком хотел стать.

Может, и стану.

Преподавали взрывное дело. Но это была слишком сложная наука. Нас учили основам. Взрывников готовили специально, и все они, как правило, уже имели какую-то подготовку. Я тоже прошел курс. Узнал, что основной взрывчаткой, которой пользуются десантники, являются тол и тротил. Несколько дней посвятили изучению разного рода взрывателей и дважды съездили на полигон, где взрывали с помощью бикфордова шнура толловые шашки. Тола выделяли немного, и взрыв небольшой шашки метров за сто гремел глухо и не слишком впечатляюще. Я ожидал большего.

Взвод Коваленко готовился для непосредственной работы в тылу противника. Я не знал, что в тот период решалась судьба о моем отчислении. Прежде всего, Коваленко не хотел брать на опасное дело семнадцатилетнего мальчишку, да и подготовка, по сравнению с другими, у меня была слабее. Как я понял, собирались перевести в одну из вспомогательных частей. Но события на фронте изменили мою судьбу.

В июле — августе уже всюю шли налеты немецкой авиации на Сталинград. Бомбили Волжскую флотилию, нефтяные караваны, минировали фарватер реки. 8 августа немецкие бомбардировщики бомбили Красноармейские причалы, взорвали несколько барж с боеприпасами. Отголоски взрыва слышали даже мы, под Средней Ахтубой, хотя не знали в тот день, что случилось. Но главные события были впереди. 23 августа немцы обрушили сотни самолетов и буквально за день разрушили центральную и северную части города. В этот же день немцы прорвали фронт, и немецкие танки появились на окраине Сталинграда.

В подготовку взводов вносили изменения. Отбирали курсантов и куда-то увозили. Части 27-й бригады участвовали в боях за Сталинград, а в тыл забрасывались разведывательные и диверсионные группы. Как-то вечером меня вызвал Коваленко и спросил, как идут занятия. Ответ выслушал рассеянно, потом заговорил о другом:

— Ты места на Дону хорошо знаешь?

— Неплохо. В Калач сколько раз сопровождал подводы с зерном. На рыбалке все вокруг исходил. К тетке в станицу Суровикинскую на катере плавал. Другие места знаю...

Коваленко расстелил на столе большую карту, склеенную из нескольких кусков. Карты и хождение по азимуту мы уже изучали, и я довольно уверенно находил хутора, которые он мне называл.

— Вася, — сказал он, — ты ведь понимаешь, в какую бригаду попал?

— Конечно. В десантники.

— Да ничего ты не понимаешь. Будем работать в тылу у немцев. Там законы другие. Попадешься живым, будут пытаться, а потом убьют. Или на них работать заставят.

Мои слова звучали наивно, но я напомнил о том, что я комсомолец, что давал присягу. Вспомнил Зою Космодемьянскую, которая выдержала все пытки и с честью погибла. Леонид Иванович Коваленко не принадлежал к числу политработников. Он достаточно хорошо изучил меня и проверять мой патриотизм не собирался. Просто он откровенно и жестко объяснил суть предстоящей работы. Это не фронт, где кругом свои. А в тылу действуют в полной изоляции. Все силы — на выполнение поставленного задания. Остальное не имеет значения.

— Представляешь, что будем делать, если кто-то ногу сломает?

Я подумал и ответил, что понесем с собой. Повторил чьи-то слова, что «разведка своих не бросает».

— Чтобы нести раненого, надо четыре человека и плюс двое в дозоре. А если в группе всего четверо?

Я не знал, какого ответа ждал от меня Коваленко, и, помявшись, ответил, что раненого надо спрятать поглубже в кусты, а на обратном пути забрать.

— А если он к немцам в плен попадет? — настаивал старший сержант. — Они умеют языки развязывать.

Я догадывался, какого ответа ждет от меня командир взвода, но не мог вслух

произнести, что человек, ставший обузой в глубоком тылу, обречен. Он обязан либо застрелиться сам, либо... Ну, не знал я точного ответа!

Из нас уже формировали группы или, по крайней мере, костяк будущих групп. Я познакомился с Федором Марковым и Саней Погодой. Оба были специалисты — минеры. Помню, взяв еще двух бойцов, мы возводили примитивный мосток через узкий ерик. С трудом ворочали тяжелые кривые бревна, перетаскивали по грудь в грязи и воде, сколачивали досками. Досок поблизости не было, и мы отрывали их от старого сарая. Там же добывали ржавые гвозди. Уже к вечеру на нашу работу пришел глянуть Коваленко.

— А почему мостик без перил? Так не пойдет.

Он был прав. Взрывники ушли, а мы, трое, сколачивали до ночи перила. Получились хоть и корявые, но достаточно крепкие. Искусанные комарами, но довольные, мы проверили крепость мостика и перил. Предположили, что здесь будет новая площадка для занятий. Постирали одежду, помылись и вернулись к себе за полночь. Ужин нам, конечно, не оставили. Побурчав, легли спать. Утром, уже группой, отправились к нашему мосту.

Марков и я прикрутили к бревнам толовые шашки. Федя еще раз показал, как устанавливается детонатор и крепится электрошнур. Отойдя метров на восемьдесят, Марков настроил машинку с рукояткой, приказал всем лечь.

— Крути рукоятку. Резко, — скомандовал он мне.

Я крутнул раз и второй. Грохнул взрыв. Когда мы подошли к ерику, наш мостик был разнесен и разбросан. На воде покачивались оторванные щепки, и плавала вверх брюхом глушенная мелочь.

— Чего смотришь? — засмеялся Федя. — Собирай рыбу. Может, на уху хватит.

Запомнились марш-броски с наполненными всякой всячиной вещмешками. Выдали нам и винтовки с пятью патронами на каждую. В день проходили километров по сорок. На нары валились замертво. Тренировались, как бесшумно снять часового. По много раз подползали к чучелу в драной немецкой форме (где-то достали для такого случая) и вонзали нож в плотно набитый травяной мешок. Не обходилось и без досадных случайностей.

Ползти приходилось по тридцать-сорок метров. Видимо, специально нам подбрасывали сухие ветки. Впрочем, в начале сентября их и так в лесу хватало. Хрустнет под локтем сучок — все, задание сорвано. Я сообразил и начал подползать стороной, по траве, осторожно отодвигая сушняк. Один раз до того увлекся ползаньем, что уткнулся в сапоги сержанта Погоды.

— Ну, и что дальше? — насмешливо спросил Саня. — Ты хоть вперед смотришь?

Отчитал меня. В другой раз я кинулся на чучело с такой прытью, что поскользнулся. Но не растерялся, а мгновенно вскочил и, перехватив фашиста «за горло», вонзил нож точно в цель.

— Молодец, правильно сработал!

Саня Погода был с Урала. Успел повоевать, получил ранение. Хорошо разобрался в радиоделе, взрывчатке, гранатах. От него я узнал много полезного. Гранаты мы метали в основном учебные, добиваясь точности и автоматизма. Дважды бросали боевые: РГ-42, новую для того времени гранату, и знаменитую «лимонку». Я считал, что шестисотграммовая «лимонка» поражает осколками все живое чуть ли не в радиусе ста метров.

— Нет, — качал головой мой новый товарищ со странной уральской фамилией Погода. — На это не надейся. В «лимонке» тротила гораздо больше, чем в РГ-42, а корпус из чугуна. Ее взрывом сильно крошит. Можно, конечно, и на полста шагов фрица завалить, но это маловероятно. Слишком много мелких осколков. Крошево. Так что бросай точнее. Рассчитывай попасть не дальше десятка шагов от фашиста, да и то, если он в рост. Лежащего только в упор возьмешь. А РГ-42 вообще наступательная граната. Ее прямо под ноги или в окоп кидать надо.

На стрельбы ходили группами по десять-двенадцать человек. Это не сорок курсантов,

когда по три патрона выдавали. Здесь патронов не жалели. Возглавлял группу Коваленко или Федя Марков, который являлся его заместителем. Коваленко учил меня правильной стрельбе из нагана.

— Это наше основное оружие. Автоматов не хватает, — объяснял он. — Все в Сталинград идут. Нас сбрасывают в тыл не для боя. Наше дело выполнить задание и с немцами без крайней необходимости в бой не ввязываться.

Какое предстоит задание, Коваленко умалчивал. Я с лишними вопросами не лез. Продолжались тренировки и боевые стрельбы. Из нагана я выпустил по мишеням штук семьдесят патронов. Стрелять научился более-менее прилично. Тренировались из ППШ на сто и двести метров. На сто — я выбивал неплохие результаты, на двести — похуже, да и то одиночными выстрелами.

Вот только с парашютом мне ни разу не удалось прыгнуть. Теоретически вроде все знал: как правильно уложить купол и стропы, как учитывать направление ветра, как приземляться, чтобы не переломать ноги, и как быстро и четко собрать парашют. Практически же не получалось. То воздушную тревогу объявят и единственный тренировочный аэростат прячут под защитную сетку, то какая-нибудь неисправность, то очередь до меня не дойдет. В общем, когда полностью экипированной группе объявили, что вылет состоится через сутки, я почувствовал себя неуютно.

— Держи себя спокойно, — сказал Коваленко. — Парашют уложен надежно. Твое дело шагнуть через дверку, а купол, как и у всех, будет открываться автоматически.

К тому времени группа была уже полностью укомплектована. Шесть человек, в том числе одна девушка, Зина Стебловская. Высокая, темноволосая, Зина напоминала наших казаков, но на вопрос откуда, засмеялась:

— Далеко. Да ты не обижайся, Васек. Чем меньше знаешь, тем лучше спишь.

Я буркнул что-то в ответ. Выделяется! Ребята проще себя ведут, не делают всяких секретов и мне вполне доверяют. Позже я узнал, что семья Зины Стебловской осталась в оккупации. Если бы до немцев просочились слухи о ее службе в десанте, родню наверняка бы расстреляли. Кстати, это касалось и меня. Коваленко запретил мне говорить кому-либо, из каких я мест, и вообще реже называть фамилию.

Зина не носила наград, а может, не имела их. Но я понял, что Стебловская не новичок в десанте. Это чувствовалось во всем. Держалась она уверенно, Коваленко ее давно знал. Зина немного говорила по-немецки. Единственный человек в нашей группе. В школах нам иностранный язык преподавали кое-как, да мы и не стремились его учить. Зачем? Есть вещи поважнее. Сейчас бы нам знание немецкого пригодилось.

Кстати, стреляла Зина отлично. У нее был обычный ТТ. Иногда она приносила консервные банки, расставляла их и сбивала одну за другой. С ней мог бы соперничать только Коваленко, но он добровольно отдавал ей первое место. Еще говорили, что Зина хорошо владеет приемами нападения и защиты. Она тренировалась отдельно, вместе с несколькими девушками-десантницами.

Как мы были экипированы? Добротная красноармейская форма без знаков различия, сапоги, которые мы хорошо разносили. У всех легкие телогрейки. Федя Марков и Саня Погода были вооружены автоматами ППШ и пистолетами. Остальные — пистолетами и наганами. У всех десантные ножи, по две-три гранаты. В вещмешках — запас продовольствия на трое суток, индивидуальный пакет, по двенадцать толовых шашек, бикфордов шнур, по пачке-две патронов.

Задание мы узнали незадолго до отправки. Впрочем, Коваленко, наверное, знал заранее. Нам предстояло взорвать понтонный мост недалеко от станицы Потемкинской. Получилось так, что я стал едва ли не центральной фигурой в группе. Леонид Коваленко уточнял со мной маршрут, задавал десятки вопросов: какова ширина Дона, сила течения, где находятся открытые места и лес, есть ли поблизости мелкие хутора.

До вечера отдыхали, а затем нас отвезли на аэродром. Вылетели уже в темноте. Какой

тип самолета, я не знал. Разглядел, что небольшой, одномоторный. Летели часа полтора и довольно высоко. Как я понял, летчики делали крюк, обходя Сталинград. Насколько я мог ориентироваться, южнее города нас обстреляли. Возможно, наугад. Под нами сверкнули три яркие вспышки, потом еще одна. Звуки доносились как из-под земли, их заглушал мотор, но встряхнуло нас крепко.

— Готовьтесь! — прокричал пилот.

Стыдно сказать, но я трясся, как мальчишка. А кем я был? Мальчишкой, с наганом и гранатами на поясе. И боялся я не столько немцев, которые могли встретить нас огнем с земли, сколько падения в черную пустоту. А вдруг парашют не раскроется? Говорят, был такой случай незадолго до моего прибытия в учебный лагерь. Стропы перепутались, и от парня остался один мешок с костями. Наверняка происходили и другие подобные случаи, о которых предпочитали не распространяться, чтобы не портить нам нервы. Хотя слухи всякие ходили. На лбу пот выступил. Я незаметно смахнул его ладонью. Но времени на страх уже не оставалось. Первый из десантников, Саня Погода, карабкался на крыло, следом Зина Стебловская, а дальше моя очередь.

— Быстрее! — торопил Коваленко.

Старший сержант прыгал в тыл немцев не в первый раз и знал, как важно четко, без заминок, покинуть самолет и приземлиться, не отдаляясь друг от друга. Иначе группу придется собирать до утра. Я сжал зубы и, стараясь не смотреть вниз, полез на крыло. Парашют открылся автоматически. Толчок, и над головой повис круглый купол.

Приземлились, в общем, благополучно. Если не считать, что парашют Феди Маркова зацепился за большой вяз, а сам сержант повис в двух метрах от земли. Подрывник пытался рывком сдернуть купол, но ничего не получилось.

— Отцепляйся, — сказал Коваленко. — Сейчас все вместе что-нибудь придумаем.

Ветки вяза гибкие, крепкие, и группе пришлось повозиться. Перерезали ножами несколько строп и стащили купол. Торопливо орудя саперными лопатками, закопали все шесть парашютов, притоптали яму, забросали ветками и пучками сухой травы. Теперь бегом от места приземления к Дону! Хотя с десантным грузом не очень-то разбежишься.

Самый тяжелый для Сталинграда месяц, сентябрь 1942 года, достаточно описан в литературе. Почти полностью разрушенный город горел. Потoki горячей нефти плыли по реке. Зенитные орудия били и по немецким самолетам, и по танкам. Шли ожесточенные уличные бои, и линия фронта тянулась едва не по самому берегу Волги. Нам оставалась узкая полоска, которую немцы так и не смогли преодолеть.

С правой стороны Дона по ровной степи потоком двигались на Сталинград немецкие танки, бронетранспортеры и машины с пехотой.

Большими и малыми группами в сторону города шли в небе бомбардировщики, штурмовики в сопровождении истребителей. Над Доном и междуречьем постоянно вспыхивали воздушные бои, и люди напряженно следили за исходом неравных схваток — в 1942 году немцы в основном превосходили нас и в количестве, а особенно в качестве самолетов. Даже под Средней Ахтубой, в учебном лагере, мы с горечью видели, что чаще одерживают победы немецкие летчики, хотя доставалось и фрицам.

Почти вся немецкая техника и пехота переправлялись ночами по этим легким, но имеющим большую грузоподъемность мостам. Утром саперы отцепляли края моста, и небольшие буксиры отводили мосты в затоны или заливы, поросшие камышом, и тщательно маскировали. Ни техники, ни немецких частей поблизости от мест переправы и мостов не оставалось. В числе групп и отрядов, сформировавшихся в составе бригады, готовились также группы для уничтожения понтонных мостов через Дон.

Авиации для нанесения днем ударов у нашей армии не хватало. Да и прежде, чем нанести такой удар, требовалось время, чтобы обнаружить мост. Кружить над Доном не давали немецкие истребители. Ночные бомбежки мостов не приносили эффекта из-за отсутствия приборов ночного видения. Поэтому главная роль в уничтожении понтонных

мостов через Дон возлагалась на диверсионные группы.

Старший сержант Леонид Коваленко был опытным десантником. За успешно проведенные операции был награжден медалью «За отвагу», а орден Красной Звезды получил в начале сентября. Группа подобралась опытная. Саня Погода, Федор Марков, Зина Стебловская, назначенный к нам незадолго до отлета Витя Калинин уже участвовали в десантных операциях, воевали в составе частей бригады.

В Придонуе с первых дней оккупации действовали небольшие партизанские отряды. Здесь, как и всюду на занятой врагом территории, шла борьба с немцами. Отряды в основном были сформированы из сотрудников НКВД, милиции, добровольцев, коммунистов и комсомольцев. Уже позже я понял, на какой риск шли эти люди. И много ли было «добровольности» в таких решениях?

Ведь Сталинградская область — сплошные степи. Лес идет неширокой полосой вдоль Дона, его притоков. Имеются довольно крупные лесные овраги (в наших местах их называют «балки»). Но это не то место, где могут скрываться партизанские отряды. Большинство наших южных лесов легко просматриваются с воздуха, даже когда деревья покрыты листвой. Зимой и поздней осенью все просматривается насквозь. Судьба большинства партизанских отрядов в тылу Сталинградского фронта оказалась трагической. Они погибли почти полностью, сражаясь в окружении немцев.

У группы Коваленко имелись примерные координаты нужной им переправы — место нахождения передали партизаны. Без этих данных было бы просто невозможно найти тщательно замаскированное место. Несколько часов группа торопливо шагала в сторону переправы. Места вокруг были глухие: лес, заросли ивняка, болотца, овраги. Следов немецкой техники группа не видела. Зато встречалось много воронок от снарядов и бомб, поржавевшие каски, стреляные гильзы — следы летних боев. Видели несколько братских могил — песчаные осевшие холмы. На дощечках выжженные или написанные химическим карандашом фамилии и имена погибших. Кое-где и этого не было — в земле лежали безымянные защитники.

Часа через три группа разделилась на две части. Трое подрывников во главе с Саней Погодой остались в заросшей терновником лощине. Там же оставили мешки со взрывчаткой и продовольствием. Коваленко, Зина и я пошли дальше. Впереди уже виднелся Дон. Зина сняла камуфляжный комбинезон и, оставшись в простом платье, шагала впереди, делая вид, что собирает ежевику.

Через сотню шагов мы увидели что-то вроде причала — несколько бревен, забитых в береговой откос. Здесь, видимо, ночью цеплялись понтоны. Неподалеку под деревом стояла дощатая будка, из которой сразу вышел немец.

— Эй, фройляйн, иди сюда, — на ломаном русском языке позвал он Зину.

Но Зина, ничего не отвечая, быстро пошла прочь в сторону, где лежали Леонид Коваленко и я. Немец тоже ускорил шаг. Скорее всего, он не подозревал, что здесь, далеко в тылу, девушка может находиться с диверсионной группой, а Зину посчитал легкой добычей, с которой можно заняться любовью. Зина побежала, сделала вид, что споткнулась и упала.

Немец уже ничего не видел вокруг, кроме своей добычи. Из-за кустов выскочил Коваленко и обрушил свой огромный кулак на голову немца. Тот свалился как подкошенный. Леонид сорвал с него автомат и, связав с моей помощью, повел «языка» к лощине, где ждали трое других парашютистов во главе с Погодой.

Медленно подбирая немецкие слова, Зина вместе с Коваленко допросили пленного. Немцу было за тридцать, и он хорошо понимал, что его ждет. Оставалось надеяться только на чудо. А может, его все же пощадят и оставят в живых? Умирать не хочет никто, и даже спустя много лет я вспоминал, что, рассказывая о затоне, где спрятан понтонный мост, немец не переставал говорить о своей семье, о том, что он антифашист, из семьи рабочих, и сам трудился на судостроительной верфи. Он никогда не стрелял в русских, был сапером. Он верил в чудо.

— Сколько человек охраняют мост? — спросила Зина.

— Драй. Три человека.

— А вооружение?

— Три винтовки.

— Пулемета нет?

— Машингевер? Найн.

— Поблизости другие посты есть?

— Нет, — покачал головой немец. — Их всех отводят подальше от переправы. Поверьте мне, я сделаю все, чтобы вам помочь.

— Ну ладно, — перебил его Коваленко. — Пойдешь впереди, будешь показывать, где находится мост.

Немец замолчал. Ему завязали рот, и цепочка из семи человек — шесть парашютистов и пленный немецкий сапер — двинулась по изрытому воронками придонскому лесу. Я уже примерно представлял, где находится этот затон. Лишь бы фриц не навел на какую-нибудь засаду.

Через полчаса сапер остановился и показал на камышовые заросли.

— Василий, Зина, оставайтесь с пленным, а мы вчетвером налегке пойдём вперед, — дал команду Коваленко.

Понтонный мост стоял в затоне, среди камышовых зарослей, и был сверху накрыт маскировочной сеткой. Разглядеть его с воздуха было почти невозможно. Да и само место, окруженное высокими тополями, было выбрано умело. Видимо, рассчитывая на хорошую маскировку и своего часового, трое саперов дремали после трудной бессонной ночи. На войне такая беспечность часто стоит жизни.

Десантники подползли на десяток шагов и бросились вперед. Двое саперов были убиты ножами, третий успел вскочить и побежал.

— Не стрелять! — крикнул Коваленко, уверенный, что на своих длинных ногах догонит немца.

Но Федя Марков не выдержал. Сухо треснул выстрел, и немец, сделав по инерции два-три шага, повалился лицом вниз. Для командира группы треск пушечного выстрела прозвучал, как грохот.

— Ты в своем уме, Федор! — не выдержав, выругался старший сержант. — Задание провалишь! Ведь был приказ действовать только ножами.

Марков понуро промолчал. Он понимал, что из-за этого дурацкого выстрела нас могут услышать. Возможно, уже услышали.

— Боялся, что убежит, — наконец выдавил он.

Смертельно раненный немец скреб пальцами землю. Через несколько минут он умер. Настала тишина. Коваленко подал сигнал.

— Начали действовать! Времени в обрез.

Всего понтонов было семьдесят. К каждому предстояло прикрепить несколько толовых шашек, снарядить взрыватели и присоединить бикфордов шнур. Меня послали охранять подходы к затону, а подрывники минировали понтоны. Все они, в том числе Зина Стебловская, действовали быстро, но для меня, лежавшего в охране, время тянулось нескончаемо медленно. Неподалеку, за лесом, находилась родная станица, Потемкинская, мать и сестры, которых я не видел уже несколько месяцев, и на душе стало тоскливо. Увидимся ли мы еще?

Дон был пустынный. Высоко в безоблачном небе мерно гудели моторы немецких самолетов. Тройками шли на Сталинград тяжелые бомбардировщики «Дорнье-217». Каждый нес четыре тонны авиабомб. Технические данные наших и немецких самолетов я изучил хорошо. Насчитал двадцать четыре машины. Почти сто тонн взрывчатки обрушатся на город, если их не остановят наши истребители и зенитная оборона. Несмотря на кажущуюся медлительность, самолеты шли со скоростью 500 километров в час. Их сопровождали истребители, штук двадцать, не меньше. Тяжко придется нашим!

По Дону прошел немецкий катер. Я вцепился пальцами в рукоятку автомата. Если катер свернет в затон, группе не уйти от его крупнокалиберных пулеметов. Я разложил на траве три свои гранаты. Катер, конечно, ими не возьмешь, но задержать можно, да еще три автоматных магазина в запасе! Я уже мысленно готов был к бою. В семнадцать лет не веришь в собственную смерть. Но катер прошел мимо.

Время, казалось, замерло! Ну, скоро они там? Где-то далеко на горизонте разгорелся воздушный бой. Наверное, наши истребители пошли на перехват немецких самолетов. Оставляя дымный хвост, вниз падал самолет. Но чей, наш или немецкий, я не разглядел. Было слишком далеко.

Наконец, Коваленко закончил подготовку и приказал всем отойти подальше. Шипя, загорелся бикфордов шнур, один за другим загремели взрывы. Вверх взметнулись фонтаны воды, куски камыша. Кажется, все! Дело сделано. Показались Зина Стебловская и Федор Марков.

— А где командир с Калинчуком? — спросил Василий.

— С фрицем разговаривают, — отозвался Марков. Василий уже знал жестокие законы диверсионной войны. Пленных здесь не бывает, пусть даже действительно тот немец не хотел идти на войну и был когда-то антифашистом. Сейчас он был враг. И в голосе Федора Маркова была одна злость. В начале войны у него погиб брат, и с зимы не было известий от другого брата. Или убили, или в плену у немцев. У Калинчука под Киевом осталась в оккупации вся семья. Война коснулась каждого из десантников.

Через несколько минут появились Коваленко и Калинчук.

— Пошли, — коротко скомандовал сержант. — Идем в сторону хутора Генераловского. Полев — рядом со мной, будешь показывать дорогу.

Пока нам везло. Я хорошо знал здешние места и уверенно вел группу в сторону хутора Генераловского, выбирая наиболее глухие участки: балки, низины, заросли кустарника. Коваленко да и остальные не сомневались, что немцы обнаружили следы их «работы» и ищут группу. Шли несколько часов без отдыха, выбросив все лишнее: динамо-машину, электрошнур, взрыватели, взятые про запас. Из трофейного оружия сержант разрешил мне взять только автомат. Длинноствольные австрийские винтовки, которыми были вооружены немецкие саперы, были утоплены вместе с понтонами. Они бы только мешали пробираться в зарослях.

— Главное наше оружие — скорость! — вытирая пот, говорил Коваленко. — А если нарвемся на фрицев, то — внезапность. Сопли не жевать, гранаты под ноги, пуля в упор, и пробьемся через любого гада.

Леонид Коваленко был настоящим вожаком группы. Очень сильный физически, почти на голову выше любого из десантников, он действовал с врагом жестоко, и статьи о нем в тот период вряд ли бы пропустили редакторы газет. Такого авторитета не имели даже многие офицеры. Он шел впереди и внушал людям уверенность. Автомата он не имел, держа при себе неизменный ТТ, из которого стрелял мастерски. Впрочем, чаще пользовался тяжелым десантным ножом, взятом в бою у немецкого эсэсовца. Слово «спецназ» тогда не знали, но Коваленко и его группа вполне потянули бы на это звание, постигнув в совершенстве за месяцы войны ее хитрости и законы. Поэтому и выжили, выполнив несколько сложных заданий.

Невысоко над землей прошел самолет-разведчик «Шторх». Скорость этого небольшого самолета всего 170 километров в час, и группа, услышав издали шум мотора, успела даже заползти в камыши. Самолет прошел стороной.

— Нас ищут? — спросил я Леонида.

— Черт его знает. Может, по своим делам летит, а может, такую же группу выискивает. Ты думаешь, мы одни эти мосты рвем? Каждую ночь группы улетают.

Без понтонов немцам не обойтись. Днем переправляться их наша авиация отучила. Ну, пошли дальше.

Когда парашютисты едва не падали от усталости, сержант объявил:

— Привал!

В узкой сухой балке, в зарослях терновника, впервые за сутки перекусили. Диверсионные группы снабжали по первым нормам — на голодное брюхо не навоюешь! Имелась в запасе американская тушенка, наши советские консервы, сахар, чай, сухари. Все внезапно почувствовали голод. Мне запомнились очень вкусные ржаные сухари. Окунешь в котелок с водой, и получается почти натуральный ржаной хлеб. Да еще когда намажешь его тушенкой! Наелись, да еще нервное возбуждение. Потянуло на сон. Коваленко видел: сил ни у кого не осталось. Скомандовал:

— Четыре часа сна!

Поделили ночное охранение на пять человек — каждому дежурить чуть меньше часа. Исключение сделали лишь для Зины Стебловской. Мне досталось дежурить третьему. Сменил Саню Погоду. Позевывая, я спросил:

— Ну как, тихо?

— Вроде тихо. Но будь настороже. Если совсем на сон потянет, прогуляйся вон до тех акаций. В темноте тебя никто не увидит, главное, слушай внимательно.

Вот она, вторая ночь в тылу врага. Звездное сентябрьское небо. Ковш Большой Медведицы, россыпь Млечного Пути. То же небо, те же звезды, что и два года назад, когда на донских пlesaх я ловил с приятелями судаков. Только как все перевернулось. Нет в живых отца, двоюродного брата. Пришли похоронки и в соседние дома.

Высоко в небе снова послышался гул тяжелых самолетов. Сталинград бомбили днем и ночью. Вдали прошла колонна грузовиков. Фары погашены, а оставлены лишь узкие щели. Их едва заметно, но у меня зрение острое, почти кошачье. До грузовиков километра три, значит, там одна из степных дорог, ведущих на Сталинград.

У фашистов сейчас одно направление — Сталинград, Волга. Спать не хотелось, но я и сам себе не хотел признаваться, что жутко одному в ночи. По траве пробежал легкий ветерок, и, кажется, послышались чьи-то шаги. Патрон в патроннике, остается только сдвинуть предохранитель и нажать на спуск.

Прислонившись к дереву, я представлял, вот появится тень, за ней — другая. Провел стволом автомата слева направо. Стрелять придется без прицела — мушку в такой темноте не углядишь. Но я их уложу, первых двух или трех гадов одной длинной, веером, очередью. И потом сразу пару гранат. Подсумок расстегнут, только протяни руку. Так просто фрицам меня не взять, а там подоспеют остальные.

Но воображаемый бой не состоялся. Зато спустя несколько часов группа наткнулась на следы настоящего боя. И это было скорбное зрелище. До боли знакомый по фильмам и парадам истребитель И-16 чадил, косо врезавшись в песок. Одно крыло было сломано у основания, второе — с рваными отверстиями пушечных, пробоин. Я впервые видел так близко И-16. От задней части самолета остался лишь каркас, тонкий перкаль выгорел. По сравнению с металлическим корпусом «мессершмитта», который мне пришлось увидеть сбитым под Средней Ахтубой, И-16 был очень легкий и даже внешне сильно устаревший самолет. И все же на них дрались.

Мы подбежали к летчику, выброшенному из кабины и лежавшему шагах в десяти от истребителя. Комбинезон на нем тлел, и десантники торопливо отнесли тело в сторону. Пилот был мертв. Это была девушка лет двадцати. Все мы с горечью смотрели на нее.

Она, наверное, только что закончила училище и вот на этом устаревшем самолете до конца сражалась с немецкими истребителями! Были ли при ней какие документы, я не запомнил. Пистолет погибшей девушки Коваленко отдал кому-то из десантников. К сожалению, похоронить летчицу не удалось. Невдалеке продолжался воздушный бой, место было открытое, и рисковать группой Коваленко не мог.

Группа торопливо уходила на восток. Это уже была прифронтовая полоса, насыщенная войсками. На перекрестках степных дорог стояли замаскированные легкие броневики или мотоциклы с пулеметами. Свой тыл немцы охраняли повсеместно. В этот день группа едва

не попала в засаду. Шли по низине, заросшей ивняком. Впереди, как всегда, Коваленко, шагах в пятидесяти — остальная группа. Вдруг сержант подал знак, и все залегли. Метрах в семистах, на небольшом холме, виднелись две каски и ствол пулемета. Присмотревшись в бинокль, Коваленко увидел у подножия холма мотоцикл.

Место для засады немцы выбрали не случайно. Здесь, в стороне от дорог, среди кустарника, по широкой низине, прорезанной извилистыми овражками, могли пробираться окруженцы, партизаны или диверсионные группы. Техникой эти непроезжие места не проутюжишь. Отползали цепочкой, вжимаясь телами в пожухлую, осеннюю траву. Десантников с холма уже видно не было, но немцы уловили какое-то движение. Застучал пулемет. Одна, вторая, третья очередь. Очереди следовали одна за другой, простегивая кусты, густую некошеную траву, срезая кукурузные стебли небольшого поля за овражком.

— Не двигаться! — передал по цепочке Коваленко.

Я впервые оказался под огнем и всем своим существом ощущал гудение тяжелых пуль. Каким незащищенным кажется собственное тело!

Пилотка, гимнастерка, телогрейка, тощий вещмешок на спине с остатками еды и санитарным пакетом. Разрывная пуля щелкнула о тонкий ствол акации. Вспышка крошечного взрыва разорвала деревце на две половинки и отбросила верхушку в сторону. Рядом со мной лежал Витя Калинин.

— Нас они не видят, — тихо говорил Калинин. — На нервах играют. Вот если кто не выдержит, побежит, то всем конец будет. Насмотрелся я летом на такие вещи.

Пулеметчик, наконец, расстрелял ленту. Наступила тишина. Шестерка неподвижно лежала в бурьяне, а там, наверху, о чем-то совещались немцы. Затарахтел мотор мотоцикла, и тяжелый «зюндапп», переваливаясь через кочки, двинулся по полю. Дорогу мотоциклу преградила узкая глубокая балка. Объезжать ее было далеко, да и вообще вся эта низина не была рассчитана для езды на технике. К тому же немцы совсем не были уверены, что в шевелившейся от ветра траве находились люди.

Встав на пригорок, оба постовых разглядывали в бинокль окрестности. Десантников закрывали верхушки терновника, кочки и густая трава. Если бы немцы оказались более дотошными и все же полезли через колючки, схватки было бы не миновать. Но немцы, потоптавшись на бугорке и осмотрев все вокруг, снова сели на мотоцикл и уехали к своему посту на холме. А группа торопливо отползала к балке и, продираясь сквозь колючки, спешила прочь от опасного места.

В августе здесь шли ожесточенные бои. Прорываясь к городу, немцы наталкивались на упорное сопротивление наших войск. Тела погибших красноармейцев местные жители в основном хоронили, но о прошедших боях говорили траншеи, сгоревшие танки, машины, орудия. Я заглянул в одну из «тридцатьчетверок». Из распахнутого люка тянуло запахом мертвечины. В другом месте находились остатки артиллерийского дивизиона. Пушки были размолочены взрывами, вмяты в землю гусеницами танков. Останки двух погибших артиллеристов, без обуви, были расклеваны воронами. У одного из погибших оторвало ногу и вмяло грудную клетку. Из-под лохмотьев нательной рубашки торчали ребра и почерневшая ссохшаяся плоть.

Тяжелый немецкий танк Т-4, угловатый, с длинной пушкой, застыл на обочине. Боковой люк был вырван взрывом, правая гусеница змеей распласталась на земле. Крест на борту был закопчен, а возле него темнела пробоина. Металл спекся и отливал фиолетовым напылом.

— Бронебойным уделали, — сказал Федя Марков. Остальные промолчали, потому что, сколько хватало взгляда, валялись обломки наших советских пушек и танков. Артиллеристы даже не успели окопаться, их уничтожили на открытых позициях. Тогда немцы за считанные дни прорвались от Дона до Сталинграда, а теперь завязли в уличных боях. Но сколько погибло наших солдат здесь и сколько гибнет в Сталинграде каждый час и каждую минуту!

Во второй половине дня вышли к хутору Генераловскому. Коваленко направил Зину и

меня выяснить обстановку. Оставили оружие, вещмешки, я снял гимнастерку, оставшись в натальной рубашке и фуфайке. Армейские кирзачи тогда носили многие.

— Ты креститься умеешь? — спросила Зина.

— Могу, если надо.

— Ну-ка, покажи.

Я перекрестился, и Зина сказала, чтобы я не забывал креститься, когда это будет делать она.

От лишних вопросов меня давно отучили, и я шагал молча. Осторожно приблизились к крайнему дому. Две женщины и старик, жившие там, смотрели на нас не слишком приветливо. Прибежали двое мальчишек, лет по семь-восемь, но старик их прогнал и велел молчать, что видели чужих. Слово «чужие» меня неприятно задело. Мы — свои, мы воюем с немцами. Но ничего этого я не сказал. Разговор вела Зина, вернее, отвечала на вопросы старика.

— Далеко идете?

— В Сталинград, — коротко сказала Зина.

— Каждый день его бомбят. Отсюда зарево видно.

Небось от города ничего не осталось. Брат с сестрой, что ли? — Да.

— Чего-то вы не похожи... родственнички. Братишка светлый, а ты — темная.

— Бывает, — устало согласилась Зина. — Немцы в хуторе есть?

— Ты с ними, никак, воевать собралась?

— Встречаться не хочется. Беженцы мы. В Сталинград возвращаемся.

Женщина, которая помоложе, рассказала, что немцев в хуторе нет. Километрах в шести южнее стоит зенитная батарея, но немцы появляются в Генераловском редко — раз или два в неделю. Сплошного фронта впереди нет, а позиции занимают отдельные части румын.

— Те вреднючие, — вмешалась жена старика. — Хватают все что не попадя. Порося увидят, тут же по нему из винтовки палят. Ведро или тряпку углядят — все тащат. Но до хутора им не с руки добираться: ерики да камыши. Тем и спасаемся.

Зина осторожно расспрашивала дорогу, но деду это не понравилось. Оглядев мои армейские шаровары и сапоги, ехидно заметил:

— Вам немцев не искать, а прятаться от них надо. Ходюте всякие! Мальчишкам рот не закроешь, наболтают лишнего, и каюк вам.

— Кому каюк, неизвестно, — побледнела от злости сержант Стебловская. Она поняла, что дед примерно догадался, кто мы такие.

— Не знаю, как мальчишки, а если ты лишнее слово вякнешь, сгоришь вместе с домом. Обещаю!

— Да ладно вам! — испугалась женщина постарше. — И ты, дед, не мели глупости. Сейчас я вам молочка с хлебом вынесу.

Зина, успокаиваясь, подробнее расспрашивала дорогу. Я тоже кое-что уточнял. Бабка вынесла кувшин молока и четвертушку хлеба. Молиться уже было ни к чему, дед и так нас угадал. Мы поблагодарили, выпили молоко, а хлеб завернули в платок. Вначале шли неторопливо, потом ускорили шаг. Рассказали о встрече ребятам.

— Немцы с казаками заигрывают, — сказал Коваленко. — Обещают после войны землю вернуть. Кто-то верит. Ладно, пожую, и в путь.

Шли, вернее, бежали, торопясь уйти подальше от хутора. Впереди старший сержант Коваленко, а за ним — след в след остальные. Группу замыкал Федя Марков.

Взошла луна, голубоватым светом окрашивая траву и отбрасывая густые тени одиноких деревьев. Узкие глубокие балки казались черными колодцами. Впереди, за горизонтом, колыхалось далекое зарево — там горел Сталинград. Шли молча, иногда останавливаясь, настороженно вслушивались в ночные звуки. Как и каждую ночь, гудели самолеты — очередная эскадрилья или полк шли бомбить Сталинград. Уже доносились взрывы бомб и звуки орудийных выстрелов, до города оставалось не так далеко.

На румынский пост наткнулись рядом с поселком Абганерово. Взвилась ракета, и Коваленко, идущего впереди, окликнули по-румынски. Знавший несколько румынских фраз, сержант отозвался, что идут свои, и тут же скомандовал группе:

— На прорыв!

Позже детали этого короткого ночного боя сплелись для меня в яркие искры калейдоскопа. Замолотил совсем рядом, кажется, прямо под ногами, пулемет. Вразнобой стучали винтовочные выстрелы, частыми очередями огрызались два наших ПППШ. Коваленко и Погода одновременно бросили гранаты, целясь в пулеметное гнездо. Одна перелетела за бруствером, вторая рванула в окопе. Федор Марков успел тоже бросить гранату и, присев на колено, стрелял из автомата по вспышкам.

— Не задерживаться! Вперед! — крикнул Коваленко.

При свете очередной ракеты я увидел человека, наполовину высунувшегося из окопа. Чужая форма, непривычная каска. Румын передернул затвор винтовки, но я опередил его. Автомат забился в руках, как живой. Румына отбросило к другой стене окопа, винтовку вышибло из рук, а я продолжал давить на спусковой крючок автомата, пока не кончился магазин. Я перезарядил автомат. Трассирующие пули проносились рядом. Одна из трасс уткнулась в Саню Погоду, и он упал. Я наклонился над ним. Телогрейка на глазах пропитывалась большим черным пятном. Коваленко потянул меня за руку. Быстрее! Сане уже не поможешь.

Я успел пробежать еще десяток шагов. Яркая вспышка и удар по голове швырнули меня на землю. Со лба текла кровь, одним глазом я ничего не видел. Кто-то помог подняться, я побежал дальше. Вскрикнув, упал Витя Калинин. У него случилось что-то серьезное с ногой, ступня бессильно болталась. Идти он не мог, и его подхватили под руки.

Бежали из последних сил. Федя Марков прикрывал отход, расстреливая последний диск. Румыны преследовать группу не решились. Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, они предпочли отсидеться в траншее. Да и боевой дух румынских крестьян, согнанных немцами воевать в чужой стране, был невысокий. Русские дерутся за свою землю насмерть, а ради чего им подставлять свои лбы на чужбине?

Группу проводили беспорядочным огнем и несколькими ракетами, а затем все стихло. На рассвете, укрывшись в низине, осмотрели и перевязали раны. Тяжелее всех был ранен Витя Калинин. Разрывная пуля раздробила ему ступню, от сильной боли по лицу катились крупные капли пота. Временами он терял сознание. Ему наложили шины и, чтобы хоть немного облегчить боль, налили спирта.

Осколок гранаты попал мне в лоб, но, к счастью, лишь скользнул по кости. Еще несколько мелких осколков угодили в голову и шею. Левый глаз распух. Голову и часть лица туго перемотали бинтами. Ранен был и Федя Марков.

Израненная и истратившая почти все боеприпасы группа кое-как двинулась дальше. Вскоре мы вышли на передовые посты наших войск. Я и Федя Марков попали в медсанбат. Витю Калинин сразу отвезли в госпиталь. Наверное, удар крепко врезал мне по мозгам. На следующий день я вскакивал с кровати, искал Леню Коваленко и просился в бригаду. Мне сделали укол, и я проспал почти сутки. Немного успокоился. Врачи объяснили, что черепно-мозговая травма — штука серьезная и может кончиться плохо. Так что лежи и не суетись.

Операцию признали удачной, и всю группу представили к наградам. Зина Стебловская получила орден Красного Знамени. Чем были награждены остальные, не помню. Я получил медаль «За отвагу». Медаль носил гордо, на больничном халате. Редко кто получает такие награды в семнадцать лет. Помню, случайно услышал, как один из бывалых десантников сказал другому:

— Повезло этому парню, да и всей группе. Из шестерых человек пятеро вернулись. А под Голубинкой три группы сбросили, и все три, как в воду. Ни слуху, ни духу. В живых, наверное, никого нет.

Тогда я еще не понимал, насколько опасна «работа» десантников в тылу врага. Редкая

группа выходила без потерь, многие гибли в окружении, и часто никто не знал, где их могилы. Но урон десантные группы наносили значительный. За удачные операции и риск десантников наградами не обделяли.

После госпиталя меня направили на трехмесячные курсы. Я добился возвращения в свою бригаду, Леонид Иванович Коваленко, получивший звание «младший лейтенант», снова взял меня в свой взвод.

Была уже весна сорок третьего. Бригада, как и остальные войска, продолжала наступление, потом мы надолго застряли в обороне. Витю Калинин списали по инвалидности, у него была ампутирована часть ступни. Зина Стебловская пропала без вести вместе с целой группой. Что с ними случилось, можно только догадываться. Скорее всего, они погибли в бою. Зина в плен бы не сдалась, это я знал точно.

Прыгать в тыл врага мне довелось уже после Курской битвы, в ходе наступления на Днепр. Если на Дону мы взрывали понтонный мост, то здесь нам дали задание уничтожить небольшой железнодорожный мост. Задание было примерно схожее. Но в пойме Дона мы могли скрыться в лесу, многочисленных камышовых зарослях. Кроме того, я неплохо знал свои родные места. На Украине нам пришлось туго. Я в полной мере осознал, что такое война в тылу врага. Группа состояла из одиннадцати человек. Старшим был Коваленко, заместителем у него — Федя Марков. Мы были хорошо вооружены. У всех — автоматы, имели кроме взрывчатки две железнодорожные мины, которые могли снести с насыпи паровоз вместе с передними вагонами.

Но уже при десантировании нас обнаружили немцы и полицаи. Мы трое суток уходили от преследования, потеряв пять человек. Одному из ребят пуля перебила руку. Рана воспалилась, пошла чернота. Парень сильно страдал. Гангрена перешла на плечо, а мы отсиживались в степной балке не в силах ему помочь. Утром обнаружили его тело, уже остывшее. Короткая записка, начерканная в темноте корявыми буквами: «Прощайте все». И подпись. Он убил себя ударом ножа в грудь. Возможно, ему кто-то помог. На эту тему речь не заводили. Просто я вспомнил давнишний разговор с Леонидом Коваленко еще в Средней Ахтубе. Закопали товарища и пошли искать мост.

Нас отогнали от железной дороги далеко, да и взрывчатки оставалось совсем мало. Кончилась еда, а заходить в украинские хутора мы не рисковали. Нас четко инструктировали, что в селах достаточно людей, настроенных против Советской власти, и везде имеется полиция. И все же в одном из хуторов нам помогли. Хозяин накормил яичницей с салом, дал с собой мешочек творога и сырой картошки. Рассказал, где находятся немецкие и полицейские гарнизоны. Когда мы завели речь, что Красная Армия уже близко, он равнодушно отмахнулся:

— Шо, вона слаще немцев? Эти гады все подчистую гребут, и ваши небось грабить будут.

Потом спохватился, сказал, что немцы молодежь угоняют в Германию, расстреливают заложников. Скорее бы Красная Армия пришла. Так я и не понял, чего хотел этот крестьянин. Через много лет понял: покоя и мира. Уйдут немцы, придут наши и заставят в колхозе от темна до темна задарма работать. Но такие мысли мне тогда в голову не приходили. Когда сидели на берегу озера в зарослях густого жесткого вяза, Коваленко пересчитал остатки патронов, взрывчатки:

— Получается так: на железку нам идти не с чем. Динамита пять шашек осталось. Патронов кот наплакал. Получается, что мы вроде дезертиров. Что-то надо делать.

Пять человек, оборванные, первый раз за последние дни наевшиеся досыта, чистили автоматы. У меня в диске ПППШ осталось четыре патрона. Еще восемь в магазине ТТ. У остальных примерно столько же. Гранаты мы использовали, когда прорывались сквозь окружение. Помню, что мылись в уже застывшей воде, штопали, стирали обмундирование, брились. Я первый раз тогда брился. Смахнул за компанию с ребятами мягкую поросль со щек и подбородка. Надо мной смеялись:

— Васька-то мужиком стал! Ему бы еще бабу.

— Справишься с бабой, Васек?

Я что-то пробурчал в ответ, и все опять смеялись. Все же опытным командиром был Леонид Иванович Коваленко. Знал, чем встряхнуть людей. Когда высохла наша одежда и мы, вымытые, побритые (снова голодные), выстроились на берегу безымянного озера, Коваленко отдал приказ:

— Будем выполнять свой долг — бить немцев. Обязательно брать документы. Они нашим пригодятся.

Насчет документов мы поняли правильно. На кой черт наступающим к Днепру войскам какие-то солдатские книжки? Их при наступлении мешками собирают. Но для нас эти книжки и «аусвайсы» станут доказательством, что мы не отсиживались в кустах, а воевали.

Долго наблюдали за степной дорогой, по которой нескончаемым потоком двигались и немцы и беженцы. Обгоняя толпу, пронеслись легковые машины. На восток, навстречу нашим войскам, двигались танковые колонны, грузовики, набитые пехотой.

Вот бы эскадрилью-другую наших штурмовиков! Но не было в небе наших самолетов. Может, другие объекты бомбили, а может, по-прежнему не хватало самолетов. Мы поняли, что возле проселка нам делать нечего. Надо искать цель полегче и прежде всего разжиться патронами. Так получилось, что я почти всю войну пройду рядом с Леонидом Ивановичем Коваленко. Мне очень повезло. Не будь его рядом и не постигни я военный опыт своего старшего друга — не дожить мне до Победы! Он был человеком, о ком можно писать книгу. Коваленко обладал чутьем, без которого не могут воевать и выживать разведчики, летчики, танкисты (извините, если кого не упомянул!), то есть люди, которым надо принимать мгновенные, единственно правильные решения. И в этот раз, в бескрайней украинской степи, он быстро принял решение.

Мы наткнулись на степную речку. К началу сентября от нее мало что оставило раскаленное южное солнце. Это была извилистая низина с лужами мутной воды, соединенных между собой крохотным руслом, по которому пробивались родниковые струйки. Низина была глинистая, с проплешинами буро-зеленого солончака. На этом ложе удерживались остатки речки. Глина и солончак не давали влаге впитываться в землю. Кое-где попадались участки воды длиной метров сто-двести, окаймленные зарослями камыша. Кусты терновника, акации, редкие тополя вот и вся растительность.

Немцы сюда не стремились. Через солончаковую низину не проедешь — завязнешь. Укрытие от самолетов и летней жары — хилое, вода для питья непригодная. Даже купаться в этих лужах было почти невозможно. Но все же сюда подъезжали беженцы, распрягали лошадей и, обессиленные, валились спать. Иногда подъезжал грузовик или два. Водители долго цедили мутную взвесь и заливали через фильтры в радиаторы.

Мы искали добычу. Прятались, наблюдая за немцами. Беженцы нас интересовали меньше, хотя ребята вслух высказывались, что не худо бы их потрясти. Это же фашистские пособники, старосты! Небось едой запаслись. Но в первую очередь мы нуждались в патронах. Без них группа была обречена. Помню, мы долго наблюдали из кустов за чешской «шкодой», возле которой топтались человек восемь солдат. Вместе с водителем и унтер-офицером — всего десять человек.

Расстояние не превышало ста метров. Но немцы были вооружены. На поясах висели полные подсумки патронов, за спинами карабины, кое у кого — автоматы. Нас изрешетят, забросают гранатами в момент. В другой раз подъехала открытая машина-вездеход. Там было всего четверо. Но у пулемета дежурил солдат. Кусты и крутой берег позволяли подползти метров на сорок. Ну, и что толку? Сорок метров — это десяток секунд бега, а МГ-42 выпускает в секунду двенадцать пуль. За десять секунд — сто двадцать. Хватит на всю оставшуюся группу.

Наконец, мы увидели мост. Нет, не тот, железнодорожный, который мы были обязаны взорвать. Это было бревенчатое сооружение длиной метров тридцать. В центре дубовые «быки», защита в половодье, по краям бревна-опоры. Мост был так себе. Мог выдержать

грузовик, легкий бронетранспортер, небольшой тягач с пушкой. Танки и тяжелая техника здесь бы не прошли. Поэтому и охрана была небольшая. В чудом уцелевший бинокль Коваленко разглядывал мост. Я находился рядом с ним. Федя Марков и двое других десантников лежали позади.

Полицаев было четверо. Черные куртки, белые повязки, пилотки с трезубцем. Из оружия: ручной пулемет и винтовки. Иногда шли беженцы. Их останавливали, проверяли бумаги, что-то забирали, возможно, еду или вещи. За час наблюдения проехали двое немцев на мотоцикле. Видимо, это были «свои», местные немцы, из ближнего гарнизона. О чем-то поговорили с полицаями, и мотоцикл с ревом умчался. Потом проехал грузовик с солдатами. Судя по форме, чехи-саперы, может, венгры. Один из полицаев оседлал лошадь и неторопливо потрусил на хутор.

Впереди будут ожесточенные бои, форсирование Днепра, гибель многих товарищей. Но я навсегда запомнил тот сентябрьский день, когда мы с Леонидом Коваленко шагали прямо на стволы. Вряд ли кто, кроме Леонида, решился бы на такое. Сколько у нас было шансов на успех? Двадцать, десять... один из ста?

Прежде всего мы переоделись. Коваленко был в старой завалянной шинели, с оборванным хлястиком, которую мы вчера подобрали у дороги. Мы подбирали и другие вещи, потому что ночью было холодно. Сейчас этот хлам пригодился. Я снял гимнастерку, сапоги. На меня натянули свитер с рукавами едва не до колен. Из рукавов телогрейки быстро смастерили подобие поршней и примотали нищенскую обувь к ступням. Я получил самую длинную телогрейку (она принадлежала Коваленко), завернули рукава, оборвали пуговицы, и я надел ее на свитер. Ничего удивительного в этом маскараде полицаи бы не увидели. Беженцы шли порой в таком хламье, босые или, наоборот, на сентябрьской жаре в шубах и полушубках, спасая зимнюю одежду. План действий был разработан. Коваленко взял у кого-то из десантников ТТ и, передернув затвор, сунул в карман шинели. Свой трофейный «парабеллум» Леонид завернул в пилотку. Я тоже зарядил свой ТТ и спрятал его на спине, за пояс.

Подобраться к мосту незамеченным было невозможно. Коваленко выбрал другой способ. Мы дождались группу беженцев и вышли на дорогу. Леонид шагал, опираясь на палку, сильно прихрамывая. Длинная завалянная шинель была распахнута. Я шел чумазый и нес узелок из-под творага, набитый тряпьем. В общем, мы вполне могли сойти за беженцев. А могли и получить очередь из пулемета. Но полицаи в сентябре сорок третьего не спешили накручивать на себя новые грехи. Красная Армия наступала. Лишняя кровь была «бобикам» ни к чему. Возможно, и на это рассчитывал Леонид. Впереди нас катила тележку с бараклом бабка с внуком и поминутно оглядывалась на нас.

— Не верти головой, мамаша, — весело проговорил Коваленко. — Или понравился?

Бабка ускорила шаг. Ручной пулемет был установлен на небольшом возвышении. Пулеметчик сидел рядом. Двое полицаев стояли у шлагбаума. Один держал винтовку наперевес, второй готовился проверять документы. Кобура с наганом была расстегнута.

— Стой! — крикнул нам полицаи. — Откуда?

— Откуда и все. Спасаемся, — устало отозвался Коваленко.

— Бумаги е?

— Е-е! — закивал Леонид.

Опередить полицаи с заряженной винтовкой было сложно, и Леонид применил нехитрый прием, который мог и не сработать.

— Вон и бабы наши, — показал он полицаю с винтовкой левой рукой куда-то в сторону.

Полицаи обернулся. Леонид выстрелил в него из «парабеллума». Второй полицаи с необыкновенной быстротой выхватил наган. Коваленко нажал на спуск три раза подряд и крикнул мне: «Пулеметчик!» Полицаи с наганом, падая, успел выстрелить, и пуля отрикошетила от твердой, как камень, глины. Я торопливо опустошал обойму, целясь в пулеметчика. Но достал его все же Коваленко, выпустив два последних патрона.

Дальнейшее происходило, как в ускоренном фильме. К нам бежали трое оставшихся десантников. Полицай с пулеметом был жив. Из всех выпущенных пуль лишь одна разорвала кожу на скуле и, возможно, слегка оглушила его.

— Дяденьку, ридный... не убивай! — кричал он, протягивая мне навстречу заляпанные кровью ладони.

Он был не старше меня, и я не знал, что делать. Пистолет был пуст, про нож я забыл, а схватить пулемет не догадался. Подскочивший десантник выстрелил в него из автомата. Бабка, не выпуская тележку и внука из рук, с криком убежала прочь. Еще двое беженцев прыгнули с откоса. Коваленко командовал быстро и уверенно:

— Федор и Гриша, закладывайте взрывчатку. Мост к чертовой матери! Остальным собрать оружие, патроны, документы.

Коваленко подхватил ручной пулемет Дегтярева. Я помог собрать запасные диски, повесил на плечо винтовку, набил карманы патронами. Гранаты заталкивал за пояс и в вещмешок, который мне подставил наш десантник. В небольшой будке нашли еще патроны, гранаты, кое-какую еду.

— Отходите! — крикнул Марков. — Взрываю!

Но взрывчатки не хватило. Перебило пару бревен центральной опоры. Мост осел и перекосячился. Со стороны хутора уже хлопали выстрелы. Коваленко, встав на пригорок, выпустил несколько длинных очередей. Сменил диск.

— Федор, собирай гранаты.

— Не хватит, — отозвался Марков. — Здесь как минимум пару килограммов тола надо.

— Тогда поджигай.

В будке мы обнаружили пятилитровый бидон керосина. Для ламп и фонарей. Лихорадочно выламывали доски, крушили стол, лавки, заталкивая весь хлам в основание моста. Пыхнуло пламя, а со стороны хутора начал пристрелку наш «максим». Но в чужих руках. Полицай под прикрытием станкового пулемета двумя группами, человек по семь, обходили нас с флангов. Доски и тряпье, облитые керосином, горели вовсю, но толстые бревна лишь дымили.

— Бросай туда гранаты! — кричал Коваленко.

Он стрелял из пулемета, не давая полицаям приблизиться. Они и не рвались под пули, но упорно обходили нас. Десантник, стрелявший из винтовки рядом со мной, вскрикнул. Пуля попала в лицо, из уха брызнула кровь. Я попытался перевязать товарища, но кровь шла так обильно, что мгновенно пропитывала бинты и вату. Он умирал у меня на руках. Очередь прошла над головой, и я снова взялся за винтовку.

Федя Марков собрал в мешок гранаты, выдернул пару колец и едва не в упор швырнул тяжелый мешок под мост. У него оставалось три или четыре секунды. Он успел отбежать на десяток метров и бросился на землю. Отколотая взрывом острая щепка, как нож, вонзилась ему в бок. Несколько осколков попали в руки. Федор поднялся, вскарабкался на дорогу.

— Федя, лежи! — крикнул я. — Сейчас поможем. «Максим» в руках полицаяев молотил, не переставая.

Когда я подполз, увидел, что у Феде раздроблено пулями плечо. Он пытался что-то сказать, но деревянная щепка пробила легкое, изо рта текла розовая пена. Не помня себя, я куда-то тащил Федю. Я знал его больше года, он показывал фотографию отца, матери, братьев. Я видел его невесту, и вот он умирал. Мой друг, с которым когда-то я начинал службу десанником. Наверное, правду говорил тот мужик на призывном пункте, что из десанта живыми не возвращаются.

Гранаты не причинили мосту особого вреда. Вышибли бревно и снесли часть перил. Но пламя уже лизало нижнюю часть бревен и вырывалось вверх через пробитые щели. Еще бы десять минут! Для нас этот проклятый мост, который мы никак не могли разрушить, стал бы хоть частичной мезьей за гибель наших товарищей. Но и медлить было нельзя. Мы подхватили Федю на руки, но он уже умирал. Пуля попала в шею Михаилу, нашему товарищу, оставшемуся в живых, кроме меня и Леонида. Я перетянул шею тряпкой. Кажется,

пуля не задела позвонки и артерию, а лишь прошла под кожей.

Мы медлили. И еще пять или шесть минут отстреливались. Мы не могли оставить Федю Маркова. У него началась агония. И лишь тогда побежали. Мы сумели уйти от полицаев. Потому что нам нечего было терять, и мы стреляли в рост, даже не ложась. Леониду пуля разбила бинокль, прошла вскользь по ребрам. Полицаи воевали смело и упорно, но не рисковали приближаться ближе чем на триста-четырееста метров. Они не хотели умирать от пуль обреченных десантников. Но мы выжили. Нам помогли наступившие сумерки. Мы шли всю ночь. Михаил шагал, шатаясь. Мы поддерживали его, и он повторял адрес, куда надо сообщить, если он умрет:

— Астрахань, Черноярский район... Я остался у матери один...

Тогда, осенью сорок третьего, было много семей, где сыновей уже не оставалось. На рассвете мы сменили Михаилу повязку. Нашли тряпки почище, мочились на них и обматывали шею, покрытую коркой крови. — Выживешь, — повторял Леонид. — Тебе только разорвало кожу.

У Коваленко распух и посинел бок. Я наложил давящую повязку на сломанные ребра. Ручной пулемет с пустым диском перешел ко мне. Я набил диск патронами. Кроме этого, у нас оставалась винтовка с несколькими обоймами и две гранаты. В пистолетах было по два-три патрона — для себя.

Потом я не раз задумывался, надо ли было связываться с этим мостом. Мы потеряли Федю Маркова и еще одного товарища. Стоило ли это бревенчатое сооружение, которое мы до конца не успели сжечь, двух жизней? Забрали бы оружие, еду у полицаев, и бегом вдоль балки! У нас оставалось время и было оружие, чтобы отбиться. Коваленко не хотел оправдываться, но эти же мысли глодали и его. Немного позже он сказал:

— Нам дали задание взорвать мост, и мы его взорвали. Пусть другой, не железнодорожный. Но по нему через неделю, как крысы, ползут отступающие немцы. А метаться по степи и убегать мы не имели права. Мы и так бегали от немцев все эти дни.

Такие слова были несвойственны жесткому профессиональному десантнику. Это были слишком громкие слова. Но, возможно, они требовались, чтобы успокоить себя и нас. Доказать, что все делалось не зря. Наверное, я тоже слишком много вспоминаю про тот случай. Позже, на фронте, я видел гибель тысяч людей. А это был всего лишь рядовой эпизод войны.

Через сутки мы встретились с наступающей танковой частью. Позже добрались до своей бригады. Нас не хвалили, но и не высказывали претензий. Из группы в одиннадцать человек остались трое. Мы воевали, вернулись с оружием и после лечения снова встали в строй.

Я рассказал о двух эпизодах своего боевого пути. Если успею, что-то еще расскажу позже: Так сложилось, что практически всю войну я воевал в составе 27-й воздушно-десантной бригады, почти все время бок о бок с Леонидом Коваленко.

Правда, прыгать в тыл врага мне больше не пришлось. Учился на курсах минеров, потом воевал в боевых частях бригады и дважды был ранен, в том числе в ногу. Тяжелое ранение в колено не позволяло прыгать с парашютом. Я участвовал в боях за освобождение Донбасса, воевал в Венгрии, освобождал Вену. У реки Табор обнимались с американскими солдатами. Там и закончил войну. Был награжден орденами Отечественной Войны и Красной Звезды, несколькими медалями, в том числе той самой, первой, «За отвагу».

После войны служил некоторое время в армии, трудился на различных предприятиях, а затем был направлен на службу в милицию. Сейчас — полковник в отставке, имею двоих взрослых сыновей, внуков.

Я был наводчиком «сорокапятки»

Надо было срочно перебросить батарею через открытую

лощину на другую позицию. Первые два орудия немцы накрыли. Половина расчетов погибла. Моя «сорокапятка» была третьей. Весь расчет смотрел на меня. Умирать никому не хотелось...

Романов Г. П.

Я хорошо знал Георгия Петровича Романова и всю его большую семью. Дружил много лет с его старшим сыном. Георгий Петрович, высокого роста, широкоплечий, почти всю жизнь работал на оборонном заводе «Баррикады». Потеряв под бомбежкой в Сталинграде мать и отца, он ушел на фронт, не сумев их похоронить. Не смог он и вывезти из горящего Сталинграда жену и двухлетнего сына.

Он служил в расчете знаменитой «сорокапятки». В 1943–1944 годах эти пушки уже устарели. Вступая в бой с немецкими танками, артиллеристы всегда несли большие потери. Пережить два-три серьезных боя считалось большой удачей.

Георгий Петрович Романов прошел Великую Отечественную, получив тяжелое ранение, заслужив три ордена, медали и несколько благодарностей от Верховного Главнокомандующего Сталина И. В.

Я родился в 1914 году в селе Ерзовка, Дубовского района Сталинградской области. Родители простые рабочие, детей в семье было двое — я и старшая сестра. Окончил семь классов, работал в механических мастерских. В 1930 году вместе с родителями переехал в Сталинград, построили небольшой дом. В семнадцать лет поступил работать на завод «Баррикады», на котором трудился практически всю жизнь, если не считать тех лет, что воевал на фронте. Я довольно быстро освоил специальность артиллерийского слесаря — эта довоенная специальность значится в моей сохранившейся красноармейской книжке.

В 1939 году познакомился со своей будущей женой Шурой, и оба поняли — быть нам вместе. Забегая вперед, скажу, что так оно и получилось. Вскоре поженились, прожили вместе пятьдесят с лишним лет, вырастили двоих сыновей, дождались внуков. Старший сын, Валерий, родился в апреле 1940 года. А 22 Июня началась война, которая перечеркнула всю жизнь нашей семьи на две части: до и после...

Завод, на котором я трудился, был оборонного значения. Если уж простые фабрики работали без выходных, то завод «Баррикады», выпускающий артиллерийские изделия, работал день и ночь. Многие даже ночевали на заводе, чтобы сэкономить время на дорогу и немного больше отдохнуть. Но часто выходило так, что отдыха не получалось. Отработаешь смену, двенадцать часов, поужинаешь, а начальник цеха просит: «Надо бы еще пару часов потрудиться. Срочный заказ». Где два, там и три часа. За полночь спать ляжешь, а в пять утра будят. Опять что-то срочное. Мы понимали ситуацию, но люди до того выматывались, что просились от такой жизни на фронт.

Отдельные немецкие самолеты прорывались к Сталинграду с весны 1942 года, а девятого июля уже целая группа бомбардировщиков произвела массированный налет на промышленные объекты Кировского района. Пятнадцатого июля Сталинградская область была объявлена на военном положении. Вскоре начались почти постоянные бомбежки города. Двадцать третьего июля бомбили одновременно заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь». Большинство бомб легли в стороне от цеха. Сработали команды ПВО, которые начали жечь разный хлам, имитируя пожары.

Уже имелись немалые жертвы среди мирного населения, но никакого указания об эвакуации не поступало, и разговоры на эту тему пресекались. Я опасался за жизнь своих близких, но почти круглосуточная работа на заводе не давала возможности слишком задумываться на эту тему. Начиная с мощного налета сотен немецких самолетов 23 августа 1942 года, бомбардировки не прекращались ни днем, ни ночью. Бои шли на окраинах города, а завод «Баррикады» продолжал работать, выпуская оружие для фронта. В один из этих дней я был легко ранен осколком бомбы.

Но это казалось мелочью по сравнению с тем, что под бомбежкой погибли отец и мать,

дом был разрушен. Спрятав в каком-то погребе жену и двухлетнего сына, я кинулся искать хотя бы тела родителей, чтобы их похоронить. Кто-то из соседей видел, что отец лежал тяжело раненный на соседней улице. Но ни отца, ни мать в непрерывном грохоте бомб, густом дыму пожаров найти не смог. Практически все вокруг горело.

У меня уже была на руках повестка явиться на призывной пункт. Уклонение от явки означало трибунал. Я даже не мог вывезти из горящего города жену и двухлетнего сына Валеру. Попрощался с обоими. Жене сказал:

— Переждите бомбежку здесь, в погребе. А потом пробирайтесь к родне в Иловлю.

Никто из нас не знал, что расстаемся на долгих три с половиной года. Всех масштабов трагедии жителей Сталинграда, которых начали эвакуировать буквально в последний момент, ни я, ни Шура не могли даже представить. Как не могли представить, что в городе развернется ожесточенное сражение, которое будет длиться до февраля 1943 года.

Я побежал на призывной пункт. Бежал, как на передовой, под огнем, падая, когда слышал свист бомб, и пережидая очередную серию взрывов. О себе не думал. Хоть бы остались в живых жена и сын! Можно представить, что творилось на призывном пункте. Призывников, в основном мальчишек восемнадцати-двадцати лет, да и тех, кто постарше — мне было 28 лет, безоружных, необученных, — срочно выводили из огня, чтобы сформировать роты и батальоны, хотя бы наскоро обучить и вооружить. Меня, как опытного специалиста по артиллерийской технике, планировали отправить на курсы артиллеристов, которых на фронте не хватало.

Часть призывников, уже имевших военную подготовку, вооружали и присоединяли к вступающим в бой подразделениям. Я не хотел покидать Сталинград, желая быть ближе к жене и сыну. Может, как-то удастся им помочь. Но на мои просьбы пойти добровольцем ответили отказом.

— Нам специалисты нужны. Из винтовки любой выстрелит. А кто их танки уничтожать будет?

И начался мой долгий путь от одного города в другой. Начиналась учеба, но немцы продвигались вперед, и курсантов перевозили дальше на восток. Бог знает, сколько я пережил за зиму сорок второго — сорок третьего года, не зная, что с Шурой и Валерой. Слишком много тяжелого свалилось сразу. В один день погибли отец с матерью. Я часто видел во сне жену с сыном, двух единственных оставшихся на свете близких людей. Живы или нет? Весной сорок третьего пришло письмо от жены, что они живы, всю осень и зиму пробыли в осажденном Сталинграде, а весной добрались до поселка Иловли к родне, в семидесяти километрах от города.

Теперь я был спокоен. А нас, курсантов, перевезли еще дальше на восток. В каком-то городке я наконец окончил курсы артиллеристов, получил звание «сержант», самую главную специальность «наводчик», он же заместитель командира расчета противотанковой пушки калибра 45 миллиметров. Пробыв месяц в запасном полку, в ноябре 1943 года был направлен на фронт и сразу попал на передовую. «Прощай, Родина» — так называли солдаты наши пушки. Стояли батареи почти на одной линии с пехотой и сполна получали то, что сыпалось от немцев на передний край: мины, снаряды, бомбы.

Вроде и не слишком холодная зима на Украине, откуда начал я свой боевой путь, но за зиму намерзся так, что вспоминать не хочется. Днем порой растопит дождем лед и снег, хлопает в окопах грязь, где по щиколотку, где по колено. Тащат бойцы охапки веток, кое-как насобирав их в голой степи, или несколько пучков камыша, а после заката — мороз. Шинель застывает, как колокол. Прыгнешь в окоп и висишь на твердой обледеневшей шинели. Обомнешь ее кое-как, а под ногами ледяная каша. Прутья и камышины, втопанные в жижу. Холод пробивает до костей. Думаешь, неужели целая ночь впереди? Через час-два жижа замерзает, и сам начинаешь коченеть. Прыгаешь на месте, варежками хлопаешь. А от немца с воем летит серия мин, еще одна... Кажется, в тебя летят. Съежишься на льду и ждешь. Вот он, конец! А когда особенно сильный обстрел начинают, не выдерживали нервы.

В кого-то попало, раненый рядом кричит: «Убили!» Не раз в эти минуты приходили мысли: лучше уж сразу, чем так мучиться.

Утром по траншее идешь: один убитый лежит, второй, третий в грязи утонул, лишь подошвы торчат. Пулемет разбитый, а возле него малец скулит, пальцы на руке поотрывало. Успокоишь, поможешь перевязать:

— Не плачь, паря! Живым домой вернешься.

Высматриваем кухню. Кто поглазастей, кричит:

— Вон она! Разбитая лежит.

Ну, все, значит, до вечера голодные будем сидеть! Солнце взойдет, как-то легче становится. Наши гаубицы по немцам шарахнут, пехота постреляет. Старшина хлеб с махоркой тащит. Запьем ломоть водой, покурим, оживаем.

На войне быстро обвыкаешь. Я потом стыдился своих малодушных мыслей о смерти. Жена, сын тебя ждут. Надо жить. Приходил опыт. Да и возраст уже не мальчишеский — тридцать лет в марте сорок четвертого стукнуло. Для восемнадцатилетних мальчишек — почти дядя. В общем, мне везло. Участвовал в наступлениях, отбивал танковые атаки, получил медаль «За отвагу», когда батарея подожгла несколько немецких танков и помогла пехоте сдержать прорыв.

Говорят, крепко запоминается первый бой. Здесь с тебя мигом слетает шелуха, остается подлинное нутро. Может, и не совсем грамотно выражаюсь, но так оно и было.

«Сорокапяткой» в статьях и книгах восхищаются. Вот какая геройская пушка и какие герои-артиллеристы. Истребители танков! Громко звучит. Может, так оно и есть, но если, сказать прямо, то к концу сорок третьего года наша «сорокапятка» как противотанковое орудие безнадежно устарела. Даже новая улучшенная модель с удлиненным стволом. Повторять откровения других артиллеристов не буду. Пушка легкая, небольшая, скорострельная. Прицельность хорошая. Я на спор закатил на пятьсот метров снаряд в чердачное окно, где пулеметчик сидел. Только брызги полетели. Бронетранспортер или броневик наши снаряды легко пробивали.

Но ведь к зиме сорок третьего у немцев какие танки были? Про «тигр» и «пантеру» и говорить нечего. У них лобовая броня 100–110 миллиметров. К счастью, они составляли лишь небольшую часть немецкого танкового парка. У Т-3 и Т-4, самых массовых танков, броню постоянно усиливали, довели до 50 и более миллиметров. Да еще броневые экраны и звенья гусениц навешивали. Они в нас свободно за километр снаряд всаживали, а наше расстояние — это 300–400 метров. Да еще надо изловчиться и в борт болванку засадить. В лоб — бесполезно. Подкалиберные снаряды хорошая штука, но также на небольшом расстоянии. Выдавали нам их поштучно. Редко когда в комплекте орудия десятков подкалиберных имелось. Это уже ближе к сорок пятому увеличили норму, если таковая была. Да и подкалиберные снаряды лобовую броню танков только в упор пробивали.

Ну, так вот, про первый бой. Наша шестиорудийная батарея входила в штат 190-го стрелкового полка. В полку имелись еще батареи трехдюймовых орудий. Но на левом фланге приняли удар мы, «сорокапятчики». Снега еще немного было, декабрь. Легкий морозец. Немецкие танки катили на нас с хорошей скоростью, маневрируя на ходу. Примерно штук 12 средних танков Т-3 и Т-4. А с бугра, как наседки, посылали в нашу сторону тяжелые 88-миллиметровые снаряды три самоходные установки. До них больше километра.

Атака, по существу, началась внезапно, без артподготовки, которая чаще вредит, чем помогает. Особенно я имею в виду нашу артподготовку с вечной нехваткой снарядов. Мы словно сигнал противнику даем своими жидкими залпами, мол, сейчас ударим! И когда атака начинается, немцы уже наготове. Не скажу, что в тот раз мы зевнули, но какие-то минуты немцы за счет внезапности выиграли.

Я во втором взводе состоял, заместителем командира орудия. Взводный у нас ничего мужик, взвешенный. А комбат, Олихейко (мы его фамилию между собой часто в непечатном виде произносили), был суетливым и не слишком опытным. Хоть и капитан, а где-то вдалеке

от передовой долго околачивался. Он начал звонить командиру полка, а у того свои заботы — немцы второй клин заколачивают. В общем, растерялся Олихейко.

Орудия у нас в ровиках замаскированы, защитные сетки — хоть и небольшие. Нас разглядеть трудно. Но лишь до первых выстрелов.

Тогда и снег закоптится, и люди забегают. В общем, будем мы, как на ладони. Но это полбеда, если мы первый удачный залп сделаем. Шесть стволов — сила. С нужного расстояния (метров триста) можно пару танков сразу подбить. А там уже легче дело пойдет.

Наш Олихейко еще кому-то позвонил и приказал открыть огонь одним взводом. Ахнули три пушки первого взвода. Недолет. Расстояние за шестьсот метров. Второй, третий залп. Мы, затаив дыхание, следим. Ну, может, один снаряд из девяти в цель попал, но броню не пробил. А взвод себя обнаружил. Во-первых, ударили по взводу две самоходки, и с останки — передние танки. Остальные продолжали вперед катить.

Позицию первого взвода накрыли сразу. Там черт-те что творилось. Вспышки взрывов, земля мерзлая взлетает, обломки зарядных ящиков. Одно орудие перевернуло, от второго куски посыпались. Третье орудие, как из преисподней, снаряды один за другим посылает. Подбили один танк. А остальные уже ближе к нам подвинулись. Идут наперерез, вот-вот борта подставят.

Взводный между орудиями бегают, а они друг от друга метрах в сорока стоят. Не спешите, ребята! Огонь по команде. А Олихейко свою команду торопится дать. Мы с нормального расстояния стреляли. Я «свой» танк хорошо видел, он навстречу двигался. Пришлось бить в лоб. Промахнулся, высокогато взял. «Снаряд!» — кричу. А снаряд уже в стволе. Зарядание у нас быстрое, и расчет слаженный. Второй снаряд от брони от ricoшетил, только голубая искра проскочила. А нам уже «подарок» от самоходки несет. 88 миллиметров ударили в задний брусстер. Осколки в основном поверху пошли. Но одному из расчета осколок каску пробил и сорвал вместе с ухом. Боец упал, катается, кричит, кровь хлещет.

Я на секунды замешкался, командир орудия, старший сержант Вощанов, меня оттолкнул, хотел сам за прицел встать. Но меня столкнуть трудно, я его на голову выше и физически крепче. «Не лезь!» — крикнул и снова выстрелил. Этот танк мы подбили. Наша пушка или другая, не поймешь. Работали, как автоматы, только гильзы звенели.

Танки бы нас расколошматили, на батарее три или четыре пушки оставались. Правда, и у немцев один танк горел, второй отползал кругами в низину, с порванной гусеницей. Но у них была другая цель. Они прорывали наш левый фланг, и следом за первой группой танков шла вторая с бронетранспортерами. Тогда уже завязывался узел будущего корсунь-шевченского побоища, и немцы совершали тактические прорывы, преследуя какие-то свои цели.

Наш взвод, развернув орудия, бил в борта и кормовую часть уходящих в снежной круговерти немецких машин. По нас стреляли самоходки с холмов и разбили одно орудие. Может, добились бы и остальные, но подключились наши гаубицы. Взрывы тяжелых шестидюймовок заставили отползти самоходки. Часть снарядов обрушилась и на прорывающиеся танки. Остановить их не сумели, но еще один подбили. Мы хорошо подковали бронетранспортер. Он загорелся. Из него выскочили человек двенадцать фрицев и, пригибаясь, побежали прочь.

Они были в шинелях и хорошо заметны на снегу. Мы подожгли подбитый гаубицей танк и принялись посылать осколочные снаряды в убегающих. Все были злые, снарядов не жалели. Почти весь экипаж бронетранспортера был уничтожен. Может, кто-то бы и спасся, но к горящим машинам побежали пехотинцы и добились притаившихся или раненых фрицев.

После боя мы похоронили девять ребят из батарее. Все молодые парни, и двадцати лет не исполнилось. Отправили человек двадцать пять раненых в медсанбат.

Вот и считай: в батарее около шестидесяти человек вместе с коноводами было, а осталось чуть более двадцати. Раненые в основном тяжелые. Пострадали от осколочных снарядов. Жутко смотреть на разорванные тела, внутренности, оторванные ноги, руки.

Заряжающий, который как резаный кричал, дешево отделался. Его лишь оглушило и ухо осколком срезало. Вертит в руках разодранную каску и глазам не верит, что жив остался. Нашего взводного ранили.

Увидел я и первые трофеи, за которыми ребята успели сгонять: автомат, ножи, часы, удобные немецкие котелки. С любопытством разглядывали. А потом приводили в порядок три оставшихся орудия. В нашем взводе два уцелело, в первом — одно. А весь бой с полчаса длился. Это считая то время, что мы по убегающим немцам стреляли.

Кроме наших трех пушек, самоходки разбили две дивизионные трехдюймовки, и пехоте попутно досталось. Они отдельно своих хоронили, чтобы далеко тела не носить. В общем, за три немецких танка и бронетранспортер заплатили мы не дешево.

Медаль «За отвагу» получил я, когда поддерживали в наступлении пехоту. Мешал вкопанный в землю танк. Стреляли и другие точки, но этот досаждал особенно. Комбат дал задание командиру орудия Воцанову уничтожить танк.

Ударили мы метров с трехсот. Снаряды башню не берут, а танк в нас шарахнул. Воцанова ранили, заряжающего убили. Комбат кричит: «Стреляйте!» А что толку? Далеко. Попросил двух бойцов в подмогу, и покатили пушку в обход. Наши коноводы куда-то далеко забились, поэтому на руках «сорокапятку» катили. Запарились, пока в снегу упирались. А снарядов всего штук восемь прихватили. Я примерился. Виднелась лишь башня со стволом. Ничего, хватит и этого!

Я за командира и за наводчика действовал. Попал с третьего снаряда. А после пятого танк загорелся. Немцы выскочили и по снегу уползли прочь. Пошла наша пехота. Другие немцы стали траншею покидать, а у нас всего два-три снаряда. Выпустили их, в кого-то попали. Немцы крепко отстреливались, когда отходили. Пулеметчики местами меняются и отходят, прикрывая пехоту. Мы из карабинов стреляли, но немецкие МГ-42 нам охоту быстро отбили. Очередь как врежет по щиту, мы зайцами в снег нырнули. С карабинами против немецких пулеметов не навоюешь. Жалел я, что снарядов мало взяли.

Наша пехота цепями двигалась. Пулеметчики быстрее за своими. Мы им вслед из карабинов постреляли, и пошел я за трофеями. Лежит немец лицом вниз, шинель, ранец. Я часы и пистолет хотел найти. Сержантам пистолеты не полагались, но считалось шиком их иметь. Особенно почему-то «парабеллумы». И вот когда я нагибался, ударила очередь, вторая. Я в снег бросился, спасибо, что глубокий. Это меня спасло. Оказывается, отходящая группа фрицев меня заметила и обстреляла. Обошлось. Но интерес к трофеям я приумерил. Хотя обзавелся позже и «парабеллумом» и часами. А одежду с убитых никогда не брал. Считалось дурной приметой.

За тот бой меня и наградили медалью «За отвагу». Не скажу, что подбитый танк все решил. Сил у наших войск уже хватало. Но чем-то мы помогли. По крайней мере, спасли несколько жизней пехотинцев, заткнув пасть этому танку.

Что еще про первую зиму сказать? Намерзлись под завязку. Рыли, конечно, землянки, ночевали в отбитых блиндажах. Но зима суетная была. Часто меняли места дислокаций, наступали. Сколько орудийных окопов вырыли — не сосчитать! На землянки сил не оставалось.

Сильно досаждала немецкая авиация. Чуть зазеваешься, истребители уже над головой. Бомбы сыпятся, пушечные и пулеметные очереди. В один из таких налетов про судьбу невольно вспомнил. Вырыли землянку, печку растопили, а тут команда: «К бою!» Выскочили, и к орудиям. Небольшая бомба попала в нашу землянку. Глядим, а на ее месте груда дымящейся земли и жердей. Мне свой вещмешок жалко стало. Там теплое белье лежало, хорошая трофейная бритва и что-то из еды. О жизни как-то и не подумал. Останься мы в землянке, даже могилу копать бы не пришлось.

Несли большие потери от немецких минометов. Мины сверху сыпятся — укрыться трудно. Этого добра у фрицев хватало. С утра начинали обстрел. Перекурят, и снова мины

летят. В отличие от пехотных траншей, мы свои позиции маскировали тщательно. Но от случайности не спасешься. Десять мин мимо пролетят, а одиннадцатая в цель врежет. Мы от минометного огня в отсечных ровиках спасались. Узкие, глубокие, они неплохо защищали. Меня после Вошанова назначили командиром расчета. Я в отдельном ровике, рядом с орудием находился. Продолжал выполнять обязанности наводчика. Наводчик — главное лицо при орудии, я прицел никому не доверял.

Однажды мина ударила в наш окоп и попала в ровик, где снаряды. Нас что спасло? Во-первых, не поленились для снарядов длинный и глубокий ровик выкопать. Во-вторых, боеприпасов было немного, в основном бронебойные. Они такой сильной детонации не дают. Но шарахнуло крепко. Всех оглушило, а одного бойца контузило и осколком подошву ботинка пробило. Перевязали и в тыл отправили.

Пушку перевернуло, осколками посекло, но прицел я при себе держал. Снарядами соседи поделились, и через полчаса можно было вести огонь.

Но это удача. Судьба. В соседней батарее обычная мина посередине окопа ударила. Когда она в замерзшую почву бьет, взрыватель мгновенно срабатывает, даже воронки не остается. Там осколки дел натворили. Командира расчета и заряжающего — наповал, еще двоих тяжело ранило. А снаряды невредимые. Собрали пушкарей поопытнее, и срочно укомплектовали расчет.

Вот такие вещи случались. Невеселые...

Свой первый орден Красной Звезды я получил приказом от 21 июля 1944 года. История этого ордена такова.

Пехотный батальон 190-го стрелкового полка, куда входила батарея, брал какую-то высоту. И полк был в боях уже изрядно потрепан, и от батареи из шести 45-миллиметровок остались лишь четыре. Сильный пулеметный огонь прижимал батальон к земле, да еще две немецкие полевые пушки калибра 75 миллиметров добавляли жару.

С этой штуковиной, выпуска начала тридцатых годов, я был знаком еще по работе на заводе. Нас, артиллерийских слесарей, знакомили с иностранными пушками, их особенностями. Что-то полезное мы использовали в своей работе. Короткоствольная, с массивным щитом, она неторопливо посылала шестикилограммовые снаряды, разбивала станковые пулеметы и накрывала в воронках и мелких ложбинках залегшую пехоту. Требовалось перекинуть за бугор наши «сорокапятки». Без их поддержки атака срывалась и прибавлялось все больше убитых и раненых. Батарея стояла в низине, прикрытая соснами и кустарником. Чтобы добраться до позиции, требовалось преодолеть метров восемьдесят открытого пространства.

Вначале, как всегда на «ура», рванули две первые упряжки с двумя «сорокапятками» и расчетами. Только немцы про эту проплешину хорошо знали. Первая «сорокапятка», преодолев две трети расстояния, угодила под разрыв снаряда, перевернулась. Убило кого-то из расчета и одну из лошадей. Остальные бойцы, кто раненый, кто контуженый, кое-как доползли до спасительных сосен.

Вторую «сорокапятку» разнесло прямым попаданием на полпути, а оставшихся в живых артиллеристов добило еще несколькими снарядами и пулеметным огнем. Погиб и командир взвода. Смотрел я на это месиво, лужи крови, исковерканные пушки и с тоской понимал, что сейчас наступит моя очередь. По телефону из штаба кричат, торопят командира батареи, тот оправдывается, а бойцы угрюмо ждут. Страшно, когда знаешь, что на верную смерть идешь. А идти придется. Заставят.

— Романов, ну что, видел? — с непонятной злостью спросил комбат. — Теперь твоя очередь.

В расчете у меня был ездовой. Бойкий, находчивый. Звали Никита. Когда расчет голодал, всегда надежда на него была. Походит, пошарит по окрестностям. Где картошки или молока выпросит, огурцов нарвет, а то и кусок мяса притащит. А был Никита уже в возрасте, постарше меня, сообразительный, много чего повидавший.

— Не торопись, сержант, — посоветовал он. — Подумать надо.

Думал он недолго и взял командование в свои руки. Приказал четверым крепким бойцам держать лошадей изо всех сил под уздцы, а сам Никита с другим ездовым давай лошадей кнутом охаживать. Били не на шутку. Лошади ржут, на дыбы становятся, а бойцы на уздечках повисли, держат на месте. Никита скомандовал:

— Отпускай!

Ребята мгновенно отпустили уздечки, и в стороны. Кони, ошалев от боли, так рванули, что немецкие артиллеристы и пулеметчики не успели взять прицел. Ахнул позади взрыв, защелкали по соснам разрывные пули, но упряжка с орудием влетела в прогалину и была уже в безопасности.

Расчет, кроме Никиты, переполз через открытое место, а ездовой взялся за «переправку» последнего, четвертого расчета. Упряжку отвели немного подальше и таким же манером проскочили прогалину. А следом перебрался и расчет. Только чудес на войне не бывает. Хоть и перегнали пушку, а двое из расчета на этой вспаханной снарядами полосе остались. Одного осколками накрыло, а второй слишком торопился, поднял голову и угодил под пулеметную трассу. Только каска в воздух взлетела, а из головы красное с серым брызнуло. Я все это видел, даже застонал от отчаяния. Много уже смертей нагляделся, а внезапная гибель еще двоих ребят как по живому резанула. Пойдут к матерям и женам похоронки. Невольно себя убитым представил.

Комбат, взводный — зеленый лейтенант, да я, командир расчета — вот и весь командный состав батареи, в которой остались два орудия. Посоветовались, оглядели местность и быстро выкатили «сорокапятки» на прямую наводку. Немецкие 75-миллиметровые пушки, со щитами, похожими на поставленные торчком обеденные столы, только выгнутые посередине, имели горизонтальный угол обстрела всего пять градусов. То есть оставались минуты, чтобы прицелиться и ахнуть, пока немцы разворачивают станины.

Хоть и малый калибр у наших «сорокапятков», зато хорошая точность и скорострельность. Плюс наводчики опытные. Ударили по обеим короткостволкам вперемешку осколочными и фугасными снарядами. Вспоминал, как больно бил в глаза резиновый ободок оптического прицела после каждого выстрела. Одну немецкую пушку накрыли прямым попаданием, вторая нащупала нас. Били по ней, не жалея снарядов. Она была хорошо прикрыта, и наши снаряды вспахивали бруствер или взрывались с перелетом. Да и снаряды 45-миллиметровки весили всего тысячу двести граммов. Чтобы накрыть немецкое орудие, требовалось прямое попадание. Немцы тоже мазали. Но их чушки, даже если в цель не попадали, разбрасывали большое количество осколков. Мы в щит второй пушки наконец попали. А он покатый. Взрыватель сработал с запозданием, и снаряд взорвался в воздухе.

Зато ответная шестикилограммовка ударила едва не под колесо соседней «сорокапятки». У них и так расчет неполный был, а новый взрыв оставшихся разбросал. Кто убит, кто ранен. Комбат сам за прицел второй «сорокапятки» встал. Снова открыли огонь из двух орудий. Добили мы эту чертову пушку! Остатки снарядов выпустили по пулеметным гнездам. Кого-то подавили удачными попаданиями, другие умолкли, захлестнутые волной атакующих.

Передав раненых санитарам, закурили. С одной стороны — радостно, что сыграли решающую роль в наступлении. А с другой... Я считал оставшихся в живых из батареи. Уцелело не больше четверти людей. Осталось всего два орудия. Чему радоваться? За бруствером лежали в ряд накрытые плащ-палатками и шинелями трупы артиллеристов. Там же — лейтенант, наш взводный, который пробыл на переднем крае суток трое. А с повозки сгружали еще тела. Тех, кто погибли, когда миновали открытую лощину. Если бы не находчивость Никиты, всю батарею там бы оставили.

Старшина привез еду. Тоскливая, обычная на фронте картина после жестокого боя. Термосы с кашей, хлеб, водка, махорка на всю батарею, а нас всего человек пятнадцать

осталось. Еда в глотку не лезет. Выпили по кружке, повторили, стали ужинать. Голодные. Не заметили, как термосы опустели.

Сходили, глянули на разбитые немецкие пушки. Короткий толстый ствол, колеса с пружинистой необычной резиной. Орудие вроде массивное, а весит, как наша «сорокапятка». Мы его легко втроем-вчетвером ворочали. Пересчитали попадания. Немецкие артиллеристы уже с вывернутыми карманами лежали. У некоторых и сапоги стащили. Нам даже обидно стало. Мы автоматы искали, но их уже пехота забрала. Зато нашли в блиндаже да в окопах штук пять одеял. Пехоте тяжело тащить, а у нас конная тяга. Забрали, потому что ночью сильно знобило — ночи на Украине влажные, прохладные. Гранатами трофейными разжились с длинными рукоятками.

Я одну как запустил, она метров шестьдесят пролетела. Нашу так далеко не кинешь. Поспорили, почему у нас в армии таких гранат нет. Дровесины, что ли, для рукояток не хватает? Так и не пришли ни к какому выводу. А граната — мы их «колотушками» называли — слабая. Завидовать нечему. Мы больше на свои «лимонки» надеялись. Сильная вещь. В расчете всегда запас «лимонок» имелся. Автоматов мало было. Поэтому при случае мы всегда немецкие автоматы брали.

За этот бой я получил орден Красной Звезды. Наградили орденами и медалями еще несколько человек из батареи, в том числе Никиту.

Первый орден Отечественной войны я получил осенью сорок четвертого года. Орден среди офицеров и солдат очень почетный, высокий по статусу, и многие мечтали получить именно его.

После небольшой передышки и переформирования снова началось наступление. Батарея получила недостающие орудия до полного комплекта. Часть карабинов заменили автоматами. Наконец-то догадались! Нужная вещь для «сорокапятчиков», которые шли бок о бок с пехотой, отбивали и танковые атаки, и вступали в ближний бой с немцами.

В августе наши войска начали освобождение Польши. Бои шли на редкость ожесточенные. За Польшей — Германия, и немцы упорно держали этот последний форпост перед границами Рейха. Форсировали многочисленные речки, большие и малые. Стрелковый полк, в состав которого входила наша батарея, получил задачу форсировать одну из таких рек и создать небольшой плацдарм для дальнейшего наступления.

Река не очень широкая: где шестьдесят метров в ширину, где — поуже. Только не все просто. С западной стороны высокий крутой берег, а с нашей, восточной, песчаная и галечная отмель, открытая со всех сторон. Целый день выбирали место, искали все, что могло пригодиться для переправы. Понтонов не было. Разобрали какую-то сторожку, пилили сухие бревна, стволы деревьев и сколачивали плоты для пушек. Бойцы вязали охапки хвороста. И все это с оглядкой на небо: вдруг появятся немецкие самолеты. В заводи нашли две спрятанные рыбаками лодки. Удача!

Всю работу производили в лесу, подальше от реки. Там же, тщательно замаскированный, находился полк. Сколько на этих переправах людей потеряли! Поэтому действовали очень осторожно. Уже в темноте переправили на правый берег на найденных лодчонках разведчиков и саперов. Осмотрели откосы, обезвредили несколько мин. Осторожно проверили берег и мигнули фонариком — давайте! Первыми переправлялась усиленная пулеметами стрелковая рота, два минометных расчета и взвод «сорокапятков». Больше к берегу никого не подпускали. Лишние люди, лишний шум — всех перебьют на воде!

Я вспоминал, что теплой, даже жаркой была та сентябрьская ночь. Вместе с другими выгребал тяжелым самодельным веслом, упираясь сапогами в ящики со снарядами. Рядом пушка. Четыре весла и руль. Медленно, очень медленно приближался берег. Хоть и прикрывали нас десяток саперов и разведчиков, но какой участок могли они контролировать? Двести, триста метров... Ударят с флангов скорострельные МГ-42, и поплывут по воде трупы.

А тут еще, как назло, тихо не получается. С треском переломилось весло на соседнем плоту. Мат, ругань. Кто-то выпустил из рук ремень, которым держался за бревно, забулькал, замолотил по воде ногами.

— Помогите!

— Цыть! — зашипел командир батареи, который вместе со взводным сопровождал первый орудийный взвод.

На соседнем плоту тоже старательно выгребает давний приятель, земляк из Сталинграда, Коля Бажанов. Вместе на поселке «Красный Октябрь» жили, потом судьба раскидала по разным фронтам, а на переформировании встретились снова. Ездовые с лошадьми плывут рядом. Вместе с ними Никита, по-прежнему ездовой в моем расчете. Сколько за эти месяцы бойцов потеряли, а мне и Никите пока везло.

Наконец берег. Полезли наверх. Немцев не слышно, хотя стрельба доносилась и справа и слева. Правда, далеко. Бойцы догадывались, что на правом берегу торопились закрепить передовые части соседних полков и дивизий. До утра без отдыха копали орудийные окопы, щели для укрытий. Пехота рыла свои укрепления. Сновали взад-вперед обе лодчонки, подвозили оставшиеся на левом берегу дополнительные боеприпасы, продовольствие. Я еще подумал: вот самое время перебросить весь батальон и артиллерию.

Но, видно, не зря такими небольшими группами занимали плацдармы. На рассвете немцы разглядели десант и сразу открыли отсечный огонь из гаубиц по реке и песчаной отмели, где еще копошились люди, готовили к переброске оставшийся груз. Вдребезги разнесли обе лодки. На отмели горели и взрывались ящики со снарядами, лежали несколько тел. А потом атака.

Видимо, у немцев людей на сплошную оборону не хватало, и к местам прорывов бросали мобильные группы хорошо подготовленных солдат. Не киношную атаку пришлось увидеть мне, когда цепи белогвардейцев, как на параде, идут на Анку-пулеметчицу. Здесь всё было по-другому. До леса — метров четыреста, а перед ним поле, подлесок, кусты ивняка, густая нескошенная трава. Как из-под земли возникали фигуры в пятнистых куртках. Под прикрытием пулеметов, перебежками, ползком стремительно двигались вперед и тоже вели на бегу непрерывный огонь.

Командир батареи был у меня новый. Капитан Макачук из опытных вояк, с лиловым шрамом на горле. Может, и голос от этого хриплый. Или от водки. Но командовал четко. Приказал замаскированные орудия держать наготове, но огонь ни в коем случае не открывать. Только по команде. Командирам орудий, наводчикам и заряжающим быть возле пушек, а остальным вести огонь из карабинов и автоматов по атакующим немцам.

Умело действовали фрицы. Чуть не сбросили наших в реку. Их станковые и ручные МГ-42 головы не давали поднять. Как метлой, сносили брустверы плюс огонь десятков автоматов. В наших «максимах» вода в кожухах от бешеного огня закипала. Редко когда немцы с такой яростью кидались в лоб. Сначала артиллерией, бомбами всё вспахивали, а тут атака с ходу, внезапная и напористая. Тот день запомнился мне на всю жизнь. Кажется, никогда в такой тяжелой ситуации не бывал. Люди гибли один за другим. Командир пехотной роты, молодой старший лейтенант, уже достаточно повоевавший, с орденом Красной Звезды, видимо, растерялся. Подбежал к капитану и закричал, размахивая пистолетом:

— Бей осколочными! Видишь, фрицы на шею садятся. Чего ждешь?

А командир батареи, Макачук, невзрачный, в выгоревшей гимнастерке, тоже с орденом и ленточками за ранения, насмешливо спросил:

— Какие тебе снаряды? В роте пять «максимов», не считая «Дегтяревых». Люди в окопы спрятались. Гони их всех наверх. А пушки для танков берегу. Их «максимами» не возьмешь.

Старлей что-то еще доказывать пытался, но немцы зашевелились. Новая атака. Капитан автомат в руки взял и говорит:

— Себе тоже найди автомат. С пистолетом не навоюешь. Все, беги к своим, а то я сам

твою роту под команду возьму.

И столько спокойствия и уверенности было в комбате, что я понял, повезло нам с командиром. Отбили атаку. Старлей и его взводные заставили всех стрелять. Много у них народу погибло. Очень сильный огонь немцы вели. Но отогнали фрицев. Кто посмелее из наших, смотались за трофеями. Обшарили немцев, которые ближе лежали. Принесли несколько автоматов, ранцы, фляжки со шнапсом.

Макарчук глянул на солдатские книжки, выданные из петлиц эсэсовские знаки, кинжалы. Только головой покачал:

— Эти в покое не оставят. Скоро наша очередь.

И действительно, через полчаса выползли три танка Т-4 и с ходу открыли огонь по траншеям пехоты. Пушки они пока не видели. Прав был Макарчук, не открывая позиции. Все три «сорокапятки» ударили одновременно. Потом успели выпустить еще снаряда по четыре и поджечь один танк.

Два оставшихся, обвешанных звеньями гусениц для дополнительной защиты, перенесли огонь на батарею. Расстояние — чуть больше двухсот. Вот и вспомнишь слова: «Прощай, Родина!» Я снова ловил в прицел основание башни танка, гусеницы. После нескольких снарядов танк замер, пошел дым, а рядом с соседним орудием раздался взрыв. «Сорокапятку» перевернуло, разбросало расчет.

Две оставшиеся пушки продолжали вести огонь. Танк, в который я попал, загорелся, а последний, третий уполз в лес.

— Коля! — окликнул я земляка. — Живой?

— Живой, — отозвался Коля Бажанов.

А через десяток минут близким взрывом накрыло вторую «сорокапятку». Пригибаясь, подбежал Бажанов и двое оставшихся бойцов из его расчета. Оглушенный взрывом, кричал мне:

— Принимай в свою команду — мы теперь безлошадные.

А вскоре оторвало колесо и сплющило осколком ствол моей родной «сорокапятки». Тяжело ранило двоих из расчета. Бойцов перевязали, отнесли вниз, к воде, где под обрывом был устроен временный лазарет. Сели покурить. У Николая Бажанова рука пробита, правда, кость не задело. Хлопали в разных местах противотанковые ружья, а из-за реки редко и равномерно били наши гаубицы. Лес невозможно было узнать. Некоторые деревья вырвало с корнем, от других остались одни голые стволы. Обгоревшие дубы растопырили во все стороны обрубленные черные ветки.

Где-то правее, километрах в десяти, раздавались глухие взрывы. Возможно, главное направление удара развивалось там. Убитых было много. Убирать не оставалось сил. Внизу, под обрывом лежали человек сорок тяжело раненных. Из моего расчета в строю остались трое: я, Никита и подносчик снарядов.

— Добьют нас, если вечером подмоги не будет, — как-то равнодушно проговорил комбат. — А ты, Георгий, везучий. Вокруг воронка на воронке, пушку разбило, а у тебя ни одной царапины.

— Сплюньте, товарищ капитан, — отозвался Николай Бажанов, — а то сглазите. У Георгия сыну четыре года.

И, правда, сглазил капитан. Только ранят меня много позже, и надолго растянется мой обратный путь домой.

Под прикрытием артиллерии и уцелевших бойцов, вечером начал переправу батальон за батальоном, весь остальной полк. За взятие плацдарма, уничтожение двух танков противника и проявленное мужество я был награжден орденом «Отечественной войны» 2-й степени.

Война продолжалась. Снова наступления, бои. Гибли и получали ранения люди. На их место приходили новые. Неожиданно и нелепо погиб повозочный Никита. Смелый сообразительный солдат, но порой бесшабашный. Пошел в брошенный хуторок разжиться харчами и нарвался на выходящих из окружения немцев.

Тело нашли только к вечеру. Присыпанное падающим снегом, замерзшая лужа крови и вырванные клочья шинели на груди. Погиб от автоматной очереди навывлет, пущенной в спину. Выдолбили в мерзлой земле неглубокую могилу, наскоро сколотили памятник-пирамидку, дали залп. Прощай, Никита!

Мне и Николаю Бажанову пока везло. Воевали вместе. Позже я был награжден вторым орденом «Отечественной войны» и получил три благодарности от Верховного Главнокомандующего Сталина И. В. Те потертые половинки плотной бумаги с портретом Сталина, ценились солдатами не меньше, чем медали, и хранятся у меня до сих пор. Вот короткий текст благодарностей от Верховного:

«...Сержанту Романову Г. П. - за отличные действия в боях за освобождение города Волковыска».

«...Сержанту Романову Г. П. - за отличные действия при прорыве обороны противника на южной границе Восточной Пруссии и взятие городов Найденбург, Едвабно, Алендорф».

«...Сержанту Романову Г. П. - за отличные боевые действия по окружению и ликвидации окруженной группировки немецких войск юго-восточнее Берлина».

Не подумай, что хвалюсь. Просто ценю я эти благодарности. А 28 апреля 1945 года меня тяжело ранило.

Только что вышли из боя. Орудия еще не остыли. Наступила тишина. Весна, первые листья, скоро войне конец... Я услышал характерный вой падающей мины. Взрыв за спиной, удар по ноге, по всему телу, и вот уже небо где-то вверху перед глазами. Не шевельнуться, не вздохнуть. Наверное, конец, — тоскливо пронеслось в голове. Не дождался меня Шура с Валеркой... И потерял сознание. Урывками вспоминал, как бегали, суетись друзья, перевязывали ногу. Николай Бажанов, земляк, друг боевой, как-то сумел убедить танкистов и подогнал танк.

— Надо быстрее в госпиталь. Кровью истечет.

И пошли госпиталю. Диагноз: «Множественные, слепые осколочные ранения нижней трети левой голени». А если проще: размолотило пучком осколков мышцы и кости. Операция одна за другой. Дадут передохнуть и снова режут, что-то вычищают хирурги, снова накладывают гипс. Ампутировать предлагали, чтобы не рисковать жизнью, но я отказался.

Сначала лежал в Германии. Как сквозь туман мелькало в памяти, как осторожно меня голого обмывала молодая медсестра. Стеснялся... А чего стесняться? Плыло все перед глазами, и тело чужое.

— Ты держись, солдат, — раздавался женский голос. Держался. Перевели в другой, третий госпиталь, и лишь 10 января 1946 года был выписан по инвалидности из эвакогоспиталя в городе Сызрань, Куйбышевской области. Восемь месяцев в госпиталях пролежал. Через сколько-то дней я шел по улице небольшого донского городка Иловля.

— Валерка, отец твой вернулся. Беги, встречай, — кричал кто-то.

Подбежала Шура, держа сына за руку.

— Валера, это же папа твой!

Помню, в доме Валера сидел у меня на коленях. Я гладил его по белобрысым волосам, раздавал нехитрые подарки: губную гармошку, конфеты в ярких обертках. Шуре — какой-то платок, что-то еще по мелочи. Я говорил и никак не мог наговориться с Шурой. А потом как-то неожиданно прилег и задремал. Сильно уставший был.

Чем закончить воспоминания о своей военной судьбе? Неделю-другую я передохнул, помог свату немного подремонтировать дом и отправился в Сталинград на свой завод «Баррикады». Приняли меня сразу, в тот же самый цех. Работал, приезжал к семье в Иловлю, а в конце сорок шестого перевез Шуру и сына в город, где снял маленький домишко в поселке «Красный Октябрь». С год там пожил, а потом мне дали маленькую комнату в тесной трехкомнатной квартире. Печка, колонка с водой на улице. Чего еще надо в

разрушенном войной городе! Живи и радуйся!

Вскоре переехали соседи, и завод передал нашей семье вторую комнату, а спустя несколько лет и третью. До 1974 года я работал на заводе «Баррикады». Часто ездил в командировки испытывать с военными свои артиллерийские изделия. Устранял неполадки, что-то улучшал. Офицеры к моему мнению прислушивались, а на доске почета завода фотография висела постоянно. Часто приходил к нам в гости с семьей мой однополчанин Николай Бажанов.

Давала знать о себе нога, в которой так и остался довольно крупный осколок. Хирурги решили, что трогать его не надо.

Никакими привилегиями я не пользовался. Работал в две смены, а когда приходил, то Шура всегда готовила мне тазик с теплой водой. Отогревала, растирала натруженную за смену ногу, которая так и не зажила. С меня то снимали, то заново давали инвалидность. В конце концов надоели хождения по больницам. И так проживу!

Георгий Петрович Романов умер, прожив с женой Александрой Ивановной долгую жизнь — пятьдесят шесть лет. Лежат они рядом на Краснооктябрьском кладбище.

Вечный вам покой...